

10.333
1959

ქართული
ბიბლიოთეკა

10

10335
42

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

МЭЛОР СТУРУА. Золотая осень.	3	
К дням польской культуры		
МИХАИЛ КВЕСЕЛАВА. Добро пожаловать, дорогие друзья!	9	
ЛЕОПОЛЬД ЛЕВИН. Над могилой советского солдата. Стихи.	11	
АЛЕКСАНДР ЗЕМНЫ. «Мисс Красота». Юмористический рассказ.	12	
ХУТА БЕРУЛАВА. С берегов Янцзы. Стихи.		15
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Рустави. Роман. Часть вторая.	17	
ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ ***. Стихи.	47	
Рассказы молодых писателей		
ОТИЯ ИОСЕЛИАНИ. День ее жизни.	48	
АРМЕН ЗУРАБОВ. Каринка.	49	
МЕРАБ ЭЛИОЗИШВИЛИ. Я пришел в шахту.	51	
АНАТОЛИЙ АДЖИНДЖАЛ. Миниатюры	54	
НИКОЛО МИЦИШВИЛИ. Три стихотворения.	57	
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ		
Д. СУЛИАШВИЛИ. Солдат революции. Повесть о Камо.	59	
ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ		
Г. ДЖОМАРДЖИДЗЕ. Продолжаем разговор о чае. Ответ редакции «Литературной Грузии».	75	
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА		
Л. КАЛАНДАДЗЕ. Роман о суровой юности.	79	
Г. МУХРАНЕЛИ. Удачи и упущения.	84	
А. ГАЦЕРЕЛИЯ. Мудрость таланта. К празднованию 300-летия со дня рождения Сулхана-Саба Орбелиани.	86	
АЛИО МИРЦХУЛАВА. Читая Коста...	89	
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ		
Ш. АЛХАЗИШВИЛИ. Наш Зига.	92	
Д. КУЗОВЕНКО, В. КОВАЛКО. Книга идет к читателю.	94	
Коротко об авторах.	96	

62.308

10

ОКТАБРЬ

1959

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Мэлор Стурра

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Осень 1959 года по праву войдет в историю человечества, как золотая осень. Пусть не на всех меридианах и параллелях одинаково улыбается земле солнце, пусть не везде мерно опадают пожелтевшие листья, пусть кое-где их крутит в безжалостном вихре колючий, пронизывающий ветер. Все же стрелка барометра неудержимо тянется к отметке «ясно».

Осень этого года и впрямь великолепна и неповторима. Конечно, если судить по календарю, она, как обычно, последовала за весной и летом и, как обычно, предшествует зиме. Но недаром говорится, что «все врут календари». Нынешняя осень воспринимается людьми как провозвестник конца зимы «холодной войны» и начала весны мира.

В этом в первую очередь заслуга исторического визита главы Советского правительства Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. Всего тринадцать дней длился этот визит, но всколыхнул он планету нашу от края и до края. Мировая общественность с огромным интересом и большими надеждами следила за поездкой Председателя Совета Министров СССР. Народы всего мира были кровно заинтересованы в том, чтобы эта поездка дала плодотворные результаты и способствовала разрядке международной напряженности.

Выступая на пресс-конференции в Кремле 5 августа этого года, Н. С. Хрущев говорил: «Есть ли реальные возможности для того, чтобы отношения между СССР и США строились на фундаменте мира и дружбы? Можно твердо сказать, что такие возможности есть. Между нашими странами нет каких-либо территориальных споров, которые могли бы мешать созданию обстановки доверия и взаимопонимания. Известно, что в годы второй мировой войны советский и аме-

риканский народы боролись вместе против общего врага».

Нельзя не привести и слова президента Эйзенхауэра, сказанные им в 1955 году в Женеве: «Американский народ хотел бы быть другом советского народа. Нет споров между американским и советским народами, между ними нет конфликтов, нет торговой вражды. Исторически наши народы всегда жили в мире».

Конечно, по многим вопросам Советский Союз и США расходятся. Но у народов наших стран есть общее дело, ради которого им следовало бы объединить свои усилия. Это — борьба за мир.

Поездка Н. С. Хрущева по Соединенным Штатам Америки явилась неопровержимым свидетельством этой общности целей советского и американского народов. Металлисты Питтсбурга и фермеры Айовы, интеллигенция Сан-Франциско и актеры Голливуда, миллионные массы, состоящие из тех, кого принято называть «человеком с улицы», с большой теплотой встречали главу Советского правительства на всем пути его следования по США. В этих теплых встречах находило свое истинное выражение стремление американского народа к миру и дружбе с советским народом.

Поездка Н. С. Хрущева по Соединенным Штатам Америки, которую он предпринял с открытым сердцем и добрыми намерениями, явилась подлинной миссией мира. Как писал в газете «Пиплс уорлд» выдающийся американский писатель Майкл Голд, «визит премьер-министра Хрущева потряс страну. Это — один из тех редких моментов в истории, когда все чувствуют, что, возможно, родился новый мир, и надежды, подобно развевающимся ярким знаменам, взлетают высоко над всеми народами». Лидер демократической партии США Стивенсон, оптимистически расценивая визит

Н. С. Хрущева, заявил: «Похоже, что надвигается мир».

Поездка Н. С. Хрущева по городам и селам Америки, его блестящие выступления и душевные беседы с простыми людьми явились великим вкладом в укрепление дружественных отношений между советским и американским народами, они в огромной степени помогли рассеять пропагандистский туман лжи, который застилал Советский Союз от глаз американцев. «В разгаре выполнения своей миссии Никита Хрущев, несомненно, произвел огромное впечатление, — вынуждена признать газета «Пост-диспетч», — его образ запечатлелся глубоко в скептических умах американцев в двух отношениях: прежде всего господин Хрущев сумел внушить глубокое убеждение, что он и его правительство серьезно подходят к делу, когда говорят об урегулировании споров «холодной войны» и о необходимости решительно идти по пути к миру и разоружению».

В высшей степени знаменательно, что такая оценка поездки Н. С. Хрущева по США характерна не только для американской печати, но и для печати других стран. «Американцы начинают верить тому, что Хрущев хочет прочного мира», — пишет французская газета «Пари пресс-Энтрансижан». Итальянская газета «Паэзе» замечает, в свою очередь: «Значение поездки Хрущева возрастает с каждым днем: население Соединенных Штатов показывает, что оно все меньше и меньше верит в сказку о человеке, прибывшем для того, чтобы диктовать свои условия, и все больше верит в реальную действительность, которая состоит в том, что в США был глава государства для того, чтобы предложить мир... Американский народ показывает, что он чувствует это, и аплодирует Хрущеву, улыбается ему».

Разумеется, в США были и такие круги, которые, упорствуя на своем, пытались оставаться в обозах «холодной войны». Но они тем самым лишь разоблачали себя в глазах мировой общественности как враги мира, а их вылазки неизменно кончались позорным провалом. Как вынужден признать корреспондент газетного треста Скриппс-Говард Тэйлор на страницах газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан», эти круги оказались вынужденными выбросить белый флаг в своей кампании публичной дискуссии с Н. С. Хрущевым. «Американские спорщики проигрывали», — уныло констатировал Тэйлор.

«Эта вихреподобная кампания от побережья до побережья вписала потрясающую главу в историю дипломатии», — пишет о визите Н. С. Хрущева на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» лидер

американских демократов Эдлай Стивенсон.

Сейчас, когда весь мир ознакомился с совместным советско-американским коммюнике, в котором выражен главный итог обмена мнениями между Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром по наиболее животрепещущим проблемам современной международной жизни, каждому ясно, что эта потрясающая глава в истории дипломатии открывает собой книгу мира. Какой человек не вздохнул облегченно, прочтя следующие строки этого исторического документа: «Председатель Совета Министров СССР и президент Соединенных Штатов согласились, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами путем переговоров».

* * *

И вот наш политический словарь обогатился новым термином. Это — «дух Кэмп Дэвида». Новый термин то и дело мелькает на страницах газет и журналов, звучит на всех волнах в эфире, им обильно пересыпают свои выступления государственные и политические деятели. Но что еще более важно — «дух Кэмп Дэвида» занял место не только в политическом словаре. Он вторгся и в международные отношения, в жизнь народов.

Нам кажется, что наиболее концентрированное определение понятия «дух Кэмп Дэвида» можно найти в совместном советско-американском коммюнике, которое было опубликовано после откровенного обмена мнениями между Н. С. Хрущевым и Эйзенхауэром в загородной резиденции последнего в местечке Кэмп Дэвид в Катоктинских горах (штат Мериленд). Имеются в виду именно те строки, которые были процитированы и выделены нами выше.

Да, «дух Кэмп Дэвида» означает отказ от применения силы в международных отношениях, признание и провозглашение того, что спорные вопросы можно и должно решать исключительно мирными средствами с помощью переговоров. Трактую более широко «дух Кэмп Дэвида», можно сказать, что он означает торжество государственного ума и человеческого разума в подходе к назревшим международным проблемам, признание того, что в наш век величайшего развития техники, в условиях, когда существуют государства с различным социальным строем, нельзя успешно решать эти проблемы иначе как на основе принципов мирного сосуществования.

Сейчас на Западе в большой моде научно-фантастические романы и повести, посвященные проблемам межпланетных путешествий. Авторы некоторых подобных книг считают, что с покорением космоса люди смогут разрешить противоре-

чия, которые никак не удается урегулировать на земле. Мне припоминается один из романов, где этот вопрос решается весьма просто — путем жребия. Дело происходит следующим образом. Люди добрались до Марса и полностью благоустроили эту планету. Затем на некоем международном форуме руководители двух противоположных лагерей — коммунистического и капиталистического — бросили жребий — кому оставаться на Земле, а кому перебираться на Марс. В общем, дело решилось к обоюдному согласию и удовлетворению.

Мы живем в эпоху, когда человеческий гений предпринимает первые прорывы в космос. Но это еще начало, и до времен, описываемых фантастами, нам еще очень далеко. Даже не вступая в спор с наивной космической социологией вышеупомянутого романиста, мы можем ограничиться, и это нам кажется вполне достаточным, констатацией одного непреложного факта — сейчас на земле существуют две противоположные социальные системы — социалистическая и капиталистическая. От того, как будут складываться отношения между ними, зависят судьбы человечества, его будущее.

Мы считаем, что отношения между капиталистическими и социалистическими странами должны основываться на принципах мирного сосуществования.

Советский Союз отстаивает принцип мирного сосуществования не из каких-либо тактических или конъюнктурных соображений. Этот принцип стал краеугольным камнем внешней политики Советского Союза с первых же лет Советской власти. Провозглашенный великим основателем Советского государства Лениным, принцип мирного сосуществования был и остается генеральной линией внешней политики нашей страны. У Советского Союза нет каких-либо мотивов для развязывания агрессивных войн. У нас нет классовых групп, заинтересованных в войне как средстве обогащения. У нас в изобилии имеются земля и природные богатства, источники сырья и рынки сбыта. Наш народ — народ-созидатель, ему нужен мир, а не война.

Принцип мирного сосуществования находит все более широкое международное признание. Мирное сосуществование находит свое международно-правовое признание и в таком документе, как устав Организации Объединенных Наций, в преамбуле которого говорится, что народы объединенных наций преисполнены решимости «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом как добрые соседи». Можно без преувеличения сказать, что сейчас подавляющее большинство населения земного шара отдает свой голос за принцип мирного сосуществования.

«Дух Кэмп Дэвида», возникший в итоге поездки Н. С. Хрущева в США, и провозглашенный в советско-американском коммюнике принцип, согласно которому неурегулированные международные вопросы должны решаться не силой, а мирными средствами, являются по сути дела признанием идеи мирного сосуществования.

Историческая глава истории дипломатии о визите Н. С. Хрущева в США не была бы написана, если бы не те кардинальные сдвиги, которые изменяют структуру нашей международной жизни. Известный американский публицист Уолтер Липпман, подводя итоги поездки Н. С. Хрущева в США, откровенно признает, что он, говоря его же словами, «не сознавал, какими мощными являются факторы, действующие на президента и на господина Хрущева». Именно эти факторы, продолжает Липпман, заставляют изыскать пути, которыми, как указывается в коммюнике, все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами — путем переговоров. Как видим, Уолтер Липпман процитировал те самые слова, которые мы привели в качестве сжатой формулы «духа Кэмп Дэвида».

Далее Липпман пишет о том, что ни для какой главы правительства, если употребить слова Эйзенхауэра, сказанные им несколько лет тому назад, «нет никакой альтернативы миру». С этим нельзя не согласиться. Советский Союз неустанно твердит о том, что в наше время имеются только два пути — или мирное сосуществование государств или новая мировая война с применением ядерно-ракетного оружия. И вряд ли даже самая горячая голова из стана поборников «холодной войны» осмелится выдать второе «или» за альтернативу миру.

Воцарение «духа Кэмп Дэвида» означает таяние льдов «холодной войны». Это признают сейчас почти все без исключения политические наблюдатели. Так, например, корреспондентка газеты «Нью-Йорк пост» Дорис Флисон пишет, что в отношениях между Востоком и Западом «сделан поворот на 180 градусов». Она весьма метко замечает, что «никто из следивших за поездкой Хрущева не мог найти в той обстановке, в которой проходил визит советского премьера, ни одного такого момента, где было бы естественным участие покойного Джона Фостера Даллеса». Флисон пишет о том, что «известные лозунги правительства полетели в мусорные ящики времени и начался процесс возвращения мира к здравому смыслу».

Да, здравомыслие — это неременная составная часть понятия «духа Кэмп Дэвида»!

«Дух Кэмп Дэвида» как политический термин образован по ассоциации с другим термином — «духом Женевы», который возник после совещания глав правительств великих держав в 1955 году. И далеко не случаен тот факт, что народы, произнося название загородной резиденции американского президента, связывают с ним надежду на созыв нового совещания в верхах, которое развило бы и углубило бы «дух Кэмп Дэвида» в международных отношениях.

Как известно, во время своего пребывания в США Н. С. Хрущев от имени Советского правительства внес в ООН Декларацию о всеобщем и полном разоружении. Этот день — 18 сентября 1959 года — будет золотыми буквами записан на скрижалях истории Организации Объединенных Наций. Казалось, вся наша планета превратилась в слух, прильнув к радиоприемникам. Выступление Н. С. Хрущева передавалось во все районы мира почти на всех языках с помощью телевидения и радио — либо в момент его произнесения, либо по записи. Оно было заснято на киноплёнку, и буквально через несколько часов десятки самолетов направились во все концы света с этими драгоценными кинодокументами на борту. Тридцать двухсторонних каналов связи было абонировано администрацией ООН для специальных радиокомментаторов, которые освещали выступление Председателя Совета Министров СССР.

Этот всеобщий интерес мировой общественности к выступлению главы Советского правительства вполне понятен и закономерен. Ведь в его выступлении речь шла о самом сокровенном, о самом дорогом, что есть на свете, — о мире, о том, как сохранить и упрочить его, во веки веков, как развеять раз и навсегда мрачные тучи войны.

На протяжении многих столетий мечтали об этом лучшие умы человечества. Но трактаты «О вечном мире», написанные их рукой на папирусе и пергаменте, сохли и желтели в тиши книгохранилищ в то время, как мир потрясали войны, в огне которых нередко сгорали и эти книгохранилища и хранившиеся там сгустки человеческой мечты.

Но сама мечта, подобно сказочному фениксу, каждый раз вновь возрождалась из пепла. Она была неистребима как надежда, прибежищем которой служат миллионы человеческих сердец.

И вот, наконец, наступило время, когда эта мечта о всеобщем мире шагнула со страниц пожелтевших свитков в гущу жизни, стала реально достижимой целью, когда война перестала быть фатальной неизбежностью. Мир, уже многие десятилетия бьющийся в лихорадке гонки вооружений, осознал, что

так дальше продолжаться не может, что в век атома, электроники и покорения космоса игра с огнем означает игру с судьбами цивилизации и будущего человечества. Достаточно сказать, что в результате взрыва одной только водородной бомбы высвобождается большая энергия, чем от всех взрывов, произведенных всеми странами во все войны, которые знала история.

Гонка вооружений вошла в сознание людей, как призрак, всегда шагающий впереди войны. Опыт истории с неумолимым красноречием подтвердил это. Говоря о причинах, вызвавших первую мировую войну, премьер-министр Англии тех лет лорд Грэй писал в своих мемуарах: «Мораль очевидна, она заключается в том, что большие вооружения неизменно ведут к войне... Таков урок, который настоящее должно извлечь из прошлого в интересах будущего мира, предостережение тем, кто придет после нас».

Накануне второй мировой войны другой премьер-министр Англии — Уинстон Черчилль, выступая в палате общин, говорил: «Я не могу поверить, чтобы после того, как вооружения во всех странах достигнут гигантских высот, не разразилась война... Мы заглядываем за грань ада». Так оно и произошло.

Но гонка вооружений это не только призрак, шагающий впереди войны. Гонка вооружений — это вампир, высасывающий жизненные соки народов. Подумать только, что сейчас от мирного труда оторвано более ста миллионов человек, наиболее энергичных и работоспособных, что ежегодно на военные расходы государства тратят, примерно, 100 миллиардов долларов, а средства, поглощенные гонкой вооружений только за последнее десятилетие, можно было бы построить более 150 миллионов домов, в которых могли бы со всеми удобствами разместиться многие сотни миллионов человек.

Но оружие создается руками человека. Эти же руки способны уничтожить его. Как заявил в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН Н. С. Хрущев: «Советское правительство, всесторонне рассмотрев создающуюся ситуацию, пришло к твердому убеждению, что выход из тупика нужно искать на путях всеобщего и полного разоружения».

Предлагаемое Советским правительством радикальное решение проблемы разоружения обеспечило бы коренной перелом в развитии международных отношений, установило бы атмосферу доверия между государствами и создало бы условия для мирной жизни народов. Оно положило бы начало грандиозной цепной реакции, из звеньев которой был бы выкован прочный мир, основанный на благородных принципах мирного сосу-

существования. Страны и народы, скрепив своими подписями пакт о вечном мире, перековав мечи на орала, пошли бы единым фронтом в наступление на таких врагов человека, как раковая болезнь и некоторые другие трудноизлечимые заболевания, на голод и нищету, засуху и наводнения, подали бы руку братской помощи экономически слаборазвитым странам, штурмовали бы глубины недр земных и дали небесные.

При трезвом взгляде на вещи нельзя не признать, что для разработки той широкой программы по разоружению, которую предложил Советский Союз, потребуется определенное время. Пока такая программа будет разрабатываться, нельзя сидеть сложа руки и ждать. Поэтому Советское правительство считает, что разработка программы всеобщего и полного разоружения не должна задерживать решения такого острого и вполне созревшего вопроса, как вопрос о прекращении испытаний ядерного оружия на вечные времена. Сейчас имеются все предпосылки для такого решения.

В случае, если в настоящее время в силу тех или иных причин западные державы не выразят готовности пойти на всеобщее полное разоружение, Советское правительство выразило готовность договориться с ними о частичных шагах по разоружению и упрочению безопасности.

Нам, советским людям, создающим коммунистическое общество, одним из основных строительных материалов которого является мир, война не нужна. В противовес лозунгу: «Давайте вооружаться!» мы выдвигаем лозунг: «Давайте полностью разоружаться!». Сейчас, когда международный климат имеет тенденцию к потеплению, когда лед «холодной войны» не только дал трещины, но и начал крошиться, когда мир является свидетелем «золотой осени», наступившей после долгожданной исторической встречи между руководителями двух могущественнейших держав мира — Советского Союза и США, имеются все основания для того, чтобы лозунг разоружения восторжествовал над лозунгом вооружения и был претворен в жизнь.

Как сказал Никита Сергеевич Хрущев, выступая с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН: «Осуществив полное разоружение, человечество испытало бы чувство, подобное тому, которое охватывает изнемогающего от усталости и терзаемого страхом перед угрозой гибели от жажды и истощения путника в пустыне, когда он после долгих скитаний достигнет оазиса». Цель новых советских предложений, смысл Декларации, внесенной Советским правительством, заключается в том, чтобы вся наша земля стала оазисом мира.

* * *

В ходе обмена мнениями в Кэмп Дэвиде было достигнуто понимание необходимости возобновить переговоры по берлинскому вопросу с тем, чтобы прийти к решению, удовлетворяющему все заинтересованные стороны и отвечающему интересам всеобщего мира. Нет необходимости особо указывать на важность этого вопроса. Достаточно сказать, что его решение в огромной степени способствовало бы ликвидации остатков второй мировой войны.

Итоги бесед в Кэмп Дэвиде были расценены их участниками как начало нового этапа в советско-американских отношениях на благо народов СССР и США, на благо мира во всем мире. В послании Н. С. Хрущева Д. Эйзенхауэру от 27 сентября говорится: «Обмен мнениями между нами по наиболее важным международным проблемам и по вопросам советско-американских отношений показал, что все более берет верх стремление предпринять необходимые усилия в целях ликвидации «холодной войны», создания обстановки доверия и взаимопонимания между нашими странами. Наши встречи несомненно будут содействовать разрядке международной напряженности, упрочению дела всеобщего мира».

Президент Д. Эйзенхауэр заявил, в свою очередь, на пресс-конференции в Белом доме, что, по его мнению, визит Н. С. Хрущева положил начало процессу улучшения американо-советских отношений.

Конечно, было бы нереалистично ожидать, что одна встреча глав правительств Советского Союза и США сможет разом «расчистить все нагромождения времен «холодной войны». Процесс налаживания дружественных, добрососедских отношений между государствами, процесс ликвидации недоверия и подозрительности — сложный и длительный. Но сейчас этому процессу положено хорошее начало.

Было бы столь же нереалистичным считать, что «дух Кэмп Дэвида» распространяется по нашей планете, не встречая никакого сопротивления. Силы, которые несколько лет назад заморозили «дух Женевы» во льдах «холодной войны», и сейчас хотели бы повторить этот опыт глубокого замораживания. Военные концерны, которые предпочитают золотую валюту золотой осени, по-прежнему через своих ставленников пытаются отравлять международную атмосферу. Нельзя иначе расценивать провокационное заявление, с которым выступил министр обороны США Макэлрой, да еще где — на чанкайшистском Тайване! В своем заявлении он вновь распространялся об угрозе так называемой «коммунистической агрессии» и

хвастал своими тяжелыми бомбардировщиками в качестве противоядия от этой, им же самим измышленной угрозы. Аналогичный характер носило выступление военного министра США Бракера от 27 сентября, которое было выдержано в духе худших времен «холодной войны».

Сторонники продолжения «холодной войны», упорно стремятся внушить мировой общественности мысль о том, что гора Катоктин, где находится Кэмп Дэвид, родила мышь. Но они сами себя опровергают, выдавая свой панический страх перед этой «мышью», признавая, что она может прогрызть денежную мощну военных монополий, а заодно и некоторые документы эпохи «холодной войны», оформившие целый ряд агрессивных военных союзов. Как пишет газета «Нью-Йорк таймс», увязывая этот вопрос с визитом в Вашингтон премьер-министра Италии Сеньи, «если сила не будет больше применяться для решения споров между Востоком и Западом, зачем нам нужно иметь американские ракетные базы в двадцати милях от Венеции?» Вопрос, что и говорить, не лишен резона.

«Дух Кэмп Дэвида» омрачил настроение не только американских апостолов гонки вооружений, но и боннских реваншистов. «Беседы в Кэмп Дэвиде, — свидетельствует боннский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Грусон, — вызвали в западногерманской столице смущение и нервозность». Еще бы, ведь в то время как политическим кредо западногерманских правящих кругов является лозунг «никаких экспериментов», мир оказался свидетелем эксперимента высшего ранга, как называют визит Н. С. Хрущева в США все без исключения западные обозреватели.

Чрезвычайно симптоматично состоявшееся на днях в Бад-Годесберге так называемое «германо-американское совещание», на которое прибыли из-за океана известные поборники политики «с позиции силы» — бывший государственный секретарь США Дин Ачесон, бывший американский верховный комиссар в Западной Германии Макклой, бывший американский посол в Бонне Конэнт, глашатай «превентивной» ядерной войны против социалистических стран Киссин-

гер и др. Совещание приветствовали президент ФРГ Любке, председатель бундестага Герстенмайер, присутствовал также канцлер Аденауэр. Участники совещания ратовали за то, чтобы политика США оставалась неизменной, чтобы продолжалось балансирование «на грани войны» и происходило наращивание военных сил НАТО в интересах «интеграции» Европы. Официально это именовалось «рассмотрением проблем отношений между Западом и Востоком».

Справедливости ради надо сказать, что инерция старого дает о себе знать и в таких событиях, как сессии агрессивных блоков СЕАТО и СЕНТО, проходившие недавно в Вашингтоне. Они явно не отвечали духу времени, «духу Кэмп Дэвида».

* * *

«Наше время может и должно стать временем осуществления великих идеалов, временем мира и прогресса», — сказал Никита Сергеевич Хрущев, обращаясь к тысячам москвичей, собравшимся во Дворце спорта в Лужниках. Возникновением «духа Кэмп Дэвида» в международных отношениях положено хорошее начало этому процессу. Все человечество, окрыленное успешным визитом главы Советского правительства за океан, живет в эти дни в обстановке больших ожиданий и светлых надежд. Даже респектабельная английская газета «Таймс», явно изменяя своему чопорному стилю, пишет, что события, происходящие осенью 1959 года, созвучны волнующим стихам из «Скифов», поэмы Александра Блока:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в
ножны,

Товарищи! Мы станем братья.

Один из обитателей Кэмп Дэвида, покойный президент Рузвельт назвал это местечко «долиной, где не стареют». Осень, пусть даже золотая, является порогом старости. Но золотая осень 1959 года тем и отличается от своих предшественниц, что она значительно приблизила осуществление нестареющей мечты человечества о всеобщем мире.

Добро пожаловать, дорогие друзья!

С таким приветствием обращается сегодня грузинский народ, общественность нашей республики к посланцам Польши, прибывшим в Тбилиси для участия в Днях польской культуры.

Исторические связи между нашими народами, и особенно связи культурные, имеют глубокие корни и большие традиции. Наша дружба, дружба польского и грузинского народов, ковалась в совместной борьбе против царизма, борьбе, которую мы вели рука об руку с русским народом, и, вспоминая интереснейшие факты, вписанные в ее летопись, мы вспоминаем тех, кому во многом обязаны своим развитием культуры польская, русская, грузинская.

Когда в 1825 году цвет русской нации — декабристы восстали против самодержавия, эхо этой прекрасной, хотя и неравной, борьбы пронеслось и по польской и по грузинской земле. Декабристы оказали огромное влияние на мировоззрение лучших сынов обоих народов. Многие русские и польские патриоты были сосланы на Кавказ, грузины — в Польшу.

В это жестокое время музы не молчали. Потрясенный казнью декабристов, великий польский поэт Адам Мицкевич переводит на польский язык стихотворение своего великого русского собрата Александра Пушкина «Послание в Сибирь». Пушкин, высоко ценивший поэзию Мицкевича, перевел его стихи. Бывало так, что стихотворение, еще не опубликованное на родном, польском языке, уже переводилось. Так случилось со знаменитым «Фарисом» Мицкевича, который зазвучал сперва на русском и вскоре — на грузинском языках. Этим стихотворением восхищались великий грузинский поэт Н. Бараташвили и другие писатели того времени. И не только этим. Наши великие поэты — Н. Бараташвили и Акакий Церетели были страстными поклонниками Мицкевича. Среди переводчиков Мицкевича — и наш выдающийся писатель Г. Эристави, изучивший польский язык в ссылке, в Ковно.

Самое дорогое для грузин художественное произведение — это поэма Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Мы рады тому, что еще в первой половине прошлого века ее переводил на польский язык живший в Тбилиси польский поэт Казимир Лапчинский и что уже в наши дни огромную работу по переводу этой гениальной поэмы провел замечательный поэт Юлиан Тувим.

Польскими общественными деятелями и поэтами, побывавшими в Грузии еще в конце XVIII и начале XIX столетий, написано о ней много очерков, стихов и путевых заметок.

Особо надо отметить деятельность трех известных польских поэтов—

Тадеуша Лада-Заблоцкого, Леона Янишевского и Владислава Стшельницкого, проведших в Грузии большую часть своей жизни.

Тадеуш Заблоцкий был сослан на Кавказ за распространение «возмутительных стихов» и «оскорбление величества». Здесь он сблизился с М. Туманишвили и другими общественными деятелями Грузии. Здесь он создал свои лучшие стихи о Кавказе, изданные в 1845 году в Петербурге отдельной книгой. Грузия стала второй родиной Заблоцкого.

Примерно так же сложилась судьба двух других польских поэтов — Леона Янишевского и Владислава Стшельницкого. После поражения польского восстания 1830 года Янишевский приехал в Грузию и зарабатывал на жизнь, давая уроки музыки в пансионе, где учился будущий великий писатель земли грузинской Илья Чавчавадзе. Янишевский вел здесь литературную работу, переводил на польский язык Пушкина, писал элегические и сатирические стихи, а также музыку.

Владислав Стшельницкий, сосланный на Кавказ за участие в тайном обществе, посвятил Грузии немало вдохновенных строк. Ему принадлежат три книги стихов, поэм и прозаических произведений. Умер Стшельницкий, как и Заблоцкий, в Тбилиси. В некрологе на смерть Стшельницкого, пользовавшегося глубоким уважением со стороны грузинской общественности, отмечалось, что этот молодой поэт обладал большим талантом и был искренне любим всеми своими друзьями.

Трудно перечислить всех польских деятелей литературы и искусства, живших и творивших в Грузии, особенно тех, кто лишь на время приезжал в Тбилиси. У нас в разное время гостили многие польские композиторы, художники, пианисты, певцы. Все они восторгались величественной природой Грузии и гостеприимством нашего народа. Много прекрасных стихов написано о Грузии польскими поэтами. И Грузия отвечает Польше любовью на любовь. Грузинские поэты Г. Леонидзе и С. Чиковани, посетившие Польскую Народную Республику, воспели в своих стихах братский польский народ, его гордое свободолюбие, его трудовой энтузиазм и преданность социализму, великие памятники прошлого.

Произведения польских писателей постоянно переводятся на грузинский язык. Огромным успехом пользуются среди наших читателей замечательные произведения гениальных польских поэтов А. Мицкевича и Ю. Словацкого. Еще с прошлого столетия хорошо известны в Грузии замечательные романы Г. Сенкевича и Э. Ожешко. За годы Советской власти были переведены произведения Б. Пруса, М. Конопницкой, А. Дыгасинского, Г. Даниловского, М. Домбровской, А. Рудницкого, Я. Ивашкевича, Е. Богусевской и других.

Культурные связи между польским и грузинским народами крепнут изо дня в день. Благородной цели — укреплению дружбы и сотрудничества между польским и грузинским народами, между всеми миролюбивыми народами служит и проведение Дней грузинской культуры в Польше и Дней польской культуры — в Грузии.

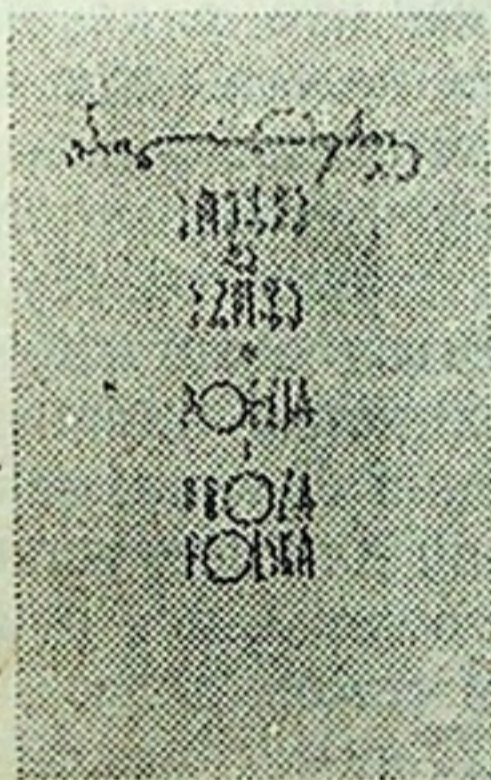
Михаил КВЕСЕЛАВА.

НАД МОГИЛОЙ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА

Перевод с польского М. Живо́ва

Откуда ты, товарищ боевой?
Под вербой плачущей твоя могила.
С отчизною в глазах здесь путь ты кончил
свой

И польская земля тебя здесь схоронила.
Быть может, в час, когда ты умирал
За вольность нашу и за вольность вашу,
Ты видел степь над водами Балхаша,
К пунцовым макам руки простирал.
А может быть, закончил ты свой век,
К горам Кавказа устремивши взоры, —
Туда, где высится седой Казбек,
Где виноград вынашивают горы,
Где стелются зеленые ковры,
Где извиваются ручьи, подобно змеям,
И восславлял величие горы,
Доступной лишь орлам и Прометеям.
Иль может быть, в последний жизни час
Далекий Уссурийский край свой вспомнил,
Иль пред тобою встал родной Донбасс,
Глубь штолен и пылающие домны...
...Откуда б ни был ты, могила эта
Дороже мне иных могил стократ.
Я знаю лишь — ты сын Страны Советов
И стало быть — мой брат.

На полках книжных магазинов Тбилиси появилась интересная книга — это сборник «Польская поэзия и проза», выпущенный издательством «Сабчота Сакартвело» на грузинском языке.

Большое место в книге занимают творения великого певца польской земли Адама Мицкевича. Широко представлена в книге польская проза. Читатель найдет здесь произведения как писателей

XIX, так и XX веков: Болеслава Пруса, Генриха Сенкевича, Марии Конопницкой, Адольфа Дыгасинского, Густава Даниловского, Марии Домбровской, Адольфа Рудницкого, Ярослава Ивашкевича, Елены Богушевской, Вацлава Грубинского, Марии Яроховской, Станислава Ковалевского. Рассказы, составившие сборник, публикуются в переводах М. Ахаладзе, произведения А. Мицкевича и Ю. Тувима переведены И. Абашидзе, К. Лордкипанидзе, К. Чичинадзе, Гр. Абашидзе, Х. Вардошвили, С. Пашалишвили, В. Габескирия, К. Каладзе, Иасамани, М. Патаридзе, В. Горгадзе, Гр. Цецхладзе, А. Мирцхулава, Л. Мгеладзе.

«Мисс Красота»

Юмористический рассказ

Перевод с польского Г. Буачидзе

Так бы ничего и не случилось, если бы, пересекая угол улиц Костельной и Януша Сидлы, Л-вич, заместитель головы повята, повернул бы на своей быстрой служебной «Шкоде» вправо, а не влево. Ничего бы также не случилось, если бы дело происходило всего на полчаса раньше, когда овощная будка еще утопает в тени.

Но в то роковое время, о котором идет речь, лучи солнца уже резко прорисовывали и все детали будки, и все линии, формы, принадлежавшие Божене Д., семнадцатилетней ученице лицея для девушек. Тем более, что Божена Д. приседала, сгибалась и наклонялась, перебирая огромную кучу зелени и стараясь выбрать получше морковь и сельдерей для обеда. Ведь с матерью шутки были плохи.

Служебная «Шкода», проехав перед Боженой очень медленно, на первой скорости, и дальше поплелась, словно бы в глубокой задумчивости. Да, правда, — клянусь вам честью — ничего бы не случилось, если бы Л-вич как раз в тот час не возвращался бы из командировки в центр воеводства. В голове Л-вича, представительного вдовца, играло сейчас мощное вдохновение, дул безумный вихрь мысли, которая требовала немедленного претворения в жизнь. Дело в том, что в течение трех часов, которые Л-вич провел в воеводском центре, на его долю выпали тяжелые переживания. Прежде всего, прошу заметить, французский фильм с раздеванием. Затем демонстрация воеводских мод, проведенная скромно и без заимствований из заграничных журналов. Ну, и, наконец, улица — главное испытание, — полная студенток с загадочно-ироническим выражением лица, одетых в черные поплиновые платья.

Видимо, так было суждено, что когда в поле зрения Л-вича, заместителя головы повята, оказалась Божена Д. с авоськой для петрушки... Впрочем, не будем торопиться. Достаточно сказать, что серьезное решение родилось быстро, почти мгновенно. «И надо же, в самом деле. Она попросту падает с неба», — только и успел подумать Л-вич.

... На третий день повятовый город Р. зажелтел от афиш: в официальном извещении было написано, что в ближайшее воскресенье Р. будет впервые избирать свою «Мисс Красоту». В составе жюри фигурировали фамилии ответственных работников различных учреждений и общества милосердия.

Л-вич, душа всего предприятия, хорошо сознавал, что ему придется

преодолеть серьезное сопротивление. Город Р. был еще очень отсталым в своих взглядах на истинную красоту. Тут продолжали довольствоваться тем, что девушки красили губы, развлекались в кафе и отличались полнотой там, где это повелось исстари. Божену же, с ее пропорциями женщин с Лазурного берега (Л-вич почерпнул эти сведения из фотографий), обитатели города могли счесть, в лучшем случае, лишь за обиженное судьбой создание.

Но время не терпело отлагательства — и поэтому Л-вич сразу же приступил к решительным действиям. Одному из членов жюри Л-вич дал понять, что в случае признания за Боженой титула «Мисс», его жена может рассчитывать на давно облюбованную должность библиотекаря. Другому намекнул, что протолкнет в высших сферах дело его сына, которого очень тянуло петь в оперетте.

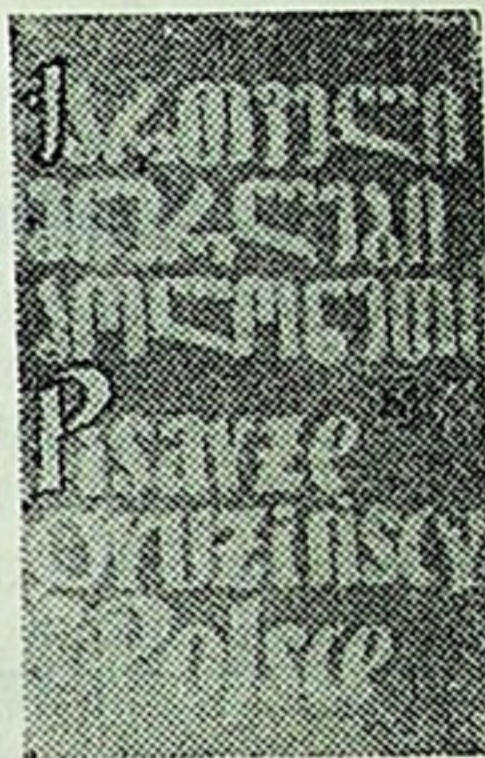
И, поверите или нет, в назначенный день, то есть в первое воскресенье после праздников, жюри конкурса на своем предварительном заседании присвоило, при одном воздержавшемся, Божене Д. титул «Мисс Красоты». Мотивировку решения — на двенадцати страницах машинописи — Л-вич обработал собственноручно. Это был настоящий манифест современных вкусов, подкрепленный цитатами и историческим экскурсом.

Присутствующие выслушали его молчаливо и покорно, потому что вещь была воистину сильной. И нет ничего удивительного, что перелом во всеобщих взглядах свершился столь молниеносно.

Как только худосочная Божена показала в городе, ее встретили несусветными аплодисментами. Парижская фигура! Кинозвезда! Цветы и шоколад — от местных поклонников.

Через несколько дней «Мисс Красота» вышла в середине дня прогуляться, ну, и конечно, принять очередную дозу почестей. Двусмысленные замечания и не всегда ясные намеки услаждали ее юные уши, подобно ангельской музыке. Навсегда исчезла авоська с зеленью. Появились замшевые туфельки на шпильках, змейки и пелерина из нейлона.

И только тогда, по зрелом размышлении, Л-вич объявил, что настало время для заключительного заседания жюри. При посредничестве третьих лиц Божена Д. сумела вновь раздобыть цинковую мазь, благодаря которой, судя по всему, и сумела овладеть такими крепкими позициями. Одновременно стало известно, что Л-вич готовится к поездке на голубые воды Адриатики и что он намеревается взять кого-то в попутчики.

Белые буквы по голубому полю — «Грузинские писатели — Польша». Так называется небольшая книжка, выпущенная недавно на грузинском языке издательством «Сабчота Сакартвело». Ее

открывает написанное в 1917 году «Неожиданное стихотворение Польше» известного грузинского поэта Паоло Яшвили. В теплых, задушевных строках выражает поэт любовь к польскому народу, сочувствие его бедам и радостям.

Это стихотворение определяет лицо всего сборника, является его запевом. То же чувство глубокой любви и дружбы согревает другие вошедшие в книгу произведения — экспромт Георгия Леонидзе «Адаму Мицкевичу», написанный им у могилы великого польского поэта в Кракове, цикл стихов о Польше Симона Чиковани, волнующе описывающего малознакомый, но полюбившийся ему край, стихотворения Теймураза Джангулашвили, которому довелось сражаться в годы Великой Отечественной войны за освобождение Польши.

Ну и что же вы думаете? Представьте: Божена Д. дала ему весьма уклончивый ответ. Или, говоря искренне и прямо, попросту отвергла заместителя головы повята. Нет, не потому, что она о чем-нибудь сожалела, дело вовсе не в этом, но, во-первых, мать давно уже грозила намылить ей шею, а во-вторых, Л-вич на самом деле выглядел уже достаточно подержанным мужчиной.

Собственно, все остальное можно передать уже телеграфным стилем. Ибо, судите сами, что уж тут разводить?!

Через неделю состоялось заключительное заседание конкурсного жюри. Избрание Божены Д. было, конечно, единогласно отменено, но попутно выяснилось, что один из судей перед первым голосованием хватил две четвертинки, другого же попросту заставили голосовать по указке.

Что же касается Божены Д., то тут двух мнений быть не могло: ясное дело, произошло глупейшее недоразумение.

— Шея у нее тонкая, как у какого-то полутрупа.

— В талии она крива, даже слепому видно.

— Суховата, глаза блестят, а сама белая, как если бы кровь из нее вытянули...

Но дело все же не приняло излишне печального оборота. Минув год, и Божена Д. совершенно благополучно вышла замуж: одному парню почему-то нравились дурнушки, обиженные жизнью.

Наследие великого польского художника - ре а л и с т а XIX века Яна Матейко — интересная страница в истории мировой живописи. Творче с т в у этого выдающегося мастера посвящена вышедшая в издательстве «Заря Востока» книга «Ян Матейко». Это издание — еще одно проявление глубокого интереса грузинского народа к польскому искусству, продолжение лучших традиций польско-грузинского культурного сотрудничества.

В книге помещены — краткий очерк о жизни и творчестве Яна Матейко, написанный тбилисской художницей Г. Юстинской, полькой по национальности, и большое число репродукций его лучших произведений: «Проповедь Скарги», «Рейтан, или упадок Польши», «Люблинская уния», «Поднятие колокола Зигмунда», «Битва под Грюнвальдом» и др.

Очерку предпослано предисловие В. Беридзе о польско-грузинском творческом содружестве.

Книга о Яне Матейко дает верное представление о ярком таланте замечательного польского мастера, она еще раз подтверждает правоту слов великого русского художника И. Е. Репина: «Матейко имел великую национальную душу и умел горячо и кстати выражать любовь к своему народу своим творчеством».

Хута Берулава

С БЕРЕГОВ ЯНЦЗЫ

Первод с грузинского М. Максимова

На берегу Янцзы, у крепости старинной,
Стоим с тобой вдвоем. Я — гость, хозяин — ты.
А в думах у меня — кавказские вершины,
И спрашиваешь ты, о чем мои мечты!
Как объяснить тебе, что вижу я отсюда
Мкинвари — он поднял на плечи небо там.
Ждет Родина, когда из странствий я прибуду,
Как мать, что сына ждет, волнуясь по ночам.
А вот Тбилиси мой — он виден мне в разлуке,
Как честь моей земли, как мощь и торжество.
Кого я удивлю, к нему простерши руки
И на колени став пред ним, как сын его?
Вот и Мтацминда, вот родной Ваке воспетый,
Где, подружившись словно молодость и стих,
Живут мои друзья — студенты и поэты —
И, кажется, сейчас я слышу голос их.
Как из Нанкина ждут там писем утром ранним!
Вот комната моя, там ходит тишина.
Там женщина с ресниц смахнула сон желанный,
Вздохнула, что не явь увидела она.
А солнце сентября, как золото сквозь сито,
Просеивает там сквозного дня дары,
И тихо, словно жизнь, сгоревшая открыто,
Чинары красный лист упал на грудь горы.
Земля — он к ней сейчас прижался, краснокрылый, —
Дала ему и жизнь и неба синь над ним,
Он устремился к ней, к такой родной и милой...
От ветки лист упал, разлукою томим.
Я вижу, шелестят в тбилисском ветре платья,
А среди них шелка Нанкина твоего.
Родная красота, и к ней стремлюсь опять я!

Ты, друг мой, удивлен? Не видишь ничего?
Не видишь? Так возьми на миг мой взгляд сыновний,
Возьми мои глаза и посмотри, как я.
Во всей ее красе, омытой в битвах кровью,
Возникнет пред тобой тогда земля моя!
И где б ты ни стоял, как далеко бы ни был,
Она тебе всегда покажется близка.
Ты солнце Родины в любом увидишь небе,
И к землякам твоя потянется рука.
Вот так и я. Возьми мой взгляд. Как два алмаза,
Влюбленные глаза прорежут небосклон,
Тбилиси пред тобой врата откроет сразу,
И в зеркале Куры он будет отражен.
Нас ветерок с Янцзы берет в свои объятия,
Я рад стоять с тобой в твоём родном краю,
Ты рад, что мы вдвоем все видим, словно братья,
Что вижу с гор твоих я Родину свою.

РУСТАВИ

Р О М А Н

Перевод с грузинского Т. Гамквелидзе

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Зима на Урале выдалась на редкость суровая. Бывали дни, когда температура падала до сорока пяти градусов ниже нуля. Мороз жег лицо, уши, захватывал дыхание.

Особенно трудно переносили уральские холода жители Черноморского побережья — абхазцы, гурийцы и аджарцы. Несколько учеников отморозили нос и щеки. Один Вепхиа чувствовал себя превосходно. Несмотря на жгучий мороз, бодро бежал по утрам на завод. Глядя на Вепхиа, вместе с гудком, пронзительно завывавшим задолго до рассвета, вставали Гайк, Тедо и Гига. Они торопливо натягивали телогрейки, стараясь не слышать брюзжания Бисмарка. С головой накрывшись одеялом, он бурчал:

— Вот проклятый, воет, как голодный волк... С ума сведет меня... А вы, умники, опять за работу?

«Умники» хлопали дверью и сбегали по лестнице. Уже возле двойных дверей, в сенях их обдавало обжигающее дыхание мороза. Мороз вонзал в лицо острые иглы и жег, как раскаленное железо. Пушок на верхней губе в одну секунду превращался в ледяные усы.

Приплясывая на сухом снегу, четверка молча дожидалась трамвая...

Трамвайные вагоны были разукрашены инеем; окна, двери и все металлические детали заледенели.

От конечной остановки трамвая до мартеновского цеха ребята мчались волчьей трусцой. Запыхавшись, они вбегали в цех, и их сразу же охватывал нестерпимый жар печей. В то время, как на улице свирепствовал мороз, здесь зноем дышал мартен, и сталевары, отирая крупные капли пота с посеревших лиц, глотали подсоленную воду из больших сифонов.

Василий Иванович всегда приходил раньше всех. Он радостно встречал своих учеников, заметно гордясь тем, что они так стойко переносят лютую стужу и еще не пропустили ни одного дня.

— Ну, ребята, — сказал однажды Булатов, — сегодня варим броневую сталь. Смотрите, как оно получается...

805.89
69.308

Вепхиа с напряженным вниманием следил за каждым движением Василия Ивановича; заглядывая ему в глаза, старался не пропустить ни одного слова. В мечтах юноша видел себя уже его подручным.

Скоро Вепхиа привык и к другим сталеварам. И особенно к Ге не Бураку. Этот огромный, кряжистый человек оказался очень простым и веселым парнем.

— Что же это вы, ребятки, пары бутылочек не захватили? — попрекнул он их как-то шутя. — В такой мороз беленькая не помешает. Сто граммов — прямо лекарство.

— Купим, — сказал Вепхиа. — Разве нельзя достать?

— «Купим», ишь ты, — засмеялся Бурак. — Знаешь, на рынке по чем самогон? Литровка — шестьсот рублей.

— Ого! — удивились ребята.

— Ну, ничего, скоро потеплеет, — улыбнулся Василий Иванович. — Градусов двадцать будет — пойдешь в баньку, разогреешься и — на снег. Хорошо!

Когда ребята возвращались после смены в общежитие, Гига предложил им написать домой, попросить, чтобы прислали сушеные фрукты, чурчхелы, лобио¹, церцви², а в особенности — вино и водку.

— Я напишу отцу в Гори. Пусть пришлет чачу³, — сказал он. — Здесь без нее действительно не обойдешься.

— А кто из вас пробовал рахи⁴? — спросил вдруг Тедо Гаглошвили. — Или наше жипитаури⁵?

Один Вепхиа молчал. Ему не на кого было надеяться. Тете Сандуа и без него доставало забот. Да если бы она и очень захотела прислать ему посылку, все равно не смогла бы — в середине зимы из их деревни даже до Барисахо не доберешься без самолета. И все же он решил написать ей. Он никогда ни с кем не переписывался. Но ему не раз приходилось писать под диктовку или по просьбе других. И он смело сел за письмо.

«Шлю тебе множество поклонов, солнцеликая надежда моя, тетя Сандуа», — начал он, как было исстари принято, свое послание.

Дальше шли бесконечные приветы всем односельчанам. Не забыты были ни Апарека, ни Бецика, ни Алуда, ни Датвиа. Когда Вепхиа приступил к описанию своего житья-бытья, он вспомнил Мгелику, Торгва и Бердиа, и не преминул передать им свои наилучшие пожелания. Затем следовал лаконичный рассказ о заводе и городе. В заключение Вепхиа сообщил, что через три года он вернется. Попросить что-нибудь у тети Сандуа у него так и не хватило духа. Он только вскользь заметил, что ни грузинского хлеба, ни вина, ни водки здесь нет.

Дописав письмо, Вепхиа задумался — ведь он никогда еще не посылал писем и не знал, что для этого необходимо. Спрашивать он стеснялся и потому решил незаметно проследить за другими, как это делается.

То ли дело у них в деревне — письма просто отдавали почтальону и больше никаких забот не знали. И Вепхиа грустно вздохнул.

* * *

Вепхиа быстро освоился с заводской обстановкой и почувствовал себя в большой и дружной семье.

1 Л о б и о — фасоль.

2 Ц е р ц в и — бобы.

3 Ч а ч а — виноградная водка.

4 Р а х и — самогон.

5 Ж и п и т а у р и — осетинская водка.

Мартеновский цех перестал пугать его необъятными размерами, рев печей не казался больше таинственным и грозным. Подобно тому, как на фотобумаге, положенной в проявитель, проступает изображение заснятых предметов, сначала неясное, потом все более и более четкое, в сознании Вепхиа работа мартена начала приобретать смысл и значение. Подчиняя его своему ритму, она рождала понимание важности и необходимости всего того, что совершалось вокруг. Но он все еще с изумлением и восторгом следил за напряженной жизнью завода. Молодой хевсур мог без усталости наблюдать за щитом с контрольно-измерительной аппаратурой, не раз забирался в экспресс-лабораторию...

Однажды ему вздумалось подняться в кабину мосткрана. Снизу казалось, что это невысоко, и Вепхиа стал карабкаться по вертикальной лестнице.

— Куда ты? — крикнула ему светловолосая румяная крановщица в ватных штанах и телогрейке.

— Покажи! — попросил ее Вепхиа.

В ответ крановщица хихикнула, высунула язык и повела мосткран на другую сторону.

Вепхиа упорно продолжал лезть вверх. Снизу за ним наблюдали ребята.

— Что он, совсем свихнулся! — недовольно буркнул Гига и крикнул: — Эй, Вепхиа, слезай скорее...

— Слезай, а то спину еще сломаешь! — покосившись на Гигу, добавил Чичико Шубитидзе.

Подошел Геня Бурак и помахал Вепхиа огромной ручищей:

— Слезай, хлопец, никуда она от тебя не убежит, небось, сама еще разыщет. — И усмехнулся: — Ишь, пронюхал парень, что Грушу муж оставил...

Гига снова сделал знак Вепхиа — слезай! — и показал рукою на печь: Василий Иванович, мол, идет и рассердится.

Когда Вепхиа соскочил со ступенек, Булатов потянул его за рукав и отвел в сторону, где было сравнительно тише.

— Что тебе понадобилось наверху? — спросил он строго. — За девкой погнался?

Вепхиа покраснел и смутился — он не нашелся, что ответить.

— Да нет, Василий Иванович, — вступился за него Гига, — он хотел посмотреть, как работает кран.

Василий Иванович отпил воды и продолжал уже другим тоном.

— Смотри, будь осторожен. Там же ток поверху проходит. Долбанут пятьсот вольт и полетишь кубарем, как воробей. И учти — у нас дисциплина. Сталь варить, братец мой, та же военная служба. Не зря ведь нам бронь дают. Второй фронт — вот он тут. Лишние знания не повредят, это точно, но порядка не переступай. Знаешь, как в армии: приказ начальника — закон.

— А кто мой начальник? — наивно спросил Вепхиа.

— Ну, начальников у тебя хоть отбавляй! — со смехом вмешался в разговор Геня Бурак. — У печи — Василий Иванович главное начальство, ну и я, понятное дело, не из последних. Данил Стариков, Ванька Глухих — здесь, брат, все в больших чинах ходят. А там — девица, что у пульта стоит, или машинист — все шишки на гладком месте. Командуют на своих участках. А ты смотри, слушай да учись... И не лезь к ним под горячую руку. Вот на мосткран забирался — ведь помешал бы, неправда? После смены — другой табак...

Вскоре произошло событие, которое надолго оставило в памяти Вепхиа болезненный и неизгладимый след.

Как все это случилось, Вепхиа не видел. Но вдруг, покрывая гул печей и грохот механизмов, в привычный шум цеха ворвался душераздирающий вопль — взорвался и мгновенно стих. Звука упавшего тела никто не слышал.

Вепхиа метнулся к площадке и увидел живой факел — огонь, словно вырвавшийся из печи зверь, лизал неподвижно лежавшего человека.

Вепхиа окаменел. Он не видел лиц окружающих, но сам почувствовал, что побелел.

Василий Иванович схватил лопату и стал засыпать огненные языки кварцевым песком. Ему помогали остальные.

Кто-то включил сигнальную сирену. Ее тревожный вой разнесся по огромному помещению. Отовсюду бежали рабочие.

Огонь удалось потушить, но вид несчастного был ужасен. Тлеющие ключья одежды еле прикрывали почерневшие обожженные руки...

Когда пришел врач, притащили носилки и полуживого слесаря унесли, Булатов сказал, ни на кого не глядя:

— Кончился, бедняга. До больницы не донесут.

Вскоре в цехе появились директор завода, главный инженер, начальник цеха и следователь. Расспрашивали всех, даже учеников. Но картина несчастья оставалась неясной. Никто не мог толком объяснить, почему слесарь-ремонтник менял лопнувшую трубу на паропроводе как раз в тот момент, когда в печи переключали газ. Девушке у пульта дали знак — она подняла щит. Внезапно полыхнуло пламя, и обожженный рабочий рухнул на рельсы.

Ребята возвращались домой поздно. Было уже три часа ночи, транспорт не работал и до общежития пришлось идти пешком. Говорить никому не хотелось...

— Нет, братцы, хуже нет — на этом заводе работать. Так вот и сгоришь заживо, — нарушил молчание Гайк.

— Хорошего, конечно, мало, — задумчиво произнес Гига. — Но несчастный случай везде возможен. Завод тут не при чем. Бедный Ванико, разве он на заводе погиб?

— Да, — отозвался Гайк, — никто не знает, кого где подстерегает смерть...

Ему ничего не ответили. Так в молчании добрались до общежития и, обессиленные, повалились спать.

Только Вепхиа до рассвета не сомкнул глаз. Перед ним всю ночь стоял призрак охваченного огнем человека, а в ушах, не смолкая, выла сирена.

* * *

Для Арчила наступили беспокойные дни.

На дворе завывала февральская выюга, ветер зло швырял пригоршнями промерзшего снега. Но молодежь привыкла к холодам, и теперь никто не отсиживался в общежитии. Самыми примерными оказались девушки — они так хорошо освоили работу у пульта, что им уже доверяли самостоятельное управление. Все шло на лад...

Но тут Бисмарк Самсониашвили распустил слух, будто ребят обманули — никакого завода в Грузии не строят — и вообще для того, чтобы выстроить металлургический комбинат, понадобится лет тридцать; а их просто заманили сюда и собираются здесь оставить.

Всерьез этому, пожалуй, никто не верил. Но недовольство усугуб-

ляла однообразная пресная пища в заводской столовой. Привыкшие к острым кушаньям, ребята мечтали о лобио и ткемали¹. Арчил послал в Тбилиси телеграмму за телеграммой. По телефону ему сообщили, что вагон с продовольствием отгружен. Но пока о нем ничего не было слышно. Однажды ребята послали к Арчилу делегацию. В нее вошли Ахмед Моцкобили, Дзики Данелия и Симон Алпаидзе.

— Арчил, генацвале², — начал Дзики (букву «л» он произносил мягко, и его «генацвале» звучало как «генацвалье»), — помоги нам, верни всех обратно. Что вам нужно от нас? Вы сами видите — это не наше дело. Здешние морозы — сплошное наказание. Есть, пить — нечего. Мы думали, что едем сюда учиться, а, оказывается, нас оставляют здесь работать. Почему вас должны проклинать наши родные?

— О каких проклятиях ты говоришь? — Арчил сердито нахмурился. — Ваши родители еще спасибо мне скажут, что я вожусь с такими щенками. Знаете, как называется на фронте то, что вы затеяли?! Дезертирством. А с дезертирами разговор короткий.

Дзики не посмел ничего возразить и стоял, опустив голову. Молчал и Симон Алпаидзе, исподлобья глядя на Арчила блестящими черными глазами. Но Ахмед сказал обиженно:

— Вы напрасно сердитесь на нас, Арчил Николаевич. Мы пришли не от себя — ребята выбрали и послали нас. Пойдемте к ним — и вы убедитесь сами...

Арчил перевел взгляд с одного на другого, потом схватил шапку, надел полушубок и помчался в общежитие.

В первом корпусе, в красном уголке собрались все ученики. От их возбужденных голосов в помещении стоял гул. Но больше всех шумел Бисмарк. Он почувствовал поддержку товарищей и совсем разошелся.

— Бедные наши головушки! — патетически восклицал он. — Как баранту, загнали нас сюда... Я не за себя беспокоюсь — мне что, я уже привык; вас жалко... В конце концов, кто такой Арчил? Пусть только попробует не отпустить нас...

В эту минуту в комнату вошел Арчил, и Бисмарк замолк. Наступила глубокая тишина.

— Ну, — спросил Арчил, — кто хочет вернуться домой?

Никто не произнес ни слова. Все смотрели на Бисмарка.

— В чем дело? — спросил его Арчил.

Бисмарк растерянно озирался, пытаясь найти поддержку и сочувствие товарищей. Но кроме насмешливых и любопытных глаз ничего не увидел.

Стало так тихо, что все слышали, как тяжело он дышал.

— Вот сейчас... — Бисмарк в последний раз обвел всех взглядом и, поняв, что окончательно запутался, молниеносно сообразил: — Вот только что вы меня подстрекали, а сейчас все хотите свалить на меня? Нет, дудки, не выйдет... Если спросите — мне здесь нравится и все очень хорошо.

И повернулся к Арчилу:

— Арчил, батано, это все они. Заладили: уедем да уедем, а мне что — мне и тут неплохо, я здесь вообще не прочь поселиться... Языки распустили — нас обманули: в Грузии никакого завода не строят, нас заманили... нам обещали, а нас оставляют...

¹ Ткемали — острая приправа.

² Генацвале — ласкательное обращение.

Грянул гомерический хохот — уж очень внезапно и круто изменил Бисмарк свою позицию.

— А ведь ты сам все это выдумал, сознайся! — угрожающе встал перед Бисмарком Гига.

— Что я выдумал, что? Докажи... — истерически завизжал Самсоиашвили.

Со всех сторон загудели.

— А ну, пошел отсюда, — сказал ему Гига. — Мы поняли что ты за птица... — Товарищ Арчил, — обратился он к Санеблидзе, — чья бы ни была вина, ребята переборщили. Что правда, то правда. Причиной всему морозы. Но и к ним кое-как привыкли, а вот столовая окончательно доканала всех...

— Неделю назад, — стараясь быть спокойным, начал Арчил, — я получил из Тбилиси телеграмму. Нам отправлены продукты. Но пока их нет. Война, что поделаешь... Неужели надо объяснять вам это? Ну, а насчет вашей глупой болтовни... Мне даже стыдно за вас. Наверное, и сами вы этому не верите...

Арчил круто повернулся и вышел. А ребята окружили Бисмарка и злополучных парламентариев, спорили, обвиняли друг друга во всем случившемся.

Все это время Вепхиа тихо стоял в углу. У него созрело твердое решение уехать, хотя здесь ему уже начинало нравиться: он свыкся с заводом и ни работа, ни морозы его не страшили. Но с каждым месяцем его все больше и больше мучила тоска по родным горам. И сколько он ни убеждал себя, ничего не мог поделать — его неудержимо тянуло домой. Вепхиа незаметно выскользнул из комнаты, отыскал дежурную и спросил:

— Где Арчил?

— Зашел к вашим девчатам, — ответила Шура.

Чуть приоткрыв дверь в комнату девушек, Вепхиа остановился.

...Арчил внимательно слушал Зизо. Она рассказывала, что видела в мартеновском цехе, когда услышала вой сирены.

— Подбежали и видим — весь в огне человек. — Зизо схватилась за голову. — Боже, какой ужас! Я этого до смерти не забуду! — Она передохнула и продолжала:

— Рабочие забросали его песком, погасили огонь, потом унесли. Неужели не спасут его? Не выживет?

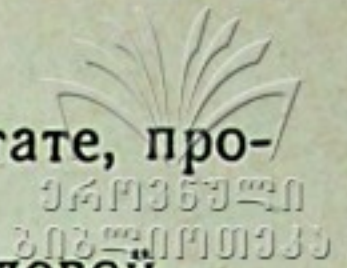
— Два часа жил еще, — сказал Арчил. — С трудом привели в сознание, успел только сказать, что забыл предупредить мастера и поднялся на печь. Надеялся, его увидят. Да не учел — когда нагнулся и встал на колени, его закрыло карнизом — снизу он никому не был виден. Поплатился за собственную неосторожность...

— Страшно как, — словно выдохнула Ламара. — Тяжело работать на заводе. Дома лучше. Знала бы, честное слово, не поехала.

— Как будто в деревне легко, — возразила Зизо. — Работать везде трудно.

Вепхиа тихо стоял у двери и слушал. Где-то в глубине души в нем проснулись гордость и самолюбие. Выходит — женщины были тверже, чем он. Разве им легко? Но не помышляют ведь собрать вещи и удрать? Почему же они должны быть лучше него?

Неслышно прикрыв дверь, Вепхиа, как рысь, крался по коридору — он решил пока не говорить с Арчилом о своем отъезде.

* • *

Внезапно на заводе заговорили о тбилисском паренъке Эстате, прозванном — Чахмах¹.

- Его имя повторяли всюду — в цехах, в общежитии, в столовой.
- Слыхали, как наш Чахмах отличился?
- Который это — Чахмах?
- Чахмаха не знаете?

Вепхиа не мог вспомнить, кто это, пока ему не показали невысокого юношу. Он узнал ученика-сталевара их же печи, которого обучал, правда, не Василий Иванович, а мастер другой смены Тимур Касимбаев.

От сильного перегрева поплавились огнеупорные кирпичи в своде печи, и он мог обрушиться. Поэтому печь заглушили и целые сутки охлаждали, заполнили подину металлоломом и флюсом, и, наконец, приступили к ремонту. Необходимо было образовавшиеся прогары заделать изнутри железными листами и сверху выложить новым кирпичом.

Несмотря на то, что печь как-будто остыла, рабочие могли находиться внутри нее не больше двух-трех минут, да и то в мокрой одежде.

Ребята по очереди заскакивали в печь через завалочное окно и сначала старались отбить куски кирпича, а потом уже снизу прикрепить железные листы.

Обычно эти работы выполняли специальные ремонтные бригады, но сейчас не хватало рабочих рук и помогать каменщикам взялись сами сталевары, подручные и ученики.

— Н-да, работенка что надо. Одним словом — горячий цех... — сказал Василий Иванович ученикам, когда они заступили в смену. — Изжаримся, хлопцы, за милую душу. Хоть бы лучку найти, все не так обидно — лук к жаркому первое дело.

Первым в печь лазил Касимбаев со своей бригадой. И вот тут-то проявилась необыкновенная способность Чахмаха. Он привлек внимание даже выдавших виды старых сталеваров — Чахмах пробыл в печи, не выходя наружу, почти полчаса!

Со всего цеха прибежали посмотреть на удивительного парня. Многоопытные мастера спорили, поглядывая на часы. Начальник цеха порывался вызвать врача. А Чахмах, как ни в чем не бывало, входил в печь и пока другие рабочие, обливаясь потом, через каждые несколько минут, словно ошпаренные, вылетали наружу, он стучал молотком по своду, отламывая поврежденные кирпичи и помогая каменщику заделывать трещины. Когда одежда на нем начинала дымиться, он не спеша выходил из печи, шел под душ и, чуть передохнув, возвращался обратно.

У Вепхиа мелькнула мысль перегнать Чахмаха — пробыть в печи во что бы то ни стало дольше него. И он смело полез в мартен. Но не успел даже коснуться молотком свода — его обдало раскаленным воздухом, голова закружилась, и молодой хевсур почувствовал, что вот-вот упадет. Его поддержали и помогли выбраться наружу.

— Что, Тигр, упарился? — похлопал его по плечу Василий Иванович. — Ничего, милок, не робей. Первый раз и со мной, помню, так было. Садись, отдыхай — и опять пробуй. Так и привыкнешь...

- Вскоре Тедо тоже выскочил из печи и присел рядом с Вепхиа:
- Вот это жара. Думал — сварюсь...
- Что — поджарился? — пошутил Гайк.
- Полезай сам — тогда узнаешь, — огрызнулся Тедо.

¹ Чахмахи — курок.

— А что там знать — я и так вижу, какой цвет лица у нашего Вепхо. Шубитидзе совсем на руках вынесли. Как этот чертов Чахмах выдерживает полчаса в таком пекле? Что он, железный? А вот и Гига

Гига был похож на рака, которого вытащили из кипятка. Он молча кивнул Гайку на печь — входи, мол. Гайк вскочил, побежал, покрутился под душем и, вымокнув до нитки, ринулся в печь.

Гига, тяжело дыша, стоял перед Вепхиа и Тедо.

— Ну, как? — спросил Вепхиа.

В ответ Гига крепко выругался.

— А Чахмах?

— Что — Чахмах? Подумаешь! Привык с детства лепить хлеб в тонэ¹, свесясь вниз башкой... Вот ему все и нипочем.

— Тонэ тоже, наверное, по сравнению с этим пеклом — холодильник, — возразил Вепхиа и снова встал под душ. Оснавательно намочил одежду, волосы, шапку и пошел в печь. На этот раз он добрался до угла, где несколько рабочих отбивали поврежденные кирпичи, попробовал ударить и сам, но молоток, точно налился свинцом, колени Вепхиа подкосились, и он еле успел выбраться из печи. В висках, казалось, стучали звонкие молоточки и откуда-то, совсем издалека, до Вепхиа доносились голоса.

— Не падай духом, Тигр, — подбадрял его Булатов, — отдохни, в третий раз будет полегче. А там привыкнешь и, кто знает, может, лучше нас справишься.

— Ему, пожалуй, тяжелее всех, — услышал Вепхиа, как сквозь сон, голос Арчила. — Он горец. А горцы привыкли к высокогорному климату и хуже других переносят духоту.

— Не тужи, Тигр, — улыбнулся Булатов, — здесь, друг, не только сталь льют — у этой печи и человеческий характер куется.

— Как будто кувалдой оглушили, — пожаловался Арчилу Вепхиа, — дышать не могу: до того жарко, все горит...

Ребята один за другим лезли в завалочное окно. Выскакивали, как угорелые, в дымящейся одежде бежали под душ и снова шли в печь.

Гига и Тедо уже по пять минут оставались в мартене. Лишь Вепхиа, сколько ни старался, никак не мог справиться со слабостью и головокружением и, как рыба, которую вытащили из воды, жадно глотал воздух, студил пылающий лоб. Потом упрямо возвращался в печь.

Когда смена окончилась, Вепхиа, переодевшись, вышел во двор. Во всем теле он ощущал удивительную легкость. Десятиградусный мороз приятно освежал и бодрил.

До общежития решили идти пешком — так легко дышалось. Даже сернистый запах заводского дыма не раздражал.

Василий Иванович и Геня Бурак вышли с учениками. Уже на улице Геня сказал Гиге:

— Ну, друг, где твоя огненная водка? Или обещанного три года ждут? После ста граммов все во сто раз лучше покажется.

— Ты это брось, — покачал головой Василий Иванович. — Сейчас и так все неплохо. Вечер, смотри, какой теплый...

У своего дома Булатов остановился и сказал ребятам:

— Вот что, хлопцы, дома у меня водки нет, зато чаем угостить могу. Пойдем, посидим, поговорим...

— Спасибо, Василий Иванович, уже поздно, не стоит, — замаялся Гига.

¹ Тонэ — грузинская печь для выпечки хлеба.

— Мы как-нибудь потом, в другой раз, — смущенно пробормотал Тедо.

— Почему в другой раз? Не стесняйтесь, — поддержал Булатова Геня. — Коль Василий Иванович зовет — надо идти. Он у нас человек хлебосольный.

Так с шутками они вошли во двор, поднялись на крыльцо, отряхивая на ступеньках снег. Василий Иванович покрутил звонок.

— Папка, ты? А-а, Геня! А это кто такие?

— Открывай, дочка. Гостей встречай. Тигра привел.

— Входите, входите...

Из кухни выглянула Евпраксия Ивановна и приветливо сказала:

— Милости просим. Что же вы... Раздевайтесь.

И видя, что ребята в нерешительности жмутся к стене, отобрала у них шапки и телогрейки, повесила на вешалку и пригласила в столовую, где, кроме обеденного стола и буфета, стояла кровать, аккуратно застланная вышитым покрывалом.

— Все твои ученики? — спросила она Булатова, пододвигая ребятам стулья.

— Так точно, — весело ответил Василий Иванович. — Сегодня им пришлось туговато, зато экзамен выдержали... Горячий ремонт — не фунт изюма.

— На ремонте печи работали? Да ну! — всплеснула руками Евпраксия Ивановна. — Ах ты, жалость какая... В это пекло иродово и я лазила. Раствор и кирпичи подносила. Забыть не могу, как жаром-то пышет.

— Ну, ладно. Соловья баснями не кормят, — сказал Василий Иванович, — тем более тут тебе не соловьи, а вон какие орлы... Давай, мать, напои нас чайком, как полагается...

— Сейчас, сейчас, — засуетилась хозяйка. — Чаю можно. Я как раз получила в закрытом магазине чай настоящий, грузинский — такой ароматный, прямо любо-дорого... Да и пеку тут кое-чего...

Евпраксия Ивановна ушла на кухню, и Геня Бурак, выразительно поведя носом, последовал за ней.

Из-за неплотно прикрытой двери во вторую комнату показались светлые льняные головки малышей, и самый старший, одиннадцатилетний Ваня неожиданным басом произнес:

— Пап, а пап, Аниська помаду на губы мажет.

Ребята добродушно заулыбались.

— На то она и взрослая, чтоб мазать помаду, а ты, пузырь, не ябедничай, — с нарочитой строгостью сказал Василий Иванович. — Ишь ты, соглядатай...

«Пузырь» обиделся, надулся и, схватив за руки братишку и сестренку, мал-мала меньше, потянул их за собой к гостям, сопя и шмыгая носом.

У юных Булатовых были такие же как у отца добрые голубые глаза и одинаково белые головы.

Евпраксия Ивановна внесла самовар и поставила на стол.

— Мне всегда хотелось увидеть ребят с Кавказа, — сказала она, расставляя стаканы. — Все слышу: грузины, грузины. Но какие они — не довелось увидеть. А вы совсем как наши рабочие ребята...

— Они и есть наши рабочие ребята. — И Василий Иванович с удовольствием оглядел Вепхиа, Гигу и Тедо. — Ну чем, скажи на милость, не сталевары? А вот и Анисья Васильевна — прошу любить и жаловать.

Аниська выпустила на лоб челку, а туго заплетенные светлые косы уложила короной вокруг головы.

— Кто же из вас Тигр? — спросила она.

Тедо и Гига одновременно указали на Вепхиа, который от смущения не знал, куда деваться.

— О-о! Да он и не похож на тигра! — со смехом воскликнула девушка. — А я-то думала — настоящий тигр, с когтями и клыкастый.

Все засмеялись, а Вепхиа готов был провалиться сквозь землю.

— Танцевать умеете, по-вашему, по-кавказски? Я видела в кино. Обалдеть можно, до чего хорошо!

— Ладно, ладно. Будет тебе трещать, как сорока, ребят распугаешь, — с улыбкой прервала дочь Евпраксия Ивановна, разливая чай.

Чай действительно был душистый и вкусный. Обжигаясь, ребята тянули горячую, с чуть горьковатым привкусом жидкость. Ощущение домашнего уюта охватило их, им стало тепло и спокойно.

Когда ребята ушли, Евпраксия Ивановна сказала мужу:

— Славные они какие, ученики твои, воспитанные, тихие. Ну, прямо красные девицы.

* * *

Наконец, с птичьим гомоном и щебетом, пришла долгожданная весна. В воздухе кружился ее пьянящий аромат. Распускаясь, лопались почки. В городских садах, во дворах, на лужайках нежно зеленела молодая трава. День стал длиннее, и всю ночь небо на севере светило зарей.

Ребятам это казалось настоящим чудом. Они никогда не видели чарующей красоты белых ночей и теперь нередко ночи напролет гуляли по городу, объятому тишиной.

Сияющим майским утром гудки завода возвестили о конце войны. Взвились красные флаги. Люди, смеясь и плача, высыпали на улицы. В этот день никто не хотел оставаться дома. Все торопились поздравить друг друга. Отовсюду только и слышалось:

— С победой!

— Кончились наши мучения...

— Мальчик мой, сынок вернется...

Рано утром в общежитии появился Джибо Бенделиани. Когда пришел Арчил, он, окруженный ребятами, рассказывал новости.

Джибо привез продовольствие и сотни две посылок для учеников. Их родные, узнав, что на Урал отправляют продукты, поспешили наполнить, кто чем сумел, маленькие деревянные ящички и переслать с Бенделиани.

— Ну и легкая у меня нога, Арчил! — гремел Джибо. — Мир! За такое известие полагается магарыч. Тем более, что у меня для вас целая пачка писем.

Джибо раскрыл битком набитую полевую сумку, в которой хранил всю свою канцелярию: счета, расписки, доверенности, карандаши.

Через плечо он носил сумку редко. Накручивал ремень на кисть руки и ходил так, размахивая ею.

— Это все ваши, — сказал он, доставая несколько писем и протягивая их Арчилу. — Одно такое толстое, наверное, — роман.

Джибо осклабился и подмигнул Арчилу:

— От врача, которого назначили к нам на строительство. Она передала.

— Эй, ребята! — крикнул он мальчикам. — Ваши письма вместе с багажом. Пошли, когда разгрузим вагон, тогда и отдам.

Молодежь с шумом отправилась за Бенделиани.

Арчил нагнал Джибо уже по дороге.

— Ну, как? — спросил он. — Началось строительство?

— Еще бы! — обрадовался этому вопросу Джибо. — Началось, да какое! Мне, правда, часто в Рустави ездить некогда: после вас отправлял в разные города еще десять партий. Просто поразительно, до чего быстро строят. Живут пока что в палатках, но первые дома вот-вот будут готовы.

— А завод?

— Что завод? Домну еще не начинали, но теплоцентраль, марте-новский и механический цехи уже строят. Укладываются рельсы. Словом, работа кипит...

— А ты им рассказывал? — Арчил указал на ребят.

— Еще бы. Налетели, как коршуны, все расспросили и, знаешь что, — Джибо хихикнул, — как голодные цыплята, прежде всего про еду. Нашим ребятам действительно трудно привыкнуть к здешней пище. Твоя мама тоже наскребла все, что могла — орехи, сушеную зелень, гранаты. Просила: пускай девочки приготовят ему сациви. Хорошая мама у тебя, Арчил. Сыр достала такой острый, а тает, как масло. Ума не приложу, где достала в такое тяжелое время. Дома у вас угостили, и сейчас, как вспомню, слюнки текут. Мы с твоим отцом распробовали кахетинское... Да, кстати, чьи это дети? Я думал — твои... С ума сойти можно, какие дети...

Арчил промолчал и только нащупал в кармане письма.

С разгрузкой управились быстро. Ящики и мешки, наполненные лобно, сыром, луком, консервами, ребята перетаскивали весело и охотно.

Посылки пришли не всем, и многие огорченно возвратились обратно.

Вепхиа знал, что, кроме тети Сандуа, о нем никто не вспомнит. А тетя Сандуа при всем желании не смогла бы в конце зимы добраться до Барисахо. Поэтому молодой хевсур ничего не ждал и пошел с Джибо просто, чтобы помочь товарищам. Он спокойно наблюдал, с каким нетерпением они рылись в ящиках и свертках, поминутно окликая друг друга. И вдруг кто-то крикнул:

— Вепхиа, иди, получи свою посылку.

Вепхиа решил, что его поднимают на смех, и сердито буркнул:

— Я приду, но смотри, получить придется тебе.

— Да нет, серьезно, — убеждал его Чичико Шубитидзе. — Там так и написано — Вепхиа Халибаури. Иди и возьми.

Вепхиа все же не поверил и на всякий случай подошел к Джибо:

— Мне правда пришла посылка? Кто прислал?

— Как твоя фамилия? — спросил его Джибо.

— Халибаури.

— Халибаури? Хевсур? Ва-а, а шашку куда девал? — Джибо так оглядел его со всех сторон, точно не верил своим глазам. — Да ты еще выше стал, вырос... Твоя посылка есть, я помню. Перед самым отъездом ко мне пришел один студент — постой, как его фамилия? Кажется, Балиаури...

— Габриел?

— Ну уж не знаю, Габриел он или Микел. Помню только, что он приехал из Хевсуретии и искал тебя. Твои и понятия не имели, что ты в России. Передал для тебя посылку. Иди и забирай.

Посылка оказалась не очень большой. Но юноша с таким благоговением взял ее в руки, словно для него не существовало на свете ничего более дорогого. От волнения сердце у него бешено колотилось, и Вепхиа не помнил, как добежал до общежития, вихрем влетел в комнату, присел на кровать и с лихорадочной поспешностью вскрыл посылку. Из нее выпало письмо. Он поднял его и отложил в сторону. В свертке были новенькая, расшитая узором, хевсурская рубаха и шапка. Отдельно в пачке, обернутой газетой, лежали деньги, что-то очень много, как показалось Вепхиа. Он не стал их считать, сунул под матрац и распечатал письмо. Тетя Сандуа писала, что деньги ему собрали всей деревней, а потом, когда продали масло, которое сейчас в большой цене, она со всеми расплатилась и даже добавила ему на расходы. Рубаху вышивала для него Мзекала. Девушка всю зиму трудилась над ней. А он ни разу и не взглянул на нее, когда был дома. Она надеется, может быть, хоть сейчас он вспомнит о ней. «Ты же ей в сердце запал, — живописала тетя Сандуа. — Дочь состоятельных родителей, единственная. Поклялась мне — ни за что не выйду замуж, пока не приедет Вепхиа. Такую прекрасную девушку не сыщешь в целом свете. Смотри, ни с кем там не связывайся».

Вепхиа бережно сложил письмо и спрятал за пазуху. Как живая, стояла перед ним дочь Бецика Балиаури — Мзекала, с которой провел он детство и которую иногда видел в своих мечтах рядом с собой. У Мзекалы были волосы цвета темного меда. Красиво подстриженная челка. А щеки, нежные-нежные, напоминали созревшие персики. Проходя мимо Вепхиа, Мзекала всегда шутливо подтрунивала над ним или брызгала водой. Вепхиа представил себе ее улыбку, и его бросило в жар.

Юноша даже придержал рукой сердце, так оно билось... Он захотел вспомнить, где видел ее в последний раз перед отъездом. Как будто его провожали все, Мзекала тоже была там, не могла не быть. Но вот, где она стояла, с кем — этого, хоть убей, он не мог вспомнить. Кажется, в конце деревни, с девушками? Нет. Там ее не было. Не видно было и у её дома. Так где же?

В смятении Вепхиа разложил обновки на подушке и машинально оглянулся. В комнате стоял страшный гам. Ребята раскрывали посылки, показывали кому что прислали и угощали друг друга. Повсюду грызли чурчхелы, яблоки и орехи.

Гига поставил двадцатилитровый бочонок на окно, а сам разбирал ящик.

Вепхиа кивнул в сторону бочонка и спросил:

— Вино или водка?

— А ты что бы хотел? — улыбнулся Гига.

— Я — ничего. Угостим Геньку — он давно ждет. И Василия Ивановича.

Вепхиа носился от одного к другому, все хотел увидеть и рассмотреть. Когда он вернулся к своей кровати, Гига уже выложил содержимое ящика и укладывал его обратно. Чего только не получил он в посылке: сыр, сушеные фрукты, чурчхелы, сахар, рис. Две бутылки водки темнели залитыми сургучом головками.

— Ну, а ты что получил, Вепхиа? — спросил Гига.

— Вот, — протянул он вышитую рубаху. — И деньги.

Гига оставил свою посылку и развернул рубаху.

— Мирская вещь, такую и я бы с удовольствием надел, — сказал

Возможно, было бы лучше, если бы Талико не уехала, а осталась с ним. Ей так хотелось остаться, бедняжке! Но сейчас она была далеко и, что самое странное, ни разу не написала ему.

Арчил получал множество писем от родителей. Он до мельчайших подробностей знал обо всем, что происходит дома. Малыши по-прежнему жили со стариками; те и слышать не хотели о переезде детей в Рустави, пока Талико не переселилась из палатки.

Но Талико молчала. Почему она ничего не пишет? Что заставляет молодую женщину молча переносить трудности и лишения? Борется с собой, хочет все забыть — надеется, что время и расстояние заставят утратить всякую надежду и исцелят... От чего? Неужели он будет радоваться, если Талико так и уйдет из его жизни?

А не виноват ли он сам перед ней? Может быть, в чем-то он и не прав?

Арчил всегда старался найти оправдание поступкам близких ему людей и чаще винил себя, чем других. Была ли это природная мягкость характера или привычка к самоанализу, но и сейчас, размышляя над своим отношением к Талико, он больше был склонен сочувствовать ей, чем оправдывать собственный эгоизм.

Арчил припоминал, что, разговаривая с Талико, он всегда мысленно сравнивал с ней ту красивую незнакомую девушку, которая появилась в последнюю секунду перед их отъездом из Тбилиси. Он даже написал Саломэ Цагарейшвили, поблагодарил за чудесный подарок и спрашивал, кто была ее хорошенькая подружка.

В мечтах он иногда видел себя рядом с незнакомкой, такой далекой и загадочной, придумывал сотни романтических историй, а потом смеялся над собой и... снова в мыслях возвращался к Талико.

Поэтому, когда Джибо вдруг вручил ему письмо, у Арчила тревожно забилося сердце. Не торопясь, развернул он листки, исписанные знакомым почерком...

«Наверное, ты удивишься... Столько времени я не писала. Я знала, что обо всем тебе сообщают родные. А я — не могла. Причин было много. Я все надеялась, ты появишься в наших краях или напишешь... Вот прошла бесконечная зима, у нас давно лето, тепло, а от тебя ни одного, хотя бы маленького, письма... Домой ты писал, и твоя мама всегда говорила мне: от Арчила получила письмо, просит передать привет. Навивная, я верила в простоте души... Но однажды случайно наткнулась на твое письмо и, извини меня, не утерпела, так захотелось взглянуть на твой почерк...

Во всем письме ни одного слова обо мне не было. И вдруг я успокоилась. Удивительно, не правда ли? Но я почувствовала даже какое-то облегчение. Значит, я не ошиблась — в твоём сердце кто-то другой. Я с самого начала знала, что восстановить наши прежние отношения невозможно. Я знала это и тогда, когда ехала с тобой в Россию.

Арчил! Любовь к тебе, должно быть, не погаснет никогда, уйдет вместе со мной в могилу... Не подумай, что я прошу взаимности или жалости. Нет! Ты и так достаточно много сделал для меня. Наоборот, если ты хочешь, чтобы я навсегда сохранила к тебе большое чувство, никогда не отвечай мне взаимностью.

С огнем не шутят, Арчил. Я обожглась, но и передумала многое, поняла. Теперь я знаю, что хорошие отношения установятся между нами и мы действительно станем близкими, родными людьми только в том случае, если я не буду твоей женой. Да это и невозможно. Мы всегда были бы в тягость друг другу. Ведь правда?..»

— Правда, — невольно вырвалось у Арчила, и он перевернул страницу.

«...Очень хочу видеть тебя. Хочу рассказать обо всем, что случилось со мной. Но разве в письме напишешь? Я словно стала старше, взрослее. А ведь я — мать двоих детей. Сейчас мы вместе — мне дали комнату. Город, о котором ты так мечтаешь, строится быстро. Первое время я жила в палатке. Целую зиму провела там. Не знаю, как только ее не унесли ветры. Ты не представляешь, какие ужасные ветры здесь бывают! Даже камни срывают с земли. Дети со мной. Если бы ты знал, сколько слез и причитаний было при расставании. Каждое воскресенье твои папа и мама приезжают ко мне, привозят малышам подарки. Какие они у тебя замечательные, Арчил!

...Город строится. Но когда станет похож на настоящий город с улицами, тротуарами, домами, кино, — сказать трудно. Пока, кроме непролазной грязи, пыли, груды строительных материалов и грохота машин, ничего нет. Правда, народу много. Из Тбилиси почти каждый час ходят поезда. Через Куру собираются строить мост. Пока что там один паром.

Я знаю, Арчил, тебе это все интересно.

Здесь еще сохранились развалины старой крепости, а на берегу Куры густой лес. Там такие красивые деревья, как в сказке. Мне даже стало грустно. Говорят, в этом лесу будет парк с аллеями, аттракционами, вроде нашего Муштаида.

Эх, когда все это будет, Арчил, не знаю.

В нашей амбулатории пять врачей и столько же фельдшериц. Все женщины. Из них только я одна живу в Рустави, остальные приезжают из Тбилиси. Отдельные комнаты, как у меня, дают семейным. Одиноким устраивают в общежитии. Одиноким — мне всегда смешно слышать это слово — должны довольствоваться малым. Временно, правда. Поэтому все, у кого в Тбилиси есть квартиры, предпочитают ездить, хотя дорога туда и обратно отнимает самое меньшее четыре часа.

Днем здесь еще ничего. Но когда стемнеет, становится так тоскливо — врагу не пожелаю. Электричество не проведено, и лампы у нас тоже не годятся. Да и стекла для ламп достать нельзя. Горят или свечи, если достаем, или просто коптилки. Вокруг кромешная тьма, и ветер воет всю ночь, как волк.

Я не жалуясь, Арчил, не подумай.

Единственное, что у нас хорошо, — это снабжение, даже лучше, чем у тбилисцев. Сейчас, правда, и там наладилось. Но все завозят в первую очередь к нам. И нормы у нас больше. Главное, чтобы ни в чем не нуждались дети, а мне все равно...

До свидания, мой сердитый орел. Теперь я твоя сестра. Поэтому если я по-родственному забочусь о тебе, не удивляйся. Я думаю, право на это ты дал мне сам. Изволь и письма писать почаще. Сообщи, как ты, что делаешь, с кем встречаешься. С сестрой можешь быть откровенным...»

Арчил сложил письмо и с облегчением вздохнул. У него точно глыба свалилась с плеч. Он никак не мог разобраться в своих чувствах. Ну, конечно же, его любовь была нежной, дружеской заботой брата. И сейчас все стало на свое место. Отчасти виновата сама Талико. Ураган, поднявшийся в ее сердце, всполошил и Арчила. Но теперь все утихло и прояснилось.

Надо немедленно написать ответ. Арчил, зная свою безалаберность, решил сделать это сейчас же, сел и вооружился ручкой. Задумался...

Все, только что казавшееся таким ясным, вдруг снова стало совсем непонятным. Где-то всколыхнулась глухая боль, неосознанное ощущение чего-то утраченного охватило его. Он перечитал написанную строку

«Моя Талико! Получил твое письмо и очень обрадовался, что наконец ты вспомнила обо мне...»

Не то, совсем не то. Может быть, просто трудно начать? И Арчил вдруг отчетливо понял, что написать Талико он не сможет.

* * *

Окончание войны, мир и победу ребята решили отпраздновать вместе и пригласить в гости своих учителей. Трудно сказать, у кого первого возникла эта мысль, но она понравилась всем. В общий котел пошло содержимое полученных из дому посылок, а чего не хватило — докупили на рынке.

Всем по вкусу пришлось предложение Гени Бурака в ближайшее воскресенье отправиться за город, в лес и повеселиться на чистом воздухе.

Слух об этом с поразительной быстротой разнесся по заводу.

Увлекло это и Булатова. С гордостью объявил он дома, что в воскресенье они приглашены на пикник к грузинским ребятам.

Против ожидания, Евпраксия Ивановна отнеслась к этому недоброжелательно.

— И слышать не желаю. Вы точно с ума посходили с вашими кавказцами. И сама не пойду, и тебя не пушу. Перепьются все — да и только...

— Ты что, рехнулась? Сама же видела, какие хорошие хлопцы.

— Ничего не знаю. Вино будет?

— Ну, будет немножко.

— Вот то-то и оно. Знаю я ваше немножко. Ты не смотри, что они тихие... нахлещутся винища и пойдут резаться...

— Хватит тебе чушь городить, — рассердился Василий Иванович, — мелешь, сама не знаешь что. Больше половины из них комсомольцы, и девчата там наши будут. Вот и Аниська...

— Аниська никуда не пойдет, — заявила Евпраксия Ивановна.

У Аниськи был до того сияющий вид, что Василий Иванович не выдержал и, пряча улыбку в густые усы, сказал:

— Будет она у тебя спрашивать!

Уже с утра в общежитии царило оживление. Ребята чистились, драили ботинки, скоблили щеки и пушок на верхней губе.

Бисмарк Самсониашвили важно разгуливал, вырядившись в коверкотовый костюм. Другие надели свежесвыглаженные рубашки.

Вепхиа далеко спрятал свою вышитую хевсурскую рубаху и обломок шашки. Он стыдился недавней своей мечты — раздобыть шашку и вернуться домой. Сейчас его желанием было покрасоваться в таком костюме, как у Бисмарка. Или в шароварах и лыжной куртке с блестящими змейками-молниями на карманах, какие носили Гайк и Эстате. Или в черной рубахе, плотно облегающей грудь и туго перехваченной узким ремнем, который собирал ее позади густыми складками, как у Гиги.

Вепхиа представил себя в одном из этих костюмов и, подавив невольный вздох сожаления, натянул телогрейку.

Погода с утра стояла чудесная. В ясном голубом небе плыли белые облака. Молодая травка зеленела, словно покрытая лаком. Из лопнувших почек на деревьях выглядывали нежные лепестки. Тихо шумел лес...

На прогалине, неподалеку от опушки, где кроме берез и сосен и опрокинутой голубой чаши неба ничего не было видно — ни заводских труб, ни города, — ребята собрали хворост, развели огонь и разложили продукты.

Запахло сосновыми шишками, а громкие голоса молодежи заглушили щебет птиц.

На заранее приготовленных газетах, из-за которых пришлось повоевать с завклубом, девчата разложили еду, нарезали хлеб, зачерствевшие в дороге хачапури и лепешки с лобно, выстроили батарею бутылок и выложили чурчхелы, сушеные фрукты и свежие яблоки.

Мяса, правда, было немного. Но зато хамсы, селедки и рыбных консервов — сколько душе угодно. Гайк с торжественным видом жарил шашлык.

Во главе стола усадили Арчила и уговорили его быть тамадой.

В этот ясный майский день Арчилу хотелось забыть все невзгоды и недомогания, окунуться в веселье и снова почувствовать себя молодым, здоровым и бодрым.

Он оглядел всех, увидел девушку с ослепительной улыбкой, подошел к ней, взял за руку и посадил рядом с собой.

— Ну что я за тамада, если рядом не будет красавицы! — шутиливо сказал он и тут только узнал Шуру Нятилову:

— О, да это оказывается, вы!

Шура застенчиво улыбнулась и ничего не ответила. Разве могла она сказать, что Арчил давно и по-настоящему нравится ей и она все время мечтала, чтобы он ее заметил.

— Не смейтесь надо мной, — тихо попросила она, сияя глазами, склонив на бок светлую, словно облитую солнцем, голову.

— А я не смеюсь, Шурочка. Красота — великая вещь...

Арчил наполнил вином большой стакан.

— Вы это все должны выпить? — спросила Шура.

— Глядя на вас, я пьянею больше, чем от вина, — засмеялся Арчил.

Прежде чем хозяйева и гости успели приступить к еде, Арчил провозгласил тост за победу. Его встретили шумным одобрением, со всех сторон посыпались здравицы: «За Родину!», «За Советскую Армию!», «За партию!».

Напрасно Арчил пробовал объяснить, что, если уж он выбран тамадой, никто не имеет права пить без его разрешения другие тосты. После первого же бокала все перемешалось, и кто за что пил — можно было разобрать только по счастливому выражению лиц да блеску в глазах.

Джемал Глonti и Бисмарк нестройно затянули «криманчули»¹, выводя необыкновенно пронзительно «иау-иау». Потом Гигла Бежанишвили и братья Алпаидзе завели густым басом «Мравалжамиер», «Бери каци вар» и «Замтари». Все затихли, сидели не шелохнувшись. Когда песни смолкли, в наступившей тишине стало слышно, как шелестят верхушки сосен.

¹ Криманчули — многоголосое пение.

Вдруг кто-то ударил в доли¹ и начались танцы. Аджарцы цепочкой растянулись в «Гандагане»², абхазцы и мтиульцы плясали на носках, ловко обходя узловатые сосновые корневища. В неуклюжих солдатских ботинках танцевать было трудно, но в огневой пляске закружились все.

В долгу не остались и гости. Геня Бурак растянул гармошку-двухрядку, подручные сталевара Витя Струнников и Митя Косых разом подскочили, вошли в круг и пустились вприсядку.

Со всех сторон звали:

— Шура!

— Нятилова, выходи!

Арчил удивленно посмотрел на свою соседку:

— Это вас зовут, Шура?

Шура кивнула, но не двинулась с места.

— Вы, значит, мастерица плясать?

Подошел Василий Иванович, потянул Шуру за плечо, шутливо встряхнул и поставил на ноги:

— Давай, давай, а то без тебя моя Аниська не смеет...

Булатов мигнул Арчилу и прихлопнул каблуками от полноты чувств.

Шура постояла немного, развязала косынку и решительно шагнула к пляшущим парням. Гармошка в руках у Гени на мгновение смолкла. Шура изогнулась и вдруг, широко, как крылья, раскинув руки, поплыла, словно не касаясь земли. За ней вытолкнули Аниську, а вслед понеслись и другие девчата. Топот, смех, веселые возгласы заглушали музыку, хотя Геня с таким ожесточением растягивал гармошку, точно хотел разорвать ее пополам.

Плясуны лихо отбивали чечетку. Девушки то парами плыли по кругу, то сходились и расходились, помахивая платочками.

— Эх, опередили наших! — вырвалось у Вепхиа.

И в ту же секунду, не успели запыхавшиеся танцоры повалиться в прохладную траву, доли в руках у Симона Алпаидзе рассыпалось мелкой дробью, будто очередью из пулемета. Пронзительно взвизгнул Дзики Данелия и рванулся в круг. За ним последовали Ахмед Моцкобили и другие ребята. Начался такой головокружительный перепляс, что даже Арчил, не выдержав, воскликнул:

— Вот это да, это пляшут!

У Вепхиа горели глаза. Мысленно он представлял себя на месте танцоров и, хотя не умел ни петь, ни танцевать, весь отдался буйному ритму пляски.

Аниська сидела рядом с ним и с восторгом следила за танцующими. Она тронула Вепхиа за рукав и спросила:

— А ты, Тигр, почему не танцуешь?

Аниська гордилась знакомством с Вепхиа. Она не жалела красок, чтобы обрисовать его перед подругами в самом ярком и выгодном свете. И сейчас Вепхиа должен был блеснуть своими талантами. А он сидел неподвижно и молча, не танцевал и не пел.

— Ты что фасонишь? — переспросила она его.

Ах, эти девушки! Как объяснить им, что он ничего не умеет. Даже русского языка не знает настолько, чтобы поддержать беседу.

Вепхиа сокрушенно молчал.

— Так почему ты не танцуешь? — не отставала Аниська.

— Не хочу, — буркнул Вепхиа.

¹ Доли — грузинский барабан.

² «Гандаган» — хоровод.

— Ну, станцуй, умоляю, что тебе стоит...

Как назло, другие девчата кричали Аниське:

— Что же Тигр твой не танцует?

С веселой улыбкой поманил Вепхиа Василий Иванович.

— Что, Тигр, стесняешься? Валяй, брат, стесняться нечего, здесь все свои. Вот и я сейчас спляшу...

И он, действительно, вошел в круг танцующих «Картули»¹ и пошел отплясывать «Барыню».

Это вызвало веселый смех. Геня Бурак снова рванул гармонь. Отдохнувшие парни и девушки бросились в пляс. И хозяева и гости объединились в хороводе.

Только Вепхиа не пошевелился. Он сидел, уставившись в одну точку, как изваяние. У Аниськи на глаза навернулись слезы:

— Ну, почему ты не танцуешь?

— Не умею, — наконец, признался Вепхиа.

— Врешь?

От обиды Аниська готова была заплакать, но к ее руке легко прикоснулся Гига:

— Оставь его, Анисьюшка. Пойди, потанцуй. А он и медведи танцуют одинаково. Потому, наверное, и свой сказочный наряд не надел...

— Какой наряд?

Аниська глядела то на Вепхиа, то на Гигу.

— О-о, он такой подарок получил от невесты...

— От невесты?

Аниська блеснула васильковыми глазами, высвободила руку, за которую держал ее Гига, и без оглядки устремилась к танцующим. На Вепхиа она не смотрела.

В это время Вепхиа услышал неподалеку смех. Смеялась Ламара. Подружки в недоумении спрашивали ее, над чем она смеется. Ламара не отвечала, продолжая хохотать.

Вепхиа почему-то был уверен, что смех Ламары имеет к нему какое-то отношение. Ему стало обидно и неприятно. Он почувствовал себя совсем одиноким, и ему захотелось уйти от этого веселья, одному побродить по лесу... Но он встал и направился к танцующим. Украдкой взглянул на Ламару. Она больше не смеялась и что-то шептала Кето.

Все готов был отдать Вепхиа в эту минуту, хоть полжизни, лишь бы уметь танцевать так лихо, как Дзики Данелия, хотя бы... Девушки тогда бы глаз не отвели от него.

Вепхиа вздохнул и побрел в лес, хрустя валежником и обходя краснеющие кусты смородины. И не заметил, как рядом выросла плотная женская фигура.

— Не узнаешь? Ты чего не плясал-то?

И повторила, не дожидаясь ответа:

— Ты что, не узнаешь меня?

Вепхиа задумчиво смотрел, не произнося ни слова, и женщина сказала:

— Ты и вправду меня не узнал. Я — Груша... Ну, крановщица. Ва-ша Ламарка работает у меня. Знаешь Ламарку?

— Знаю.

— Ну, слава богу, заговорил. Скажи лучше, зачем ты лез ко мне наверх?

¹ «Картули» — грузинский танец.

- Что? — не понял Вепхиа.
- Зачем, спрашиваю, лез ко мне на кран?
- А-а, — сказал Вепхиа. — Интересно.
- Ишь, хитрый какой. Интересно. Скажи, почему тебя зовут

Тигром?

Вепхиа молчал.

- Ты что — язык проглотил? Отчего не танцуешь?

Вепхиа пожал плечами:

- Не умею.

— Не умеешь? А что же ты можешь? Грести хоть умеешь? А то речка здесь рядом, может, лодку найдем и покатаемся. Пойдем отсюда, шумят уж очень.

Вепхиа не двигался с места.

- Тебе сколько лет?

— Восемнадцать.

- Уж больно ты робок... Пойдем — расскажешь о ваших краях..

Ну, что ты смотришь?

Вепхиа оглянулся.

- Пошли, пошли, — и Груша взяла его за руку.

Пикник удался на славу.

Звонкие голоса молодежи далеко разносились по лесу, пугая птиц и смешиваясь с дыханием весеннего ветра. Гармошка Гени Бурака, словно охрипнув от натуги, умолкла, а ее владелец уселся с Василием Ивановичем в кружок учеников и с удовольствием поддерживал витиеватые тосты Гайка Евангулова.

Солнце стояло еще высоко, когда Василий Иванович, поглядев на часы, сказал:

- Пора и честь знать, хлопцы. Закругляйтесь. Небось, забыли, что утром вставать спозаранку...

- Да ведь рано еще, дядя Васо, — зашумели ребята. — Часок, другой посидеть бы неплохо.

- Пора, пора... Хорошего понемножку. Время бежит, оглянуться не успеете — гудок.

Арчил поддержал Булатова.

Посуду, миски, остатки провизии завернули и взяли с собой.

Бурак тщательно затоптал еще тлевший огонь.

- Место лесное и недолго до пожара, — объяснил он ребятам.

Домой возвращались в прекрасном настроении. Песни и шутки не стихали всю дорогу.

Заходящее солнце осветило молодые лица, позолотило головки девушек и заиграло на показавшихся вдали заводских трубах. Лес кончился...

Арчил и Шура шли вместе. Шура так и сияла — этот день оказался для нее настоящим праздником... Шутка ли: ее вел под руку фронтовик с тремя рядами орденских планок, с нашивками тяжелого ранения. Молодой, красивый, смуглый. Такой мужественный и такой шутник. Вежливый, предупредительный и обаятельный собеседник. Да еще, как выяснилось, неженатый... Шура была на седьмом небе от счастья. Она не могла не видеть, с каким уважением относились ребята к Арчилу, и сейчас, чувствуя на себе любопытные взгляды, Шура преисполнилась гордости и совсем забыла, что лишь сегодня впервые

как следует познакомилась с Санеблидзе. Ей уже казалось, что они давние друзья...

Весь день Арчил шутил и смеялся, стараясь заглушить ставшую почти привычной за последнее время, откуда-то из глубины возникавшую затаенную боль.

— Василий Иванович, решил забрать Шуру с собой в Грузию. Поедете, Шура? — спросил он ее шутливо.

Василий Иванович разгладил усы и серьезно ответил:

— Отчего же, Шура умная девушка. Самостоятельная. Мы с ее отцом друзьями были. Машинистом работал, в аварию попал, бедняга. А она ничего, без отца вон какая выросла.

— Дядя Вася, он же шутит... Почему вы все шутите, Арчил Николаевич? — грустно возразила Шура.

— С шутками легче живется, Шура, хотя жить и так неплохо. Ведь хорошо быть молодой и красивой, ну как вы, например? — сказал Арчил.

— Ой, что вы, Арчил Николаевич? Куда мне до вас, — и она с откровенным восхищением посмотрела на него.

Они дошли до автобусной остановки.

По дороге ребята разбрелись кто куда и теперь шумно перекликались, отыскивая друг друга. Василий Иванович подошел к Аниське, которая не отходила от Гиги и разговаривала о чем-то, по-видимому, очень серьезном.

— Ну как, — спросил он их, — понравилась вам прогулка?

— Очень! — сощурила глаза Аниська. — Здорово повеселились.

— А где наш Тигр? — огляделся вокруг Василий Иванович.

— Вот уж это меня не интересует, — ледяным тоном произнесла Аниська, посмотрела на Гигу и, чуть смутившись, спросила:

— Вы проводите нас до дому, Гига?

Гига не успел ответить — у Арчила, идущего впереди них, вдруг подкосились колени — и он упал бы, если б Шура не поддержала его. Все трое бросились к ним. Гига закинул руку Арчила к себе на шею и бережно обнял его за пояс. Василий Иванович поддерживал Арчила сзади.

— Неужели вино одолело? — удивлялся он.

— Арчил Николаевич, что с вами? — волновался Гига. — Вы же и пили мало...

— Ничего, ничего, это сейчас пройдет, — глухим голосом старался успокоить друзей Арчил, — наверное, старое ранение дает знать о себе...

— А ну, бегите за скорой помощью, — приказал Булатов Шуре и Аниське.

...В потрепанный газик разрешили влезть лишь Гиге и Шуре. Санитар сидел рядом с шофером и пока машина подскакивала на ухабах и ямах, Шура гладила лоб и руки больного, а Гига осторожно поддерживал носилки. Арчил лежал, не открывая глаз и не произнося ни слова.

В больнице санитары с шумом выкатили носилки и осторожно внесли больного в палату.

Шура и Гига остались в приемной. Немного погодя пришел и Василий Иванович с дочкой. Булатов запыхался, а встревоженная Аниська испуганно жалась к отцу, глядя широко раскрытыми голубыми глазами то на него, то на Гигу, то на Шуру. Шура еле сдерживала

слезы. Гига растерянно озирался — это была та самая больница, где умер Ванико...

Ждать пришлось долго. Когда, наконец, вышел дежурный врач, Булатов тихо дремал, опустив голову, Аниська и Шура перешептывались, а Гига погрузился в полные горечи воспоминания о бедном Ванико.

— Вы к больному Санеблидзе? — спросил дежурный врач. — Сейчас ничего страшного нет, часа через два мы его выпишем. Но он непременно, слышите, непременно, во что бы то ни стало, должен уехать отсюда. В легком у него осколки, и я предполагаю, что ранение обострилось. Прежде всего больному необходимо хорошенько отдохнуть на морском воздухе, а потом, должно быть, понадобится операция...

* * *

Перед самым отъездом Арчил решил попрощаться с учениками и поручил Гиге собрать в красном уголке всех, кто не занят в смене.

Ребята пришли молча. Стараясь не шуметь, разместились на скамейках, стульях и подоконниках.

Арчил, побледневший и осунувшийся, вошел, улыбаясь чуть принужденной улыбкой. Присел на край стула и, помолчав, негромко заговорил:

— Не думал я, что мы так быстро и неожиданно расстанемся, друзья мои. Что ж, вы-то не унывайте. Да и незачем. Знаю, вы сами чувствуете, как мне не хочется оставлять вас одних. Но ничего не поделаешь: врачи сказали — если не уеду, мое дело плохо. Да я и сам вижу. Теперь могу вам признаться — целую зиму меня мучили боли. Все надеялся — переборю их. И сейчас вот, — Арчил встал и подошел к раскрытому окну, — гроза надвигается — и мне воздуха не хватает, дышать трудно. Он тяжело облокотился о подоконник. Послышались голоса: «Воды!», «Принесите воды!». Засуетились девушки.

— Не надо, — остановил их Арчил, — не надо воды. Я вот что хочу сказать, ребята. Вы уже успели убедиться на собственном опыте, какая серьезная и сложная штука — жизнь. У вас было много трудностей и еще много будет... Вот мне и хотелось бы пожелать вам большого счастья. Не забывайте — оно в ваших руках.

Вы сумели перенести зиму, мороз. Тем более сможете справиться с остальным. Вы молоды, здоровы. Все у вас впереди.

Арчил замолчал, с трудом подбирая слова:

— Об одном прошу — помните, что по вас судят о нашей Грузии. Работайте и ведите себя так, чтобы не стыдно было никому смотреть в глаза... Пока из Тбилиси вместо меня пришлют другого, старшим будет Гига, наш комсорг... Я надеюсь на вас...

Ударил гром. Все вздрогнули и невольно повернули головы к окнам. Деревья тревожно зашумели, словно предупреждая о приближающемся ливне. Стало так темно, что кто-то включил электрический свет, осветивший сумрачные лица учеников.

Болезнь Арчила и его отъезд неприятно поразили их.

Последнее время ребята старались помогать Арчилу, не расстраивали его и не тревожили. От него скрыли даже историю с пропажей денег у Вепхиа.

Он платил им тем же. И если иногда был излишне суров и резок, то ребята прощали ему это, зная, что Арчил справедлив и добр.

«Наш командир», — называли они его. И вот теперь командир сдал...

Ослепительная молния сверкнула за окнами, и в то же мгновение начался страшный ливень. Потом пошел град, и будто тысячи пуль забарабанили по крыше.

Арчил сидел на стуле, не шевелясь, и не сводил глаз с окна.

— Пришла настоящая весна — первый майский гром, — сказал он.

Дверь скрипнула, и на пороге показалась Шура Нятилова. С нее струями стекала вода. Но Шура улыбалась, поблескивая жемчугом зубов. Она сняла плащ, повесила его на гвоздь, достала из кармана гребенку, развязала мокрую косынку и, не обращая ни на кого внимания, принялась расчесывать светлые волосы.

Арчил встал — пора было собираться в путь.

— Кто проводит меня на вокзал? — спросил он.

— Все, все!

Ученики бросились одеваться.

В вагоне у Арчила была нижняя полка, и он, как только вошел, сейчас же прилег — одолела слабость.

— Идите, ребята, — сказал Арчил, — мне уже легче. Спасибо. И до свидания.

Все вышли. Только Шура помедлила и, присев сбоку на полку, сказала:

— Если бы вы знали, как мне вас жалко. И себя.

— Почему?

— Вот сейчас простимся и никогда больше не увидим друг друга...

— К чему такой пессимизм, Шурочка? Выше голову...

По радио объявили, что до отхода поезда осталось две минуты.

— Ступайте, Шура.

— Еще рано...

— А знаете, Шура, это счастье иметь такого друга, как вы... Вот если бы я не был инвалидом...

— Не надо...

— Ну, идите, Шура.

— Иду. Можно я вас поцелую?

Шура крепко обняла Арчила и, не обращая внимания на пассажиров, припала к его губам, потом быстро встала, протянула руку и выскочила из купе.

Арчил приподнялся и выглянул в окно. Ученики махали руками и что-то кричали ему.

Поезд тронулся. Арчил искал глазами Шуру, но ее нигде не было видно. Вдоль платформы за поездом бежал Вепхиа.

«Примчался-таки со смены», — подумал Арчил и устало закрыл глаза.

На этот раз он возвращался в Грузию через Москву и надеялся, что успеет благополучно добраться до дому. Но в ту же ночь ему стало очень плохо. А к концу второго дня, уже в Москве, его без сознания сняли с поезда и отвезли прямо в больницу.

* * *

Прогулка Вепхиа с Грушей не ускользнула от девчат. Первой это заметила Ламара — и ей стало не по себе.

Она вспомнила встречу с Вепхиа в первый день их приезда, при-

косновение его руки, взгляд, красноречивый и полный восторга. Тогда, правда, она ответила ему довольно грубо и резко и даже посмеялась над ним. Но в душе с тех пор осталось что-то волнующее и сладкое. Невольно она выделяла его среди остальных ребят и хоть ни за что в жизни не призналась бы себе в этом, но ей приятно было слышать голос Вепхиа или следить издали за знакомой, высокой фигурой.

И ревность незаметно закралась ей в сердце.

— Пошел он отсюда, смотреть на него не хочу... — обронила она как-то в разговоре с Грушей.

— Чего это? — удивилась Груша.

— Так. Грубый он.

— А я люблю грубых мужчин. Возьмет за руку, косточки затрещат... Значит, говоришь, он грубый?

После этого разговора Ламара потеряла покой. С замирающим сердцем она следила за обоими. Но проходили дни, а она ничего нового не замечала.

Вепхиа, как обычно, вертелся в цеху, у мартена и не отходил от товарищей. Груша всю смену усердно громыхала своим мосткраном, а если спускалась вниз на перерыв, то или шутила со старыми знакомыми, со смехом окружавшими ее, или с неприступным видом проходила по цеху. «Цену набивает», — смеялись сталевары. На учеников она не обращала никакого внимания. Только однажды неожиданно спросила Ламару:

— Того парня отчего называют Тигром?

— Его имя — Вепхиа, по-русски это значит тигр, — спокойно объяснила Ламара и почувствовала, как на душе у нее заскребли кошки. Она разозлилась не на шутку и поклялась себе выбросить из памяти Вепхиа.

«Дура я, дура набитая, из-за чего схожу с ума? Стоит ли? Со стороны люди подумают — влюблена, а мне только этого не хватает. Подумаешь, очень он мне нужен. Пусть Груша что хочет, то с ним и делает. А мне он не больно-то нужен», — думала Ламара.

Но прошел месяц, другой, третий — и все уладилось. Груша учила Ламару, да так толково, что вскоре та смогла самостоятельно управлять мосткраном.

— Ну, Ламарка, дуй во всю ивановскую, — смеясь, говорила она своей ученице и с удовольствием следила за ловкими движениями ее рук. Ламара, как заправский мастер, уверенно двигала рычагом, опускала тросы и, подхватив огромными лапами ковш, подавала к раскрытой пасти мартена шипящий чугун.

— Скоро будешь сама работать. Разбогатеешь, небось, друзей забудешь? — шутила Груша. О Вепхиа она не вспоминала, и Ламара в душе даже упрекала себя за несправедливость к ней.

Вепхиа несколько раз заговаривал с Шурой. Но та думала только об Арчиле, и Ламара совсем успокоилась.

Все шло отлично. И вдруг — внезапное исчезновение Груши и Вепхиа тогда в лесу.

Сначала Ламара пробовала успокоить себя — ничего особенного не произошло; но возвратившись в общежитие, она никак не могла заснуть. Лежала, прислушиваясь к перешептыванию девчат. Они видели, как Вепхиа куда-то отправился с Грушей, да так и не вернулся. Вспоминали, что Гига проводил дочь Василия Ивановича, Астамур Тантиба, Гайк и Эстате тоже пошли со знакомыми девушками. Но все вернулись рано и сейчас шумят, рассказывая о проведенном дне.

А вот Вепхиа не вернулся.

Ламара до утра не сомкнула глаз. Когда она увидела, что на дворе светло, встала и выглянула в коридор. На стенных часах было три. «Остановились!» — подумала Ламара, но маятник безмятежно тикал, медленно отсчитывая секунды.

В окне розовело солнце. «Ну, что же это такое!» — со стоном вырвалось у нее. Она бросилась в постель и с головой укрылась одеялом.

Когда загудел гудок, она уже была одета и выбежала в коридор. Ей так не терпелось узнать, когда же вернулся Вепхиа.

«Может быть, он ушел уже на завод?» — как утопающий хватается за соломинку, так Ламара ухватилась за эту мысль.

Но и на заводе Вепхиа не оказалось.

Василий Иванович со своими подручными уже давно возился у печи, когда Вепхиа и Груша вошли в цех.

Ламара собрала всю свою выдержку. Внешне она казалась совсем спокойной, но сердце громко стучало и к горлу подкрадывалось неприятное ощущение тошноты.

С башни мосткрана весь цех был виден, как на ладони. Вот, перешагнув через рельсы, Вепхиа и Груша разошлись в разные стороны. Вепхиа свернул вправо и направился к мартену, а Груша — влево и задержалась около пульта управления. Еще немного — и она поднялась в кабину.

— Какая ты чудная, Ламарка! — воскликнула Груша, кинулась к ней, стиснула и расцеловала.

Снизу закричали, давая сигналы, и Груша схватилась за рычаги. Мосткран поплыл вдоль цеха. Внизу двигались хлопотливые фигуры людей. В цех вполз груженный металлоломом поезд. Паровоз зашипел, обдав башенку крана горячим паром.

— Он еще мальчик — этот твой Тигр, — крикнула ей в ухо Груша. У Ламары потемнело в глазах...

* * *

Открытое комсомольское собрание проходило в красном уголке общежития. Окна распахнули настежь, но в воздухе плавали синие клубы махорочного дыма, хотя с самого начала договорились не курить.

Председательствовал Гига. Рядом с ним пристроилась Кето. Ее выбрали секретарем, и она тщательно выписывала ученически аккуратным почерком: «Протокол открытого комсомольского собрания»... Дальше писать было труднее. Кето еле поспевала за выступавшими. «Порядок дня — вопрос о воровстве. Председатель отмечает, что в нашей жизни произошло позорное событие... У нашего товарища Вепхиа Халибаури... Это вина всего... еще не поздно выйти и честно признаться... это вопрос...»

Кето безнадежно отставала от говорившего. Она набрасывала бессвязные отрывки, рассчитывая потом восстановить все по памяти и переписать протокол со стенографической точностью.

Гига рубил с плеча. Он так разгорячился, что иногда даже ударял кулаком по столу.

В такие минуты Кето вздрагивала, и карандаш в ее маленькой руке ломался. К счастью, рядом сидел Бисмарк и точил его своим острым, как бритва, перочинным ножом.

— Позор, ребята, — говорил Гига, — мы все могли ожидать, только не этого. Украсть? У кого? У своего товарища? Мы надеялись все время — он поймет, наконец, что наделал, придет и скажет, как человек: вот, ребята, это я сделал, виноват, что было, то было... Но этого не произошло, потому что он на самом деле оказался вором, а о мужестве вора еще никто не слышал. Разве вор—человек? Он опозорил весь коллектив, свел на-нет все наши старания и труды. Я думал, каждый из нас чувствует себя здесь посланцем Грузии и не ударит лицом в грязь. А он что сделал? Мы предупреждали и сейчас в последний раз предупреждаем того, кто это сделал: пусть соберет всю свою смелость, подойдет и откровенно признается, вернет украденные деньги. Мы его простим, и — даю честное комсомольское слово — поможем ему. Черт знает, почему он сделал это. Мало ли что случается в жизни. Мы же здесь все свои.

Гига остановился и спросил:

— Кто хочет высказаться, товарищи?

Никто не брал слова, и он продолжал:

— Мы умышленно скрыли от Арчила эту историю, и хорошо сделали. Сейчас Арчила нет, и все зависит от нас самих. Свои ошибки надо исправлять самим. Тот, кто совершил эту подлость, поборов малодушие и сознавшись, не только искупит свою вину, но признает тем самым силу нашего коллектива и снова станет нашим товарищем. Мы ждем...

Все молчали. Кето перестала писать и смотрела на Гигу такими широко раскрытыми глазами, что он спросил:

— Может, ты хочешь что-нибудь сказать?

Кето Качалпеташвили растерялась и вскочила на ноги.

— Я? Что я должна сказать? Интересно, что я должна сказать? Те, кому следует говорить, — молчат, а я тут при чем? Мне совсем не о чем говорить...

— А кто знает, быть может, это ты и была? — шутя, выкрикнул кто-то, и все засмеялись...

— Чтобы язык у тебя отсох, проклятый!

На глазах у Кето выступили слезы.

— Да, ладно тебе, подумаешь, пошутить нельзя, — вмешался Чичико Шубитидзе. — Шуток не понимаешь.

— Шутки—говоришь? Шути у себя дома, а нас своими грязными лапами трогать не смей. Интересно, как ты обрадуешься, если тебя шутя вором назовут?

— Если хочешь выступать, говори по существу, — одернул ее Гига.

— Никакого существа я не знаю, — из глаз девушки брызнули слезы. — Только знаю, что всем нам стыдно. И вели, пожалуйста, своим комсомольцам вести себя прилично...

Кето, пунцовая от волнения, тряхнула головой и уселась на место.

Потом встал Симон Алпаидзе и заявил, ни на кого не глядя:

— Тут не о чем толковать. Кто украл, пускай подумает сам. Вернет деньги — простим, не вернет — рассчитаемся по-своему. Тогда обижаться будет поздно. Все очень ясно.

— Правильно! — зашумели ребята.

— Пусть на себя пеняет. Его предупредили...

— А может, вора и нет среди нас? — услышался чей-то выкрик. Все насторожились. Симон оглянулся.

— В самом деле, — сказал Чичико Шубитидзе, — может, он работает в смене?

— Разойдемся сейчас и поручим ребятам передать всем решение комсомольского собрания, — заявил Гига. — Дадим еще дня два срока.

И вдруг высокий женский голос выкрикнул:

— Обманывает нас этот парень, ничего у него не пропало!

Это была Ламара. Горящими глазами она смотрела на Гигу, потом смутилась и опустила голову.

Все точно окаменели.

— С чего ты взяла? Откуда ты знаешь? — нахмурился Гига. — Я сам видел, своими глазами. Ерунду говоришь...

— А что, он не мог потратить?

Голос у Ламары оборвался, и она с трудом проглотила слюну.

— Где же он мог потратить? В карман не успел положить деньги парень, и вообще...

— Очень хорошо знаете, где! — голос у Ламары прервался, и она выскочила за дверь.

Неожиданно у Ламары нашлось много сторонников. Все разом заговорили:

— Вепхиа, сознайся лучше, если деньги потратил, или скажи, что подарил кому-то!

Вепхиа молчал, стиснув зубы.

Наконец, Гиге кое-как удалось восстановить тишину. Тогда Вепхиа, понурясь, растолкал окружающих и подошел к столу.

— Говори правду! — успел выкрикнуть Чичико Шубитидзе, но на него зашикали.

— Правду скажу, конечно.

Вепхиа постоял с поникшей головой, потом медленно заговорил:

— Врать мне не пристало. И я не врал никогда. Правда, украли у меня деньги. Но я совсем не о деньгах говорю. Деньги что, мне они и не нужны вовсе, пусть кто взял — ему останутся... Мне жалко совести его и мужества, и еще обидно... Надо стереть позор, вот в чем дело. Клянусь честью, если он встанет и сознается, я обниму и расцелую этого человека...

— Ты и так много раз этого человека обнимал и целовал! — усмехнувшись, бросил Бисмарк.

Красная пелена застлала глаза Вепхиа. Не помня себя от гнева, он рванулся и с такой силой раскидал обступивших его парней, что только объединенными усилиями Гайку, Тедо и Гиге удалось удержать хевсура на месте. Ребята повисли у него на плечах и, обхватив за руки, усадили.

— Вепхо-джан, успокойся, — уговаривал его Евангулов. — Какой ты нервный, шуток не понимаешь. Разве можно на это сердиться?

Гига сел рядом и положил руку ему на плечо. Вепхиа душили слезы. Накипевшая обида, казалось, переполнила его до краев и хотела вырваться наружу.

Он не мог стерпеть обвинения во лжи. Впервые в жизни его заподозрили в обмане. И кто? Свои же товарищи! Мир, казалось, померк в его глазах. Стоило ли жить на свете, если возможно такое... Он заскрежетал зубами. В лицо ему бросила обвинение девушка, с которой он никак не мог свести счеты — ни ответить ей как подобает мужчине, ни дотронуться до нее пальцем. Это усиливало чувство обиды и гнева.

Шум в помещении не утихал. Все спорили, размахивая руками, и старались перекричать друг друга.

Гига тщетно пытался установить тишину и порядок.

Бисмарк, которого затолкали в угол, все просил слова, но его никто не слушал. Наконец, стараясь перекричать всех, он выпалил:

— Ламара прекрасно знает, кто вор. Он специально подговорил ее выступить, чтобы отвести от него подозрения. Где Ламара, давайте ее сюда!

Вепхиа сидел, как пораженный громом. Ему и в голову не приходило, что это возможно. Минуту назад он готов был растерзать Бисмарка, а сейчас его предположение представило все в новом свете. Неужели так бывает в жизни? Вдруг это правда, и вор действительно подговорил Ламару?

Вепхиа вспомнилось, как он встретился с ней у пруда. Голубой пруд, ах, как он сверкал! В него можно было смотреться, как в зеркало.

А она посмеялась над ним, Ламара. Он же ничего не сделал ей плохого. Он только коснулся ее руки и ласково сказал: «Ламара! Хорошая ты, ей-богу!». А она грубо оттолкнула его и засмеялась. У него до сих пор звучит в ушах этот смех. Ах, если бы знать, зачем она стала его врагом.

«Плохие люди живут на равнине», — с болью в сердце подумал Вепхиа, и в памяти всплыло родное село в горах.

В углу Астамур Тантиба с поднятой рукой настойчиво требовал слова.

* * *

Вепхиа радовался, как ребенок, — следующая смена начиналась с утра. Труднее всего оказалось работать ночью — с двенадцати и до утра. Отсыпаться приходилось днем, а это не всегда удавалось. Заснув часа на два-три, ребята слонялись потом, как хмельные. Поэтому они не могли дожидаться конца третьей смены.

Когда пришел сменный мастер и принял печь, ребята собрались уходить. Но ученики, которые должны были их сменить, почему-то запаздывали.

— Придется позвонить в общежитие, узнать, в чем дело, — решил Гига.

Но прежде, чем он дозвонился, ребята явились. Впереди шел Гайк.

— Где вы запропались? — набросился на них Тедо Гаглошвили.

— Слышали новость? Эстате забрали в больницу, — сообщил Гайк.

— Эстате? Какого? Чахмаха?

— Его.

— А что с ним? — спросил Гига.

— Побили немножко. Думали проучить, да переборщили, кажется. Симон Алпаидзе и Чичико поймали его на воровстве. Оказывается, Чичико давно подозревал, что это он ворует. Видел, как продавал на базаре косоворотку, точно такую, какая пропала у бедного Жоры...

— Кто? Чахмах? Что ты говоришь, Гайк?

Гига, Тедо и Вепхиа от изумления лишились дара речи.

— Ну, что? — злорадно кричал Бисмарк. — Поймали вора? Как лиса, попался в капкан. Молодец, Чичико, Шерлок Холмс настоящий! Ему и Симону руки целовать надо... Вернулся я вчера домой после того, как ваша смена началась, вертится наш Чахмах, как крыса в мышеловке. Глаза страшные, весь бледный и молчит. Деньги тут же валяются — шесть тысяч рублей, все сторублевые. Рядом сидит Чичико Шубитидзе и проверяет записанные номера — все совпадают! Оказывается, заранее записали. Симон говорит Чахмаху: «Ты это сделал?» А

он рта не открывает. «И у Вепхиа ты украл деньги?» Молчит. Тогда Симон как развернется — врагу не пожелаю такого удара. Словом...

— Избили? — прервал его Гига и повернулся к Симону. — Ты бил?

— Хорошо, если жив останется, — махнул рукой Бисмарк. — Ну, а он, что правда, то правда, рукой не коснулся, — показал он на Симона. — И Гайк не тронул...

— Кто же его избил? — спросил Гига.

— Кто? Неважно. Бил один, но вину на себя берем все. Так что считай — все били.

— Скорая помощь пришла, вынесли на носилках, — деловито сказал Гайк. — В общем, получил, что полагалось. Думаю, никогда этого не забудет...

— Да, натворили вы дел, — огорчился Гига. — Не надо было этого делать. В конце-концов, я думаю, он признался бы сам...

— Кто? Чахлах?! — воскликнул Гайк. — Никогда. Он же заядлый вор.

— Кто бы мог подумать? — недоумевал Гига. — Такой хороший парень. Нет, товарищи, плохо вы все же поступили...

— Он же рецидивист! — вмешался Бисмарк.

— Все равно нехорошо! — повторил Гига. — Администрация знает об этом? — спросил он.

— А как же. И следователь уже был, и милиция приходила. Теперь нас привлекут к ответственности...

Вепхиа слушал товарищей и не верил своим ушам. Он обрадовался, что вора, наконец, нашли. Но странное чувство овладело им. Гнев его был так велик, что встретить он вора — убил бы его на месте. И в то же время где-то шевелилась жалость к нему — уж слишком сурово ребята расправились с ним.

И никак не укладывалось в сознании, что Чахлах вор. Неужели это тот самый Эстате, который внушал ему такое уважение, на которого он смотрел, как на героя, которому так часто завидовал? Вепхиа вспомнилось, как однажды Чахлах угощал ребят вином на базаре. Как услужливо и предупредительно он наливал им стаканы и как сказал, обращаясь к нему:

— Пей, Вепхо, на здоровье! Подойди поближе, что ты стоишь в стороне? Ты самый хороший и правильный парень. Будь здоров...

Чахлах так тепло и по-дружески говорил с ним, что Вепхиа подумал: не сыскать лучшего друга. А на поверку вот оно, что получилось...

По дороге домой Гига предложил зайти в больницу к Чахлаху. Все согласились.

Знакомое, крашенное суриком, здание больницы показалось Вепхиа особенно неприветливым. И как бы угадав его невеселые мысли, Тедо хмуро сказал:

— Все ходим сюда и ходим. Осточертела, проклятая...

Дежурный врач — веснушчатая рыжеватая женщина с утомленным лицом дала им разрешение и сама проводила ребят до палаты.

— Для чего понадобилось так избить парня? — сказала она. — Ведь все лицо и тело — сплошной синяк.

Чахлах лежал неподвижно, в забытьи, и тяжело дышал.

Ребята молча постояли и ушли. Только Вепхиа задержался и спросил врача:

— Доктор, он умрет?

— Нет, конечно, но состояние тяжелое.

Ребят он догнал в коридоре. Молча шагал рядом, не вмешиваясь в их разговор. Избитый Чахмах не выходил у него из памяти. Вепхиа мучили угрызения совести. В конце-концов, все произошло из-за него.

«Проклятые деньги, — думал хевсур, — не будь их, кто знает, может быть, и Чахмах бы не ошибся...»

* * *

Весна и лето пролетели незаметно. Полились сентябрьские дожди. В общежитии еще не топили, и хмурый осенний ветер, скрипя двойными рамами окон, гулял по опустевшим помещениям. Ученики получили квалификацию, им присвоили разряды и они почти не выходили с завода — там было интереснее, веселее и, пожалуй, теплее.

Улучшилось снабжение, питание. Ребята совсем обжились. Теперь они с нетерпением ждали получку и бежали в заводской ОРС выкупать по промтоварным талонам одежду и обувь. Многие вскоре нарядились в костюмы, а кое-кто стал повязывать галстук.

Вепхиа тоже приобрел костюм. Гайк помог ему выбрать его. Когда хевсур надел костюм, Гайк осмотрел его и сказал:

— Честное слово, лучше, чем сшитый на заказ. В Тбилиси есть такой портной — Бабкен. Не слышал? Так вот — этот костюм лучше сшит, чем у него. Поверь мне. Если под пиджак оденешь ковбойку — галстук не нужен. Если сорочку — без галстука нельзя...

Вепхиа заглянул в зеркало, не выдержал и засмеялся. Он не узнал себя. На него смотрел высоченный незнакомый парень с потемневшим худощавым лицом. И без того широкие плечи его казались еще прямее в новом костюме. Как сквозь сон, он услышал голос Гайка:

— Сейчас тебе нужно еще хорошее драповое пальто, Вепхо... Я достану, мне завмаг обещал.

Из магазина Вепхиа вышел в новом костюме. Всю дорогу до общежития он шел, поминутно поправляя карманы и поглаживая борта. Когда обнаружил в пиджаке еще и внутренние карманы, почувствовал себя счастливым — на нем была самая удобная и красивая одежда!

В автобус он не сел и шагал, невольно ловя свое отражение в окнах домов и витринах магазинов.

В общежитии его окружили ребята.

— Обмочить, обмочить! — закричали отовсюду.

Вепхиа не на шутку забеспокоился: что, ребята собираются облить его водой? Но Симон Алпаидзе быстро внес ясность, недвусмысленно щелкнув себя по горлу. Все же Вепхиа снял костюм и бережно развесил на койке.

— Жаль, Вепхиа, ты не танцуешь, — сказал ему Ахмед Моцкобили.

— А что? — спросил Вепхиа.

— А то, что тебе два письма... По такому случаю полагается танцевать.

(Продолжение следует)

Иосиф Гришашвила,
народный поэт Грузии

* * *

Перевод с грузинского А. Межирова

Мой путь пошел с подъема под уклон —
Так старость начинается, ребята!
Но в этом жизнь ничуть не виновата,
И я в нее по-прежнему влюблен.

По-прежнему грузинская столица
Меня из дому кличет и зовет,
Туда, где слов согласный хоровод
На площадях и улицах кружится.

И даже старость в свой унылый плен
Не в силах взять тбилисца-старожила.
Вот рифма встала на носки с колен
И руки мне на плечи положила.

Хоть я и больше износил рубах,
Чем вы, друзья, — но жар грузинской речи
Не остывает на моих губах,
И рифма руки мне кладет на плечи.

И согласую с мыслью каждый звук.
Наставник, вдохновитель, запевала,
Тбилиси обучает, как бывало,
Мои стихи науке всех наук.

Оття Иоселиани

День ее жизни

Из цикла „ДЕВУШКИ С АВТОЗАВОДА“

Перевод с грузинского Б. Гасса

По утрам она встает рано, очень рано. То ли дело раньше — школа была рядом, в двух шагах от ее дома, и можно было поваляться в постели подольше. Но теперь все позади — родной дворик школы, залистый звонок, черная парта, белый мел...

Надо вставать спозаранку — до завода долгий путь.

Автобус набит битком. Все спешат, всем нужно поспеть вовремя. Тысячи рабочих надо перевезти к началу смены. А сколько может вместить машина?

К тому же, эти мальчишки — попробуй, сладь с ними! Все норовят пролезть без очереди. Правда, иногда делают вид, что стесняются, начинают извиняться и... лезут напролом. Берут за локоть, кладут руки на плечи, а иногда еще дернут за косу. И хитро улыбаются друг другу. Попытаешься высвободиться, но вокруг ни одного свободного сантиметра. Что сделаешь?..

Машина трясется, пытит, ревет и наконец трогается с места. У железнодорожного полотна, там, где переезд через насыпь, — скверная дорога. Автобус кренится на бок, проваливается куда-то вниз, резко тормозит. Кто-то всей тяжестью наваливается сзади. Бросаешь на него укоризненный взгляд — высокий черноволосый парень просит прощения и в то же время лукаво улыбается в усы. Как ему не совестно — ведь перед ним девочка, совсем маленькая девочка.

Она только-только окончила школу, десять классов. Умела бойко ответить урок, каждую весну ездила к бабушке в деревню, даже в Тбилиси бывала...

Юноша стоит себе, посмеивается. Не станешь ведь учинять скандал? Она краснеет, пытается пробраться вперед, но места нет. Черные волосы парня растрепались, упали на лоб. Улыбка красит смуглое лицо. Если бы еще он был повежливей с девушками...

Завод шумит ровно, по-деловому. В цехе суета. Девушка приветливо улыбается подружкам, издали здоровается со знакомыми.

Подходит к станку, стирает с него пыль. Вчера, перед уходом она все тщательно прибрала. Но не мешает лишний раз пройтись чистой тряпкой. Берет заготовку, принимается за работу.

Из-за шума не слышать голосов. Мастер во всю глотку кричит что-то, но и его трудно разобрать. Вал на станке вертится очень быстро. Резец с силой упирается в железный стержень, вьется стружка. А станок вращается все быстрее, быстрее.

Работу свою ты знаешь: следи повнимательней за резцом, направляй стержень, чтоб не перекосялся в тисках. Готова деталь? Вынимай, зажимай в тиски новую заготовку. Нажимай включатель и смотри, смотри...

Впрочем, можно и по сторонам посмотреть — ничего в этом нет зазорного. Интересно, над какой деталью склонился Резо. Вчера к концу смены ни с того, ни с сего стал станок у Клары — интересно, исправили его?.. Можно и за Гиглой украдкой понаблюдать. Он, конечно, не изменил своей привычке — насвистывает что-то, не отрывая глаз от станка. Что и говорить, мотива отсюда не разобрать, но по губам видно — свистит... Интересно, сам себя он слышит? Увлеченно работает Гигла, с головой ушел в работу. Ни разу даже не глянул в твою сторону...

А твой станок все гудит, гудит. Растет гора стружки.

Скоро перерыв.

Потом гудок возвещает: смена кончилась..

В автобусе полным-полно народу. Все торопятся домой. Длинная очередь терпеливо ждет. А эти несносные мальчишки лезут вперед. То схватят тебя за локоть, положат руку на плечо или дернут за косичку — словно ненароком.

Там, у насыпи, очень плохая дорога. Автобус покачнется, провалится куда-то вниз, затормозит и... кто-то толкнет тебя плечом. Оглянешься — смуглый черноволосый парень извинится и улыбнется, — то ли виновато, то ли плутовато, не понять. Алая краска зальет щеки, и не знаешь куда глаза девать.

Автобус идет вперед.

Армен Зурабов

К а р и н к а

Мы с Каринкой идем по одной из тихих, затененных деревьями улиц Тбилиси.

Каринка — моя дочь. Ей два года. У нее золотые кудряшки, удивленные черные глаза и ручки, похожие на два маленьких крылышка.

Она знает много слов и любит говорить о том, что видит вокруг себя.

— Дерево! — говорит она, показывая на огромный развесистый дуб, под которым мы с ней останавливаемся, чтоб поправить сползающий с ее кудряшек голубой бант.

Здрав золотую головку, вся в бликах солнца, застенчиво радуется:

— Сыншко!..

И вдруг удивляется:

— Птичка!

Из-под самых ее ног вспархивает воробей. Тут же, присев на землю, теряет от толчка равновесие, ударяется клювом об асфальт и без страха, доверчиво оглядывается на нас.

Застыв от изумления, Каринка растерянно улыбается, показывает на воробья и повторяет:

— Птичка...

Мне становится весело.

Они смешны и наивны, эти два маленьких комочка жизни в тени развесистого дуба на краю тротуара.

Оглядываясь по сторонам, тоненько попискивая, воробей с восторгом размахивает крыльями, то и дело осторожно отрывается от земли, торопливо приседает и, успокоившись, удивленно, доверчиво оглядывается на нас.

Он полон беспомощного доверия ко всему, что его окружает, серый птенец, открывающий мир в великолепии света, тепла и первого ощущения полета.

Каринка бежит за ним, оглядывается на меня и счастливо смеется.

Кто-то из прохожих, заметив птенца, не останавливаясь, нагибается и хочет подхватить его.

Каринка кричит:

— Нельзя!..

Прохожий улыбается и уходит.

Позади меня раздается тихий пронзительный писк. Я оборачиваюсь.

На мостовой в двух шагах от меня прыгает воробей, широко раскрывает маленький желтый клювик и кричит, надрываясь от ужаса и отчаянья. Недалеко от него, у края тротуара прижалось к земле узкое тело кошки. Глаза кошки впилась в птенца, отвердевший длинный хвост уперся в землю, вся она вздыблена упругой силой прыжка.

Каринка замечает кошку, хмурится, замахивается на нее издали ручкой и кричит:

— Нельзя!

В ту же минуту я бросаюсь к кошке, но не успеваю...

Длинное тело бесшумно проскальзывает между моими руками, и, содрогнувшись от ужаса и отвращения, я вижу, как вытянутые вперед тяжелые когтистые лапы сгребают птенца.

— Отдай птичку! — испуганно вскрикивает Каринка.

В два прыжка кошка перескакивает узкую мостовую и скрывается в подворотне на противоположной стороне.

Я беру Каринку на руки и бегу во двор, в котором скрылась кошка. Я громко зову кошку, заглядывая под лестницы и в подвалы, спрашиваю у жителей...

Меня душит мучительная ненависть... Я все еще вижу, как из под когтей кошки птенец доверчиво оборачивается ко мне и словно спрашивает:

— Что же это?

Уверенный в материнской заботе, полный доверия к восхитительному солнечному миру, он удивился когтям хищника, обернулся и без страха, по-детски спросил:

— Что же это?!

В эту ночь во сне Каринка громко просила:

— Отдай птичку!.. Пожаиста, кися, отдай птичку!..

В эту ночь я впервые осознал себя отцом...

Я пришел в шахту

Перевод с грузинского К. Гвритишвили

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Восемь часов утра. Я—в резиновых сапогах, в брезентовом костюме и шахтерской каске—по пятам следую за рабочими первой смены. Их шестеро, я — седьмой. В темном штреке стоит несмолкаемый грохот работающих механизмов. Над головой, как морщинистые, оскаленные лица сказочных чудовищ, нависают огромные глыбы. Буры со скрежетом впиваются в сердце скалы. Скала трещит, стонет, осыпается...

Кто-то дал мне лопату, приказав расчищать от щебня рельсы. И я всем телом налегаю на лопату, но она ежеминутно соскальзывает с рельсов. Я спотыкаюсь, теряю равновесие. Подымаюсь, украдкой осматриваюсь по сторонам, и вижу вокруг себя черные лица, на которых сверкают ряды ослепительно-белых зубов. Шахтеры смеются надо мной.

Неуклюжая большая машина с разинутой пастью вонзает в обвалившуюся породу острые зубы; потом поворачивает свою железную шею, и вагонетка дрожит под тяжестью сбрасываемой в нее породы.

Нагруженные вагонетки подкатывают к стоящему неподалеку низкому, широкому, как бегемот, электровозу. Рабочие по двое толкают вагонетку. Я тоже толкаю. Мне безумно хочется отдохнуть. Потом шум вокруг стихает, но у меня в ушах вдруг начинают стрекотать тысячи кузнечиков.

Рабочие отходят в более чистую и светлую часть шахты. Усаживаются на каких-то трубах, бревнах. Черными руками разворачивают белую бумагу, в которую завернуты ломти хлеба с маслом.

Я тоже сажусь на бревно. Но хлеба с маслом у меня нет. Порывшись в карманах, я вытаскиваю лишь коробку папирос. Папиросы сырые, видимо от пота. Долго чиркаю спичкой, но спичка не загорается, спички тоже отсырели. Я оглядываюсь по сторонам и снова вижу, как сверкают белые зубы. Влажная папиросная бумага рвется у меня в руках, и табак сыплется на землю. Лет пять назад я бы непременно расплакался, но сейчас плакать нельзя. В ушах опять застрекотали кузнечики. Чья-то рука тянется ко мне, на черной ладони — кусок хлеба, густо намазанный маслом. Потом рабочие по очереди пьют воду из крана. Я тоже, когда доходит моя очередь, жадно приникаю к крану.

Рабочие закуривают. Кто-то из них протягивает мне папиросу. Она сухая. Удивительно, ведь у них папиросы лежат в карманах! Когда они встают, я тоже иду за ними.

Вдруг из глубины шахты, откуда мы только что ушли, что-то загремело. Сзади накатилась теплая воздушная волна. Я невольно шагнул вперед и оказался по колена в воде. Стрекотанье в ушах прекратилось. Слышался лишь треск и стук. Снова и снова меня окатывали теплые воздушные волны. А резиновые сапоги наполнялись холодной, грязной водой.

Когда грохот, наконец, прекратился, взревели мощные вентиляторы. Рабочие некоторое время сидели, отдыхая, я тоже сел, с огромным трудом снял сапоги, вылил воду.

Рабочие поднимаются, идут к забою. Я за ними. Их шестеро, и я седьмой. Снова я беру в руки лопату. Она стала еще тяжелей. Взглядываю на ручные часы, но часы стоят. Изнутри на стекле осели капельки воды. Мне стыдно спрашивать, который час. Что они подумают? — «Еще по-настоящему и поработать-то не успел, а уже на часы смотрит!» Опять налегаю на лопату, стараюсь изо всех сил...

Из шахты мы выходим на землю. Светит солнце. Ослепленный этим ярким светом, я зажмуриваю глаза.

Рабочие торопятся к грузовику...

Шестеро моих товарищей по смене также взбираются на машину. Я тоже пытаюсь взобраться, опираюсь ногой о колесо, нога соскальзывает, руки срываются с борта машины. Я снова карабкаюсь. На мое счастье кто-то подымается за мной и подсаживает меня.

Машина подпрыгивает на ухабах и рытвинах разбитой дороги. У меня болят бока. Но стоять на ногах я не в силах.

Возле барачков рабочие сходят. Схожу и я. Иду к своему дому. Не умываясь, пыльный, грязный ложусь на незаправленную постель и тотчас же проваливаюсь в тяжелый, без сновидений, сон.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Половина седьмого утра. Я работаю в первой смене. Встаю с постели, умываюсь. Завтракаю, надеваю шахтерскую спецовку, защитную каску. У клуба нас ждет грузовик. Рабочие взбираются в кузов, и я с ними. Кто-то негромко затягивает песню, ее подхватывают другие. Я тоже подпеваю. Правая рука моя лежит на плече Нателы. Натела — машинист электровоза. В ушах звучит песня, песня труда, песня семнадцатилетнего сердца.

Нас в смене по-прежнему семеро, но я уже не «седьмой», я — один из семерых. Мы спускаемся в шахту. Справа и слева — ряды электрических лампочек. Шахта ярко освещена. Она похожа на улицу в праздничный вечер. А какой мрачной показалась она мне в первый день!

Гудят мощные вентиляторы, но меня больше не пугает их гул: я знаю, что вентиляторы очищают забой от каменной пыли. Навстречу мне стремительно мчится электровоз. Но я уже не жмусь, перепуганный, к мокрой стене шахты. Я лишь немного отступаю в сторону, так, чтобы электровоз прошел совсем близко от меня. Ведь его ведет Натела. Я знаю, она улыбнется мне, помашет рукой. И я улыбнусь ей в ответ, тоже махну рукой.

Сегодня суббота. Последняя суббота октября. Через шесть дней я поеду на праздники в Тбилиси. Поеду к маме, к отцу. Натела тоже едет, она тоже из Тбилиси.

Я иду вперед. Вот и забой. Гудение вентиляторов и водоотливной установки сливается со скрежетом буров. Теперь я чувствую себя гораздо уверенней, чем прежде. Ведь все эти звуки — не простой шум, это победный клич человека, вступившего в бой со скалой. Скала стонет, под мощным натиском падают каменные глыбы. Рудоуборочная машина с разинутой пастью накидывается на них и пожирает. Потом, напрягая свою железную шею, оборачивается к вагонетке, и вагонетка дрожит от тяжести обрушившихся в нее камней. Но я уже не дрожу вместе с ней,

Я уже не боюсь! Я иду за вагонеткой и, собирая лопатой щебень, сбрасываю его в вагонетку. Я поглядываю по сторонам, но никто не смеется надо мной. Время от времени я взглядываю наверх. Так нужно, опытные шахтеры всегда смотрят наверх, и я поступаю, как они. Нередко случается в шахте, что какой-нибудь камень нависает над головой, готовый упасть, тогда мы, шахтеры, бросаем работу, и, взяв в руки длинные железные палки, вырываем из разинутого зева скалы шатающиеся зубы. А потом я опять берусь за лопату, опять хожу вслед за вагонеткой.

Постепенно я учусь держать в руках бур. Вот это настоящая работа! Бур весит более тридцати килограммов. В первые дни, когда я начал работать буром, у меня глохли уши, руки тяжелели, словно наливались свинцом.

Работать буром научил меня Гигла. Гигла — замечательный парень. Он — наш бригадир. Бригада наша комсомольская. А в первый день мне все казались стариками. Гигла — лучший забойщик. Никто не сравнится с ним в бурении верхнего свода забоя. А ведь это самая трудная работа. Гигла не любит разговаривать во время работы. За всю смену трех слов подряд не скажет. Вначале я думал, он просто не горазд на разговоры. Но вскоре убедился, что это не так.

На прошлой неделе проводилось открытое партийное собрание нашего участка. Просторный зал клуба был переполнен. Первым выступил начальник участка.

— Наш участок — передовой на всем строительстве... — с воодушевлением начал он.

Гигла в новом синем костюме сидел рядом со мной. Слушал и чертил что-то в своей записной книжке. Мне страшно хотелось заглянуть в нее, но его огромный кулак заслонял от меня маленькую книжку.

Начальник участка говорил спокойно, не торопясь: положено было разработать столько-то метров, выполнено столько-то, остается еще столько-то.

Когда он закончил, Гигла поднял руку, попросил слова. Пока председатель кивнул ему и он опустил руку, я успел заглянуть в его записную книжку: на листке несколькими четкими штрихами был нарисован наш начальник, произносящий с кафедры речь. Сходство рисунка с оригиналом было удивительное. Я подумал, что кто-нибудь может увидеть рисунок и сказать о нем начальнику участка. Подтолкнул локтем Гиглу, но он даже не оглянулся в мою сторону, встал и направился к кафедре.

— Что значит 120 метров проходки в месяц? — громко, уверенно начинает он. — Почему не 150? Почему на нашем участке нет бани? Нет шоссейной дороги?!.. Почему автомашины должны тонуть в грязи?

Весь зал, затаив дыхание, слушает нашего бригадира, а стул под начальником участка трещит и стонет...

Перерыв! Гигла и другие ребята уже отдыхают, сидя на пустых ящиках, и дымят папиросами. С улыбкой смотрят на меня. Я подхожу к ним, присаживаюсь на ящик, вытаскиваю из кармана папиросы. Они уже не мокрые. Чиркаю спичкой, и спичка мгновенно вспыхивает. Гигла со смехом протягивает мне свою папиросу:

— Вот, возьми, сухая, — говорит он.

Это он, Гигла, протянул мне тогда, в первый день, папиросу. Он же угостил меня хлебом с маслом.

Появилась тележка. За тележкой, как и тогда, в первый день, идет человек. Это — наш подрывник Ваню. Тележка приближается, мы встаем, тушим папиросы и помогаем Ваню закладывать длинные крас-

ные патроны в гнезда, палками загоняем их поглубже, поплотнее. Ваню подает нам знак уходить. И мы уходим.

Я смотрю на часы. Смена кончилась, навстречу нам уже идут рабачие второй смены. Но мы возвращаем их обратно. Вскоре оттуда, из глубины шахты, бежит Ваню. Некоторые из ребят прижимают пальцы к ушам. Я бросаю взгляд на Гиглу. Он идет, спокойно заложив руки в карманы. Я делаю то же самое. И неспеша следую за Гиглой. Раздается взрыв, второй, третий; теплые волны обрушиваются мне на спину, плечи, врываются в уши. Гигла не вынимает рук из карманов, я тоже. Так мы оба выходим из шахты. И хоть шахта ярко освещена, но солнце светит еще ярче.

И так же, как тогда, в первый день, я зажмуриваю глаза. Мягкое осеннее солнце прикосновением бесчисленных лучей ласкает мне веки. Я радуюсь теплу, радуюсь дружбе с Гиглой, радуюсь тому, что Натела — машинист нашей смены, что через шесть дней я поеду в Тбилиси на праздники.

Анатолий Аджинджал

М и н и а т ю р ы

ПО МОТИВАМ НАРОДНОГО ЮМОРА

Перевод с абхазского Ир. Аракишвили

Танас в гостях у Кинтуша

Однажды пришел Танас в гости к Кинтушу. Едва он уселся за стол, как его окружила туча мух.

Кинтуша разозлило нахальство мух. Схватив башлык, он стал их гнать в дверь, но хитрые мухи не улетали: они проделывали в воздухе замысловатые круги и все так же весело кружились внутри пацхи.

Долго терпел Танас, но наконец заметил с хитрой улыбкой:

— Как видно, дорогой Кинтуш, мухи очень любят тебя! Несмотря на все старания, они не в силах покинуть любимого хозяина!

— Да нет же, нет! — в сердцах Кинтуш ответил. — Умнее моих мух нигде не найдешь. Ведь ты сидишь у двери, а они так почитают гостя, что не могут уйти раньше тебя!

Мне просто захотелось полежать...

Дука и Адлер — сверстники, затеяли раз борьбу. Их окружил народ. И все внимательно следили: кто победит?

Адлер знал приемы борьбы и меньше чем в минуту уложил на лопатки Дуку.

Встал победитель, отошел в сторонку, а Дука все продолжает ле-
жать.

И люди закричали:

— Вставай!.. Ты — побежден!..

Но Дука им ответил:

— Я побежден?.. Что с вами?! Мне просто захотелось полежать!..

Торжество Махты

Однажды ночью на пацху Махты напали разбойники. Хозяина они связали и бросили на пол, потом не спеша связали вещи и собрались с ними уходить.

Махты, увидев это, крикнул им вдогонку:

— Эй, живодеры! Что в руки к вам попало, то—пропало! Вы ничего в доме не оставили, но знайте: до моих денег вам не удалось добрат-ся! Я спрятал их... в фундаменте своей пацхи!..

Не признаю!..

Однажды жителям поселка Нортоу было объявлено, чтоб в воскресе-
сенье все мужчины явились на собрание.

Когда открыли собрание, не досчитались лишь Маджги.

— Где он?.. — спросили.

Долго искали Маджгу, но, конечно, и без него дела решить сумели.

А Маджга проспал все воскресенье. В понедельник утром он отпра-
вился на площадь, где проводились собрания.

Его спросили встречные:

— Куда спешишь, Маджга?

— Куда?! Да разве вы забыли про собрание?

— Собрание состоялось вчера, в воскресенье, а ведь сегодня — по-
недельник, разве ты не знаешь?

— Нет, нет, друзья! Воскресенье — сегодня, и вашего понедельни-
ка я не признаю! — упрямо заявил Маджга и заспешил к площади.

Признание Разана

Шел Разан по дороге, споткнулся и упал. Девушка, что мимо про-
ходила, подбежала к Разану и помогла ему подняться.

— Эх, старость, старость!.. — вставая, жалобно стонал Разан.

Но как только девушка скрылась вдали, старик пробурчал с до-
садой:

— Да я и в молодости был таким же!..

Каприз

У Шьмафа был один родственник по имени Алук. Всю жизнь он
прожил возле моря, ни разу никуда не уезжая.

Шьмаф очень часто спускался с гор и лето проводил у моря в
пацхе Алука. Не раз он приглашал родственника:

— Давай, Алук, ко мне домой пойдём. Увидишь ты, как люди в горах живут.

И вот Алук однажды сдался и пошел со Шьмафом в горы.

— Гляди, где я живу! — указал издалека Шьмаф на пацху, возвышающуюся на крутой горе.

— Вот чудеса! — Алук был не на шутку удивлен. Подумав, он спросил: — Зачем тебе понадобилось, Шьмаф, возводить такую насыпь, чтобы на ней свою пацху построить? Наверное, все это только твой каприз?

Николо Мицшвили

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с грузинского В. Звягинцевой

ПОЭТУ

Вспоил ты бога собственной кровью,
В бессмертье веру дал стране родной.
Так пой же с беззаветною любовью,
Отдай себя, чтоб в небе стать звездой.

Не любит жизнь унылости угрюмой,
Ей не нужны трусливые рабы.
Мощь рук соедини с высокой думой —
И перевесишь ты весы судьбы.

Будь каждому помощником и другом,
Пристрастиям не отдавай души.
Себя же очерти заветным кругом, —
Все, что тобой задумано, сверши.

В борьбе открытой или даже тайной,
В решении хранить любви обет —
Смысл дней твоих с их суетой случайной
И радость и тепло твоих побед.

1925 г.

ПРОЛЕТАРИАТУ

Долго искал я вас взглядом тоскующим, братья,
И лишь сегодня нашел я владения ваши.
Помню, оттуда ко мне вы простерли объятия,
Чтобы могли породниться страдания наши.

Ваши глаза беспокойные, сильные руки,
Руки-серпы, отсекавшие все, что постыло,

Пылких правдивых речей благородные звуки —
Все это издавна в сердце начертано было.

Братьями были мы с первого дня мирозданья,
С давней поры, как мы стали людьми называться,
Вместе влачили мы цепи невзгод и страданья,
Вместе под солнцем Египта пришлось нам скитаться.

В Индии мы угнетенными были рабами,
Зубы на наших костях крокодилы точили,
В Риме потом жернова мы ворочали с вами,
Гасли светильники душ в безысходном бессилье.

Вновь разошлись мы. И в кузнице счастья чужого
Стал я поэтом, с горящими духом и плотью,
Стал я искать вас, далекие, снова и снова,
Взгляд мой устал, превратилась одежда в лохмотья.

Как я искал вас, друзья, на пути моем долгом,
Наше братанье — путей моих новых предвестник;
Вот я иду к вам со старыми кровью и долгом,
Чтобы стихам своим пристань найти в ваших песнях.

Добрые братья, лишь вам я отдам вдохновенье,
В тело усталое душу вложу молодую.
Если ваш голос мое подтвердит возвращенье —
С вами под знаменем, порванным в битвах, пойду я!

Париж.

Тюрьма «Сантэ».

1925 г.

СОНЕТ

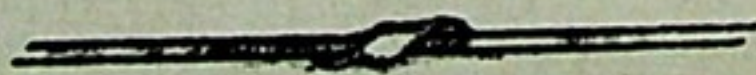
Я щедростью ее безмерной разорен,
Остались бедняку одни воспоминанья.
Где радость, где любовь, где краткие свиданья?
Брожу, как раб слепой, печалью изнурен.

Пройти бы рядом с ней, как в дни былых времен,
Вдыхая аромат девичьих кос, дыханья,
Чтоб слышала она певучих рифм рыданья!
Но жизнь безжалостна, жесток ее закон.

Ужели про меня старинный сложен сказ
О мертвом юноше, забытом в тот же час,
Ужели тщетны все мольбы мои и кличи?

Любимою моей не приняты они.
Что ж! Пусть прибавятся тебе Лауры дни,
Желанный рай тебе подарит Беатриче.

1925 г.

Давид Сулиашвили

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

ПОВЕСТЬ О Камо

Перевод с грузинского К. Коринтели

Накануне первомайской демонстрации 1901 года мне, тогда ученику духовной семинарии, было поручено встретиться с Камо, пойти вместе с ним на конспиративную квартиру к Михо Бочоридзе¹ за прокламациями и распространить их по городу.

Встреча была назначена на 8 часов вечера в верхней части Александровского сада.² Камо, с которым мы не виделись много лет, я должен был узнать по перевязанной щеке. По рассказам товарищей я знал, что это самоотверженный, смелый, исключительно правдивый человек, для которого весь смысл жизни заключается в революционной борьбе.

Вечером, придя к назначенному месту, я увидел на садовой скамейке темноволосого худощавого человека в черной чохе³. Правая щека была у него перевязана, но на Камо, как мне показалось, он совершенно не походил. Поэтому я медленно прошел мимо. Потом, почувствовав на себе его пристальный взгляд, повернул обратно и тоже стал его рассматривать. Когда я поравнялся с ним, он вскочил и воскликнул:

— Постой, ты разве не Дата?

— Да, я Дата, но ты... неужели ты Камо?

— Ну, знаешь, если бы не семинарская форма, я бы тебя не узнал! Мы крепко пожали друг другу руки.

— Помнишь Гори, Камо?

— Еще бы! Ведь в одном дворе жили!

В тот вечер мы с Камо довольно долго просидели в саду, вспоминали наше детство, горийских товарищей, различные события тех далеких лет.

В густых сумерках сада неясно чернели фигуры прохожих. Они бесшумно, как тени, исчезали в глубине темной аллеи. Нам уже нужно было идти.

Камо подергал рукой тесный ворот архалука, повертел шейей. Встал.

— Ну, товарищ, пошли!

— Идем, идем, товарищ, — ответил я ему. Это новое слово — «товарищ» звучало для нас как-то особенно, воодушевляло, ободряло. «Товарищ!» — говорили мы, и надежда окрыляла наши сердца.

¹ Михаил Бочоридзе — известный грузинский революционер.

² Александровский сад — ныне сад Коммунаров делится улицей Дзnelадзе на две части, расположенные террасами.

³ Чоха — грузинская мужская верхняя одежда.

Радостные, взволнованные, шли мы с Камо по улицам города, и весь мир, казалось, принадлежал нам.

Перейдя Воронцовский мост,¹ мы углубились в лабиринт узких улочек и вскоре достигли дома, где жил Михо Бочоридзе. Это и была конспиративная квартира.

— О, пришли, товарищи, — приветствовал нас Михо. И опять это слово — «товарищи» — обрадовало нас.

Михо вышел из комнаты и через несколько минут вернулся обратно с кипой прокламаций в руках. Положив их на стол, он обратился к нам:

— Ну-ка, делите пополам.

Я застыл в изумлении, впервые увидев такое количество драгоценных бумажек. Наполнив карманы листовками, мы простились с Михо.

— Ну, ребята, не мне вас учить, будьте осторожны, не спешите! — напутствовал он нас.

Выйдя из дома, мы с Камо вскоре разошлись, направились к заранее распределенным между нами улицам.

— Тебе повезло, у тебя хорошая улица! — пошутил Камо.

— Если хочешь, давай поменяемся, — предложил я с готовностью.

— Нет, товарищ, — улыбнулся он, — тебе Авчальская улица² более знакома: Помни: если придется туго, свернешь на соседнюю, ты ведь знаешь, как пройти? А теперь — иди. Счастливо!

На Авчальской жили железнодорожные служащие и рабочие депо. Я медленно шел по улице, тускло освещенной желтым светом редких фонарей. Сердце мое учащенно билось, лицо горело. Входя во двор, я осторожно осматривался и, вынув из-за пазухи прокламацию, клал ее куда-нибудь на видное место.

Наконец, я извлек из кармана последнюю...

С чувством радостного облегчения и гордости возвращался я обратно, к перекрестку, где меня должен был ждать Камо. Однако его еще не было. Я простоял там довольно долго и стал уже беспокоиться, не стряслась ли с ним беда. «Почему нет Камо? — размышлял я. — А может быть, он пришел раньше меня и, не дождавшись, ушел? Нет, не может этого быть!».

Время шло. Беспокойство мое усилилось. «А что, если его заметили?! Арестовали?!» — в отчаянии думал я. Уже решив уходить, я в последний раз окинул взглядом улицу и чуть не вскрикнул от радости — ко мне приближалась знакомая фигура Камо.

— Что с тобой, почему ты так опоздал?

— Ах, черт бы их побрал! Надо же, чтобы обязательно со мной все случилось!

— А что такое?

— Да знаешь, я уже почти все закончил, когда заметил, что за мной следит какой-то человек. «А-а, — подумал я, — ну, горе твоей матери!» Вошел в какой-то двор, разбросал там оставшиеся у меня прокламации, собрался уходить, — глядь, а он тут как тут. Рассматривает номер дома. Ясно, меня выслеживает. «Ну, погоди же ты», — решил я. Схватил его за шиворот, припер к стене и зажал рот рукой, чтобы не кричал. Мне показалось, что он русский, и я своим ломаным русским языком говорю ему: «Кто ты? Убью, как собаку!» А он что-то мычит в ответ. С трудом я разобрал его слова. «Не убивай, — говорит, — я рабочий, сегодня из Батума приехал». Ну, отпустил я его. Злости моей как не бывало. «Я, говорит, ищу квартиру одного товарища, он на этой улице живет». Нашли мы дом его товарища, но я из осторожности все же не ушел, пока не убедился, что он действительно вошел в этот дом.

— Слушай, а если б это оказался шпик? — спросил я Камо. — Ведь

¹ Ныне мост имени Карла Маркса.

² Ныне Советская улица.

при нем и оружие могло быть. Что бы ты тогда делал?

— Этим самым оружием я бы его и прикончил!

— Ну, ладно, не хвастай, Камо, — засмеялся я, — лучше скажи, что нам теперь делать?

— Давай-ка возьмем у Михо еще прокламации и опять пойдем по улицам, — предложил он.

Я, конечно, с радостью согласился.

Когда мы подошли к дому Михо, из ворот вышел невысокий худощавый человек. Увидев приближавшихся к нему людей, он торопливо прикрыл лицо концом длинного кашне. Но, видимо, вскоре узнал нас и, уже не таясь, спокойно пошел навстречу. Это был Сосо Джугашвили.

— Ну что, как дела? Все прокламации распространили? — торопливо спросил он нас. — Хорошо, молодцы! А больше не хотите взять? Зайдите, у Михо еще есть. Ну, молодцы, молодцы, ребята! — и Сосо дружески улыбнулся нам на прощанье.

— Видишь? Так он все кружки обойдет, всюду добьется порядка. Замечательный организатор! — сказал Камо. — А знаешь, как он живет? Ты не бывал у него? Он занимает маленькую комнатку в обсерватории. Постель стелит прямо на полу — даже тахты у него нет! А днем сворачивает матрас, одеяло и кладет в угол. Вместо стола у него табурет, вместо лампы — свеча. Книги, тетради — все на табурете лежит. На подоконнике — завернутые в бумагу хлеб и сыр — его обычный обед. Дни и ночи проводит он за работой и только по вечерам выходит из дому. А загляни в книгу, которую он прочел, увидишь, что вся она испещрена пометками, на каждой странице подчеркнуты строки, стоят вопросительные, восклицательные знаки, словно он с автором спорит. Удивительно, как это он успевает столько читать! Вот каков наш Сосо! — с гордостью заключил Камо.

Михо очень обрадовался нашему приходу. «У меня немного осталось, все и возьмете», — сказал он.

Старый рабочий железнодорожного депо, Михо Бочоридзе пользовался большим уважением и любовью товарищей. Спокойный, выдержанный, он с первого же знакомства располагал к себе собеседника умным, добрым взглядом своих черных глаз. Он обладал удивительной способностью успокоить, подбодрить человека двумя-тремя словами, одной своей манерой слушать собеседника с мягкой полуулыбкой, таящейся где-то в уголках губ и глаз. Ему без стеснения можно было поведать свои думы и заботы, и каждому он умел дать дельный совет.

Михо посвятил рабочему движению всю свою жизнь.

Кроме того, Михо писал неплохие стихи, посвященные тяжелой жизни рабочих. Он публиковал свои произведения в рукописном журнале одной из социал-демократических групп. Его стихи приобрели широкую известность среди рабочих. Особенно полюбилось им стихотворение «Товарищам», которое звучало смелым призывом к революционной борьбе. Напечатанное в нелегальной газете «Брдзола»,¹ оно вскоре было переложено на музыку, и песня эта пользовалась большой популярностью.

— Ну, будьте осторожны! — напутствовал нас Михо. — А завтра в двенадцать придете на угол, где поворачивает конка. Ты, Дата, приведешь с собой своих семинаристов.

Выйдя из дома Михо, мы с Камо распрощались и отправились каждый своим путем.

Наступило утро первого мая. Обычное весеннее тифлисское утро. Как всегда, кричали мацончики: «мацони, мацони!», с ними перекликались грубые голоса продавцов рыбы: «кутум, кутум!», пронзительные фальцеты мальчишек, продающих речной песок для мытья посуды: «само-

¹Грузинская марксистская нелегальная газета (1901—1902 гг.).

варный песок! Самоварис мица!» , дребезжала и позванивала конка, оглушительно грохотали экипажи. Город просыпался.

Как только в семинарии закончилась утренняя молитва, я вместе с шестью товарищами стремглав выбежал на улицу и помчался через Александровский сад к базару. Там был назначен сбор демонстрантов. Вдоль улицы, по обе стороны, тянулись лавки, ларьки, длинные столы с наваленными на них товарами. Торговцы на все лады зазывали покупателей. «Сюда, сюда! Дешево отдам! Пожалуйста, смотрите, какой товар! Красота! Берите, покупайте!» — неслось отовсюду.

Люди сновали между рядами, приценивались, щупали, торговались, ругались... Время от времени с грохотом и звоном проносилась конка. Мы, возбужденные, радостные, расхаживали среди шумного базарного люда и наблюдали, как все больше и больше рабочих появлялось в толпе.

У многих в руках были дубинки. Вдруг на мое плечо легла чья-то рука. Я оглянулся — и едва узнал в сияющем безусом гимназисте Камо. Ему очень шли застегнутый на все пуговицы гимназический сюртук и фуражка с кокардой.

— Ну, Дата, скоро прогремит пушка,¹ ты готов?

— Конечно! Но у меня нет палки!

— Не надо! У меня тоже нету! — ласково ответил он и добавил более серьезно: — Знаешь, если мы, демонстранты, продержимся хоть десять минут, — это уже хорошо!

Он не мог долго оставаться на одном месте. Появляясь то здесь, то там, подбадривал рабочих: «Будьте молодцами, ребята, держитесь!»

— Не бойся, Камо, не подведем! — слышалось отовсюду.

— А ты видел: во всех дворах конные казаки попрятались?

— Ну и что с того! Пусть только попробуют сунуться!

Рабочие ждали сигнала. И вот раздался пушечный выстрел. На какой-то миг все замерли. И вдруг над головами людей взвилось красное полотнище. Красный отсвет от него лег на все окружающее — словно всходило второе солнце.

Толпа разом всколыхнулась. Раздались крики: «Да здравствует Первое Мая! Да здравствует социализм!» Знамя медленно поплыло над толпой. Мне хотелось быть поближе к знамени, но я не смог пробиться сквозь глухую стену спин и плеч окружавших его рабочих.

«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...» —

загремел мощный хор. Мы уже сворачивали с площади на улицу, когда внезапно ряды смешались, и реющее в синеве красное знамя затрепетало. Появились конные казаки. Над спинами рабочих замелькали приклады, засвистели нагайки. Ругань, крики, топот копыт, стоны — все смешалось.

Рукопашная схватка рабочих с вооруженными казаками длилась недолго. Знаменосец вовремя успел отвязать от древка знамя и, сунув его за пазуху, скрылся в толпе.

На мгновение я увидел Камо, но его тотчас заслонили от меня.

Полицейские гонялись за рабочими, кое-кого ловили, избивали.

Вскоре площадь опустела.

На земле повсюду валялись дубинки, кепки, разбитые зеркала, обрывки тканей, опрокинутые столы, шкафы...

Чуть живые от страха, торговцы переговаривались друг с другом:

— Вах! Что это было, а?

— Настоящий бунт!

— Знаешь, это ведь все из депо ребята были!

— А чего же они хотели?

— Царя, мол, не хотим, долой!

— А какого же рожна им надо?

¹Ровно в полдень на Арсенальной горе стреляла пушка. (Прим. автора)

— Так, мол, как во Франции должно быть... без царя...

— Вах, вах, вах! — растерянно, сокрушенно покачивали они головами, с ужасом поглядывая на остатки своих товаров.

Камо мужал и закалялся в горниле революционной борьбы. Он стал уже настоящим профессиональным революционером. Его не интересовали даже обычные развлечения, он был очень неприхотлив в пище, одевался скромно и деньги тратил бережливо, так как знал, что партия не располагала достаточными средствами.

С виду он не походил на героя, но там, где требовались мужество, решительность, находчивость, — ему не было равного. Смелость его была безгранична. Камо брался за такие дела, на которые не отважился бы никто другой. Он побеждал там, где любой другой на его месте растерялся бы, погубил сам и погубил других. Он сосредоточивал все силы ума, всю волю и находил выход из самых, казалось бы, безвыходных положений. Он не раз буквально выскальзывал из рук жандармов и путал им все карты. Но когда революционное движение шло на убыль, Камо не знал, куда девать избыток своей кипучей энергии. Тогда он особенно начинал чувствовать, что ему не хватает теоретической подготовки, и в отчаянии восклицал: «Нет, я должен взяться за учебу! Не годится так отставать!». Он строил планы поступления в университет, сдачи экзаменов экстерном, но волны нараставшего рабочего движения вновь захлестывали его, и он с головой погружался в водоворот революционных событий.

Как-то раз Камо попросил меня сопровождать его в театр Артистического общества, чтобы помочь распространить там прокламации. Эти прокламации призывали горожан поддержать забастовку рабочих конки.

В тот вечер давали трагедию Шекспира «Гамлет» в постановке гастролеров, братьев Адельгейм. Купив входные билеты, мы с Камо устроились на галерке и стали терпеливо ждать... появления тени отца Гамлета. Тогда весь зал погружался в темноту, и именно в это время надо было бросить сверху листовки.

Театр был переполнен. С первого ряда галерки нам прекрасно были видны сидящие в партере и ложах мужчины в черных фраках, обнаженные плечи разряженных дам.

Началось третье действие. Мы с Камо не отрывали глаз от сцены. И в тот момент, когда стало совсем темно и призрак увлекал за собой Гамлета, в зал полетели прокламации и белыми бабочками плавно стали опускаться вниз, падая на плечи, на головы, на колени сидящих в зале.

Секунда — и внимание зрителей, прикованное к сцене, обратилось теперь к этим трепещущим белым бабочкам. Каждый старался поймать медленно кружащиеся бумажки. «Беспорядок» заставил находившегося в театре начальника полиции принять «срочные меры». Взволнованным голосом отдавал он какие-то распоряжения. Однако занавес не опускали до тех пор, пока не кончилось действие. В антракте засуетились офицеры, полицейские стали выхватывать прокламации из рук любопытных. Это вызвало возмущение зрителей. Какая-то дама не сдержалась и резко сказала полицейскому: «Почему же вы, блюстители порядка, не побеспокоились заранее? Теперь уж дайте нам прочесть, что здесь написано, это — наше право!».

Мы воспользовались суматохой и выбрались на улицу.

В революционное движение втягивались не только семинаристы и студенты, но и гимназисты.

Они аккуратно посещали занятия тайных социал-демократических кружков, с готовностью выполняли все поручения: распространяли прокламации, принимали участие в демонстрациях, носили в типографию шрифты и т. д.

Руководил ими Камо. Он направлял к ним пропагандистов, снабжал их нелегальной литературой, собирал партийные взносы, распространял с их помощью листовки.

19 февраля 1903 года отмечалась годовщина крестьянской реформы.

Решено было в этот день провести демонстрацию на Эриванской площади.¹ Но так как 19 февраля был рабочий день, выступление перенесли на воскресенье — 23 февраля. Накануне Камо вместе с гимназистами распространял прокламации. Полиция, которой стало известно о планах «бунтовщиков», узнала место проведения демонстрации и приняла соответствующие меры. Во дворах прилегающих к площади домов были расставлены конные казаки, готовые в любой момент выскочить из своих укрытий и напасть на безоружный народ.

Демонстранты давно уж собрались на Эриванской площади, но Камо, который был здесь по поручению Тифлисского комитета, все не давал сигнала, выжидая подходящий момент. Вдруг он заметил продвигавшуюся по Пушкинской улице похоронную процессию и вмиг сообразил, что делать. Вынув заранее приготовленное красное полотнище, Камо привязал его к древку и поднял знамя над головой. И вот на площади показалась совершенно необычная процессия: впереди — священники с паникадилами, за гробом — близкие родственники покойного, а за ними — рабочие с красным знаменем.

Полиция вначале совершенно растерялась, не понимая, в чем дело. Но, оправившись от неожиданности, жандармы решили, что похороны — не что иное, как инсценировка, выдуманная демонстрантами. Из всех дворов повыскакивали конные казаки и окружили процессию. Замелькали нагайки... Гроб опустили на землю, вокруг него столпились подавленные горем и совершенно ошеломленные происходящим родственники покойного; святые отцы в развевающихся рясах, разбегались в разные стороны, спасаясь от неслыханного поругания, — нагайки без разбору гуляли по спинам людей.

Пешеходы боязливо жались к стенам домов, некоторые, помоложе, присоединились к демонстрантам.

Безоружные рабочие не могли долго сопротивляться казакам и полицейским.

Вскоре все было кончено. Только окруженная полицейскими группа арестованных, среди которых были и негодующие попы, оставалась на площади.

Я и товарищ мой Георгий Элисабедашвили поселились у Камо, в доме его тетки Лизы.

Под лестницей, в одном из чемоданов, Камо хранил нелегальную литературу. На чемодан мы навалили дров, чтобы он не привлекал любопытных взоров.

Однажды утром, когда дома были только Камо и его тетка, к нам нагрянули жандармы и спросили Георгия. Камо ответил, что его нет.

— А где он?

— Пошел в ресторан.

— Ты, конечно, знаешь, где он, проводи нас! — потребовали жандармы. Один из них, высокий, здоровый, грозно смотрел на Камо, словно хотел сказать: «Проводи, не то плохо будет!».

Камо на мгновение растерялся. Он не ожидал, что от него потребуют выдать товарища.

— Ну, чего рот разинул? — заорал жандарм.

Камо встрепенулся, в глазах его сверкнули озорные огоньки.

— Сейчас, господа, сию минуту! — Он надел фуражку, окликнул тетку: «Присмотри здесь, мы сейчас вернемся!» — и вышел из дому в сопровождении жандармов.

Тетка, безгранично любившая Камо, преданная ему и надежная женщина, знала о чемодане и сразу поняла, что нужно делать.

Камо привел жандармов к маленькой персидской столовой в центре базара и заявил, что Георгий должен быть здесь. Жандармы обошли зал, обшарили все кабинеты, но Георгия, конечно, и в помине не было. Пошли еще в один ресторан — и тоже безрезультатно. Жандармы обрушились на Камо: «Если ты нас обманываешь, мы вместо него тебя арестуем, узнаешь

¹ Ныне площадь имени Ленина.

тогда, где раки зимуют! Пока ты его не найдешь, никуда тебя не отпустим». Камо сказал, что он не знает, где еще может быть Георгий. Тогда жандармы вернулись вместе с Камо к нему домой и начали обыск всей квартиры. Камо приказали не двигаться с места. Но он был спокоен, так как тетка дала ему понять, что все в порядке.

Закончив обыск, во время которого ничего не удалось обнаружить кроме нескольких «подозрительных» книг и писем, жандармы уселись вокруг стола в ожидании Георгия.

Когда мы с Георгием пришли домой, тетя Лиза пыталась нам что-то объяснить знаками, но, несмотря на все ее старания, мы ничего не поняли до тех пор, пока не переступили порога нашей комнаты и не увидели сучавших в ожидании жандармов. Завидев нас, они оживились.

— Кто из вас Элисабедашвили?

Георгий на мгновение заколебался, но тотчас овладел собой.

— Я, — произнес он твердо.

— Ну, забирай вещи и идем!

Мы с Камо переглянулись. «В чем же дело?» — подумал я.

Жандармы, звеня шпорами, ушли вместе с Георгием.

Впоследствии мы узнали, что Сосо Джугашвили, арестованный в Батуме после демонстрации 9 марта, каким-то образом послал из тюрьмы Георгию письмо, в котором давал товарищам поручения, касавшиеся революционной работы в Батуме. Письмо это было перехвачено жандармами. Поэтому Георгий и был арестован.

Но встретившись в Батумской тюрьме и Георгий и Сосо сделали вид, что не знают друг друга. Георгия освободили, не найдя доказательств его вины, а Сосо выслали.

Однажды днем Камо пришел домой сильно взволнованный.

— Что случилось, Камо?

— Вы знаете Закро Чодришвили? Он в Метехской тюрьме. Там ведь немало наших ребят сидит. Они тайно получали и читали нелегальные книги, с большим трудом установили связь с другими камерами, через окно на ниточке спускали и поднимали письма. Тюремная администрация пронюхала это и, конечно, это ей пришлось не по вкусу. Все окна забили досками. Ребята не стерпели. Подумайте — сидеть без воздуха, в темноте и, главное, — всякая связь прекратилась! Ну, Закро первый проявил... как это называется...?

— Инициативу? — подсказал ему кто-то из нас.

— Да, да, проявил инициативу. Предложил сорвать доски. Кое-кто, как водится, решил поосторожнее действовать: «Давайте, — говорят, — сначала попросим администрацию, губернатора попросим...» Но Закро настоял на своем. Он сказал: «Революционеры и в тюрьме должны бороться. Переговорами мы ничего не добьемся!..»

И вот, в одно прекрасное утро, по сигналу Закро, во всех камерах политические стали срывать с окон доски. Администрации кое-как удалось удержать других заключенных. Доски снова прибили, но не надолго. Рабочие добились своего: доски были сняты. Вот это настоящая борьба!..

— Правильно, Камо! Да здравствует борьба! — воскликнули мы.

В это время дверь отворилась, и вошел Миха Давиташвили.

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал он нас.

Миха был школьным товарищем Сосо. Они и сейчас очень дружили и помогали друг другу. Когда Сосо поехал в Батум, Тифлисский комитет оставил Миха в городе, чтобы руководить работой. Я знал его еще по семинарии. Давиташвили выделялся среди семинаристов своей незаурядной памятью и способностями, был очень отзывчивым и чутким товарищем, исключительно честным и принципиальным. Он носил коротенькую черную бородку и усы. Всегда задумчивый, порой хмурый, с первого взгляда он не вызывал особой симпатии, но стоило ему заговорить, улыбнуться своей светлой, открытой улыбкой, глаза его теплели, оживлялись и невольно покоряли собеседника. Но Миха мог быть очень резким и суро-

вым — он не терпел лжи и, если кто-нибудь пытался лицемерить, беспощадно разоблачал его.

— Камо, у меня к тебе дело, — заговорил Миха. — Ты, конечно, знаешь о том, что Сосо арестован и выслан. Так вот, по решению комитета, ты и Дата поедете вместе со мной в Батум. Выехать нам нужно скорее, но предварительно зайдите к Михо Бочоридзе, он снабдит вас необходимой литературой, деньгами, даст адреса; словом, все, что нужно. Я еду завтра, вы выезжаете через два дня. Ну как, что скажете?

— Конечно, едем! Какие могут быть разговоры! — живо откликнулся Камо, но тут же спохватился: — Да, но я ведь должен ехать в Гори, распространить там прокламации, как же мне быть?

— Когда ты должен был ехать?

— Завтра.

— Ну, так что же, поезжай на один день, послезавтра будешь здесь и вечером выедешь в Батум. Решено?

— Решено, конечно!

Я и Миха Давиташвили первыми прибыли в Батум. Мы поселились в Барцахана в семье рабочего с завода Ротшильда и нанялись работать на этот завод.

Революционное движение батумского пролетариата в тот период напоминало маленький ручей, журчащий в угрюмом темном лесу. После демонстрации 9 марта и последовавшего за ней ареста Сосо Джугашвили и передовых рабочих Батума батумские революционеры ушли в подполье.

Мы с Миха так и не дождались Камо — его арестовали на перроне батумского вокзала, как только он сошел с поезда.

Хозяин нашей квартиры, Амбако, навещал Камо. А мы были так заняты, что ни разу и не повидали его в тюрьме. Проходили недели, месяцы. И вот однажды, когда мы с Миха отдыхали на балконе после работы, прибежал Амбако, взволнованный, радостный, и сообщил:

— Знаете, Камо бежал из тюрьмы!

— Что?! Когда? Каким образом?

— Сегодня, несколько часов назад! Прямо через стену перелез, упал, с трудом поднялся на ноги.

— А где ты его видел? Откуда узнал? — перебил Миха.

— Ты ведь поручил доставить ему книги. Ну вот... Нашего писаря Нико Миминейшвили знаешь? Ну вот... Звоню у его дверей, никто не открывает... Еще звоню, знаешь... Наконец, открыли дверь! «Это ты? — говорят, — мы так перепугались!..» «Почему?» — спрашиваю. «А потому, что вот... смотри...» — и ведут меня в угловую комнату. Захожу, смотрю — стоит Камо. «Камо, — кричу я ему, — слушай, что ты здесь делаешь?» А он, знаешь, как всегда умеет, ворчливо отвечает мне: «Да уж, надеялся бы я на вас, совсем пропал бы!» Я говорю: «Слушай, как же ты убежал?» А он не рассказывает: «Об этом, говорит, после. А пока — помогите из этого города выбраться!..»

— Знаешь, — продолжал Амбако, — семья эта очень боится, чтобы им не досталось. «Что, — говорят, — Камо с нами сделал, не знаем, как теперь быть! Помогите нам», — просят, понимаешь. Ну, я обещал. Теперь, как только стемнеет, нужно его к нам переправить. Чоху ему найти надо и сегодня же ночным поездом отправить в Тифлис, — закончил Амбако.

Когда в домах зажглись огни, Амбако отправился за Камо. Мы с Миха молча сидели на балконе. Напряженно прислушивались к каждому шороху, ждали их прихода. Время тянулось медленно-медленно. Мы уже стали волноваться, не раз подходили к калитке, вглядывались в темноту летней ночи. «А вдруг арестовали и Камо и Амбако?» — мелькнула у меня мысль. Ни я, ни Миха за все время не произнесли ни слова.

Близилась полночь. Мы вошли в дом.

Вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетел сияющий Амбако, а

за ним — чистенький, выбритый, подтянутый Камо в чохе, с кинжалом на туго стягивавшем его тонкую талию поясе.

— Этот отчаянный так шел по улице, словно с вечеринки возвращается, знаешь, — сказал Амбако. — Слушай, — говорю я ему, — хоть голову опусти, чтобы не сразу тебя узнали. Но разве он слушает! Идет себе, разговаривает громко, клянусь тобой, измучил меня совсем!..

— А что же, по-твоему, я, как мертвый, должен был идти, да? — бурчал Камо. В глазах его вспыхивали озорные искорки. Расхаживая по комнате, он по временам морщился и потирал рукой бедро.

Амбако беспокойно оглядывал Камо, суетился вокруг него: то пуговицу застегнет, то поправит узкий ворот, который Камо непрерывно оттягивал рукой, — видимо, он натирал ему шею.

— Камо, расскажи, как ты выбрался из тюрьмы, — попросил Миха.

— Говори, ну, говори, чего ждешь! — не терпелось и Амбако.

— Подожди ты, дай дух перевести! Не можешь подождать? — улыбаясь, ответил Камо. Ему, в свою очередь, не терпелось узнать о ходе революционной работы в Батуме. — Что мне рассказывать! Будто вы очень интересовались мной! Одно свидание не могли выхлопотать!

— Это верно, виноваты мы перед тобой, что правда, то правда!

— Впрочем, кто знает, может, так оно и лучше было. Поделился бы я с вами планами, вы, конечно, сказали бы — нет, трудно, невозможно, погибнешь, сбили бы меня с толку. А видите, как хорошо все получилось! О побеге я ведь думал с первой же минуты, как только попал в тюрьму. Когда доктор разрешил мне утренние прогулки по двору, радости моей не было границ. Я стал наблюдать за караульными, шагавшими вдоль ограды тюремного двора. Их было двое. Скройся они одновременно за поворотом ограды — и путь будет свободен. С помощью товарищей я взобрался бы на стену и спрыгнул на улицу. Долго пришлось мне ждать удобного момента. Товарищи стали даже отговаривать меня, но я твердо верил в то, что мои надежды сбудутся. Каждый день, уходя на прогулку, я прощался со всеми. Я даже суеверным стал: вставал с правой ноги, в сны верил. Но ничего не помогало. И в один прекрасный день — свершилось. Я увидел, как оба солдата одновременно исчезли за поворотом. «Сейчас или никогда!» — пронеслось у меня в голове. «А ну, ребята, подставляйте спины», — шепнул я товарищам. С их помощью я взобрался на стену. Спрыгнуть я не смог и просто упал на улицу, потом еле-еле встал на ноги, перешел на другую сторону и, как ни в чем не бывало, пошел себе по тротуару.

Камо опять подергал указательным пальцем воротник.

— Узко, да, Камо? — участливо спросил его Амбако.

— Милый мой, ты худой, как иссохшая вобла, разве этот воротник мне придется впору? — засмеялся Камо.

— Приедешь теперь в Тифлис, — смотри, будь осторожен, Камо! — уже серьезно заговорил Миха.

— Ну, теперь-то я им в руки не дамся! Так следы запутаю, что у них голова кругом пойдет. Сейчас я сам виноват был, деньги пожалел, а то бы...

— А что такое?

— Да то, что приехал я туда в новом костюме, как настоящий джентльмен, и думаю: жандармы не посмеют заподозрить такого шикарного господина. Да сдуру не взял носильщика — чтобы не тратиться попусту. Перекинул багаж за спину и иду. Тут-то я и попался. Остановили меня двое жандармов, потребовали документы, проверили багаж и обнаружили бумаги. Заявили, что я должен идти с ними в полицию. Ну, пошли. По дороге я им начал деньги предлагать — сначала пятнадцать рублей, потом двадцать пять, а потом и все, что у меня было, — тридцать пять рублей. Да только ничего не помогло.

В полиции меня хотели было избить, но я такой крик поднял, что меня оставили в покое. Главное — у меня с собой было одно очень важное письмо. Если бы они его нашли — все пропало бы. Когда мои бумаги разложили на столе, я стоял там же. Не знаю уже, как я изловчился, но письмо я украл и проглотил. Ну, а потом вы знаете, что было, — закончил

Камо рассказ о своих приключениях.

Той же ночью Камо уехал в Тифлис. В памяти моей навсегда осталось его лицо в раме вагонного окна, озаренное светлой, радостной улыбкой, его огромные глаза, светящиеся уверенностью, энергией и силой.

* * *

Неделю спустя я получил от Камо письмо, в котором он рассказывал о своем приезде в Тифлис.

«В одном вагоне со мной ехала компания молодых грузинских князей. Они возвращались с какого-то храмового праздника и всю дорогу кутили, — писал Камо. — Я присоединился к ним, выдав себя за князя (благо, одежда на мне была подходящая). На зурне играть и я умею и с ними вместе пел, играл и для вида пил.

Когда мы подъезжали к Тифлису, я поспорил с одним из этих князей о том, что он не рискнет пройти по тифлисскому перрону с зурной и песней. Проигравший должен был купить шесть бутылок вина. Конечно, как только мы сошли с поезда, княжеский сынок взял в руки зурну и, распевая во всю глотку, стал приплясывать по перрону. И вся компания за ним. А я, воспользовавшись суматохой, незаметно выбрался в город, нанял извозчика и был таков».

— Тоже мне, нашелся зурнач! — смеялся Миха, когда я читал ему письмо Камо. — Да и кутилы эти вовсе не князья были, а какие-нибудь захудалые азнауры!

Работать в Батуме становилось все труднее и труднее. Миха Давиташвили часто прихварывал — он вообще не отличался крепким здоровьем. Мы стали уже подумывать о том, как быть дальше.

Однажды Миха сказал мне:

— Знаешь, нам обоим пора взяться за книги, а то мы совсем отстанем и никому не будем полезны.

Я тоже думал об этом. И вскоре мы с Миха вернулись в Тифлис.

После долгих волнений, хлопот и сборов нам удалось осуществить свой план — мы выехали в Лейпциг.

* * *

Мы вместе с другими студентами из России учились в Лейпцигском университете, как вдруг дошла до нас весть о кровавом воскресенье 9 января 1905 года. Мы узнали об этом из газет, а через неделю один из приятелей получил письмо из Петербурга, в котором сообщались все подробности этого страшного события. В университете состоялось общее собрание студентов. Большой актовый зал был полон, студенты волновались, то и дело слышались возгласы: «Долой самодержавие! Долой царя! Да здравствует революция!» Выступали ораторы с призывами: «Вместе с рабочими — на баррикады!.. Возьмем за оружие! Свергнем царизм! Да здравствует борьба!»

И вдруг, как горный поток, хлынула песня. Несколько сот студентов в один голос пели «Интернационал».

В ту же ночь был составлен список отбывающих в Россию студентов, собрали деньги на дорогу. Ехала вся наша группа и, конечно, я с Миха.

Через неделю мы были в Тифлисе. В первый же день мы разыскали конспиративную квартиру Миха Цхакая, адрес которой нам дали еще в Женеве, и явились к нему. На следующий день происходило заседание бюро Кавказского союза, куда мы были приглашены. На заседании выступил с докладом Миха Цхакая. Он рассказывал о событиях 9 января, о позиции Владимира Ильича. Выступали и другие товарищи. Все признавали, что революция близка, и сейчас надо сплачивать силы и еще упорнее бороться с меньшевиками. Нам с Миха немедленно было поручено начать среди рабочих антименьшевистскую пропаганду.

Как-то раз я шел по Барятинской улице.² Вдруг мне загородил до-

¹ Азнауры — грузинские мелкопоместные дворяне.

² Ныне улица Джорджиашвили.

рогу какой-то молодой человек в форме студента педагогического института, в очках, и с улыбкой протянул руку.

— Что, не узнаешь? — раздался знакомый голос. Человек снял очки — и я вскрикнул:

— Камо, ты?!

Мы обнялись.

— Как давно мы с тобой не видались. После Батума, правда? Помнишь, Дата, Батум?

— Да разве такое забудешь! Послушай, Камо, ты большевик?

— Ну, да, конечно! Знаешь, я сейчас собирался тебя спросить о том же. Может быть, за границей ты отошел от революции, а?

— Как это — отошел! Да мы с Миха из-за этого и приехали сюда! Будем бороться за революцию, бить меньшевиков.

— Да, это им впрок пойдет! — засмеялся Камо. — Пропади они все пропадом! Ничего, революция уже не за горами...

Камо возмужал. Верхнюю губу его скрывали густые усы. В золотистых глазах было еще больше энергии и силы. Но это был все тот же Камо, неутомимый оптимист, строивший самые фантастические планы свержения самодержавия.

— Слушай, Камо, ты здесь и живешь после Батума?

— А где же я должен жить?

— Неужели ты не боишься?

— Кого? Шпиков? Пусть плачут их матери! Так за нос их вожу, что у них в глазах темнеет.

Я засмеялся. Да, Камо был все тот же. Долго мы с ним беседовали о товарищах, о партийной работе, о наших планах.

* * *

Противоречия и разногласия между большевиками и меньшевиками все более обострялись.

Мы вели большую агитационную работу среди рабочих, разъясняя им политику большевиков и причины раскола партии.

Камо чувствовал себя в этой напряженной обстановке, как рыба в воде. «Наконец-то начинается настоящая борьба с самодержавием! — радовался он. — Только в такой борьбе выковываются истинные революционеры».

Революционное движение пожаром перекинулось из города в деревню. Участились крестьянские бунты, крестьяне отбирали земли у помещиков и захватывали власть на селе в свои руки. Правительство совершенно растерялось, прибегало к репрессиям, но это только обостряло положение.

Революционеры вышли из подполья. Рабочие распевали по улицам революционные песни.

Чтобы отвлечь внимание масс от революционной борьбы, правительство разжигало национальную рознь. Многонациональный Кавказ был для этого очень удобным местом действия.

Когда в декабре 1904 года в Баку прошла грандиозная стачка рабочих, правительство спровоцировало армяно-татарскую резню, повлекшую колоссальные жертвы. Волна ее захлестнула и Тифлис.

Революционная социал-демократия выступила против возмутительной национальной политики царизма. В Тифлисе удалось прекратить резню. Был проведен митинг армяно-татарской дружбы, который вылился в демонстрацию против правительства.

После этого митинга на конспиративной квартире одного из товарищей собрались мы, революционеры-подпольщики: Сосо, поэт Акопян, Ханоян, я, Миха Бочоридзе и другие. Обсуждали последние события. Вдруг дверь резко распахнулась, и в комнату влетел кинто.

— Камо, ты? — взглядываясь в него, воскликнул Сосо.

Да, это действительно был Камо.

— Послушай, да не ты ли выступал на митинге? — спросил его Акопян. — И как складно говорил!

— А что же? Больше некому было, вот я и выступил! На митинге, поди, десять, а то и пятнадцать тысяч человек присутствовало, знаете? — с гордостью заявил Камо.

Сосо, лукаво прищурился правый глаз, улыбнулся:

— Через край хватил, Камо!

— Ну, тысяч пять уж наверняка было! В это-то веришь?!

— Ладно, ладно, сколько было — было! Главное, как прошел митинг. Расскажи, Камо! — примиряюще попросили его.

— Да что, от социал-демократов ни один человек не выступил, все только представители националистических партий, — проворчал Камо.

— А потом?

— Ну, потом пошли на татарское кладбище, произносили речи там. А оттуда — в Кашветскую церковь отправились. По пути мы с товарищами забежали в караван-сарай на Эриванской площади, купили там три аршина красного кумача, раздобыли кусок мела, написали на полотнище — «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» — и прикрепили его к древку. Но древко нашего знамени оказалось коротким. Тогда я со знаменем в руке взобрался на плечи двоих парней. Так мы и подошли к дворцу наместника, где уже собралась огромная толпа. И вот тогда-то я и произнес речь, первую в своей жизни речь перед народом!

— Молодец, Камо, честное слово, молодец! — похвалил его Сосо. — А потом куда вы направились?

— В типографию газеты «Кавказ». Там к нам присоединились типографские рабочие, и мы собирались идти в Надзаладеви.¹

— Ого! Вот это здорово!

— Да, но тут как раз появились полицейские. Я сначала их не видел. Вдруг кто-то как схватит меня за плечи. Смотрю — участковый. Ну, я, не долго думая, ногой его. Мы оба упали на землю. А тут конные казаки подоспели. Все сразу разбежались, и только я и участковый на земле барахтались. Казаки промчались мимо. Я кое-как вырвался из цепких лап моего противника, перемахнул через забор и был таков. Долго я бродил, пока в конце концов не выбрался на Авлабар². Здесь обменял свой европейский костюм на этот вот наряд и решил прикинуться пьяным — для большей безопасности. Зашел в погребок, выпил немного, а потом уже направился сюда, — закончил Камо.

— Все это очень хорошо, а теперь вот я напишу текст прокламации и ты снеси ее в типографию — пусть печатают. Потом займешься распространением, — уже серьезно заговорил Сосо.

Он всегда охотно шутил и смеялся с товарищами, но дело у него всегда было на первом плане.

Теплый августовский вечер плыл над Тифлисом. Последние лучи заходящего солнца прощались с Мама-Давидом³. По улицам торопливо проходили утомленные тяжелым дневным трудом горожане. позвякивали колокольчики конки, громыхали по мостовой экипажи, щебетали птицы.

В этот вечер ко мне заглянул Камо. Сказал, что, по поручению комитета, я, он и Алеша Сванидзе должны присутствовать на созванном по инициативе меньшевиков собрании в зале городской управы.

В переполненный народом зал удалось пробраться только Алеше. Мы с Камо поднялись на галерку. Оттуда нам был виден весь зал. Прямо перед нами, на стене, висел огромный, до потолка, портрет царя Николая.

¹ Рабочий район Тбилиси.

² Один из левобережных районов Тбилиси.

³ Мама-Давид—Мтацминда (гора св. Давида) — гора, у подножья которой расположен Тбилиси.

Под ним, на возвышении — стол председателя, покрытый синим сукном, дальше — скамьи для гласных¹ думы. На одной скамье я заметил Алешу. В этот момент и он взглянул вверх, и глаза наши встретились. Мы улыбнулись друг другу. Настроение у нас было приподнятое, боевое, мы готовились провозглашать свою программу в этом огромном зале, где собрались представители различных партий.

Стояла напряженная тишина. Народ все прибывал. Скоро стало так тесно, что, казалось, иголке негде было упасть.

Собрание не захотело слушать либеральную болтовню меньшевиков о булыгинской думе.

— Чванливые либералы! — кричали им.

Собравшиеся свистели, улюлюкали. Когда меньшевики ушли, крики постепенно умолкли. Люди смотрели друг на друга и не знали, что же теперь делать.

Наконец, поднялся один рабочий.

— Товарищи! — прозвучал его громкий, чуть хриловатый голос. Давайте сами откроем собрание!

— Правильно! Сами откроем! Начинай!

— Называйте председателя! Председателя! — снова зашумела толпа.

В невообразимом гвалте трудно было что-нибудь разобрать. Перебивая друг друга, выкрикивали фамилии, вскакивали с мест. Рабочие были взволнованы. Ведь они сами открывали собрание, сами выбирали председателя, могли открыто высказывать свои мысли перед народом в зале заседаний городской управы.

Место председателя занял высокий, плечистый, кудрявый парень в черной косоворотке. Шум в зале не смолкал. Председатель несколько секунд простоял в нерешительности, оглядывая битком набитый людьми зал, потом отыскал на столе колокольчик, неумело позвонил, требуя тишины. Зал утих. Заскрипели стулья, люди откашливались, усаживались поудобнее, готовились слушать.

Председатель объявил собрание открытым. Все внимание было устремлено сейчас на этого парня, который казался собравшимся живым воплощением тех идей, за которые они пришли сюда бороться.

На возвышение, где стоял председательский стол, поднимались ораторы, произносили пламенные речи, призывая рабочих идти вместе с большевиками на жестокую, непримиримую борьбу с самодержавием. «Долой самодержавие! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует социализм!» — раздавались восторженные возгласы. Впервые так открыто произносились заветные слова свободы и справедливости. Зал гудел, как пчелиный улей.

* * *

Никто не заметил, как в дверях появилась высокая, внушительная фигура полицмейстера. Зычным голосом он выкрикнул:

— Именем генерал-губернатора приказываю — сейчас же разойдитесь! Немедленно освободите зал!

Задние ряды вздрогнули. Сотни голов повернулись к дверям, сотни пар глаз устремились на пылающее лицо полицмейстера, на его широкую, украшенную орденами и аксельбантами, грудь. И вдруг среди наступившей тишины прозвучал одинокий голос:

— Не боимся мы губернатора!

И весь зал подхватил:

— Не боимся!

¹ Гласные — члены городских дум и земских уездных губернских собраний в до-революционной России.

- Пойди, скажи ему, что мы не уйдем!
- Говори речь, товарищ! Продолжай!
- Говори! Говори! — громом пронеслось по залу.

Полицмейстер постоял, постоял и повернул обратно. За ним, выйдя, вышли сопровождавшие его полицейские.

Собрание продолжалось. Но тревога уже сжала сердце.

В зал протискивались казаки. И началось... Градом посыпались удары на спины рабочих. Люди заметались. Кинулись к дверям. Там уже образовалась пробка. Толкались, сбивали с ног друг друга, лавиной хлынули на лестницу, но выходная дверь была заперта. Ринулись обратно, наверх, в поисках выхода разбежались по коридорам, но полиция заперла все двери. Тогда начали бить стекла, выпрыгивать из окон во двор.

Жужжали пули, стонали раненые, все смешалось...

Я, Камо и еще несколько рабочих долго еще прятались на галерке. Мы лежали на полу и боялись приподняться, чтобы не обнаружить себя. Один из рабочих привстал было и заглянул в зал, но в тот же миг, схватившись за грудь, упал, как подкошенный.

— Держись, Дата, не трусь! Лежи, не вставай! — услышал я приглушенный голос Камо. Лицо его, искаженное ненавистью, было бледно, глаза горели.

Когда в зале уже никого не осталось, мы с Камо спустились вниз. По обеим сторонам коридора выстроились казаки и, размахивая прикладами, избивали бегущих. Многие падали замертво, раненые тщетно пытались подняться — по ним бежали другие. Удар приклада сшиб с ног и меня. Я скатился по лестнице и с трудом встал на ноги. Провел рукой по лбу — рука была в крови. Голова горела, как в огне. Очутившись каким-то образом во дворе, я, как и все остальные, стал искать выхода. Вдруг я заметил в одном углу очень узкий проход. Туда проскользнул какой-то человек. Я последовал за ним. Человек внезапно исчез, словно вошел в стену. Подойдя к этому месту, я обнаружил окно с выбитыми стеклами, перелез через окно и очутился в темной комнате. Со двора сюда едва проникал тусклый свет. Постепенно глаза мои освоились с темнотой, и я смог различить у стены тахту. На ней кто-то лежал и громко стонал. «Тише ты, не стони! Услышат — пропали тогда все мы!» — донесся до меня чей-то шепот.

«Воды! Воды! Помогите!» — стонал раненый. «Не давайте ему пить! Не давайте воды!» — снова послышался предостерегающий шепот.

Я сел прямо на пол. И только теперь почувствовал невыносимую боль в голове. В комнате стояла мертвая тишина, которую нарушало лишь прерывистое, хриплое дыхание раненого.

А во дворе трещали беспорядочные выстрелы.

Весь город спал. И только жители соседних кварталов, плотно прикрыв ставни, испуганно прислушивались к стрельбе.

Я не знаю, сколько прошло времени, пока прекратились выстрелы, пока совершенно затих раненый, но мне казалось, что прошла целая вечность.

Вдруг до моего слуха явственно донесся скрип открываемых ворот и вслед за тем — грохот колес и стук копыт по каменным плитам, который замер где-то, как мне показалось, в середине двора.

— Быстрее! Обойти все углы! Подобрать всех! Бросайте их в фургон — раненых в одну сторону, убитых — в другую! — резко прозвучал чей-то властный голос.

Через короткое время снова загрохотали колеса, со скрипом распахнулись ворота, пропустив фургон, и снова закрылись. И опять наступила тишина.

Так прошло, вероятно, несколько часов. Вдруг раздался скрежет ключа в замке, и кто-то вошел в комнату. Луч света, падавший из окна, неясно осветил лицо мужчины с длинными усами. Стоя на пороге, он с

трудом дышал, словно запыхавшись от быстрой ходьбы, и молча рассматривал незваных ночных гостей.

— Все кончилось, они ушли! — проговорил он наконец. — Теперь вы можете уходить. Не бойтесь, идите спокойно, только будьте осторожны и не поднимайте шума!

Один за другим мы устремились к выходу. Но в дверях замешкались, словно сговорившись, стали рыться в карманах и, вытащив деньги, у кого сколько было, всучили их хозяину.

— Там, на тахте, раненый... Он не может уйти... Присмотри за ним!

Повинуясь какому-то смутному чувству, я вдруг подбежал к тахте. Раненый был недвижим. Стеклянным блеском жутко мерцали глаза... Я закрыл ему веки.

* * *

На следующий день я отправился к Алеше Сванидзе. По дороге встретил Камо. Мы оба очень обрадовались друг другу. Я, конечно, сразу начал его расспрашивать, как ему удалось выбраться из здания городской управы. Он с жаром принялся рассказывать.

— Ну, все мы метались во дворе, как загнанные звери, под градом выстрелов. Наконец, выбившись из сил, я пристроился где-то в углу у водосточной трубы и решил притвориться мертвым и лежал без движения, до тех пор, пока не прекратилась стрельба. Потом отперли ворота и во двор въехал фургон. Я сразу смекнул, в чем дело, — стали убирать убитых и раненых. Меня тоже подняли, и, так как я не издал ни звука и не шевельнулся, положили с убитыми.

— А почему ты не убежал, когда открыли ворота? — спросил я Камо.

— Да во дворе ведь полно было полицейских, меня бы живо поймали. В фургоне я потихоньку стал подбираться к краю, чтобы выпрыгнуть на ходу. Должен тебе признаться, путешествие с покойниками — довольно неприятное дело. Словом, когда мы переехали мост и очутились на совершенно пустынной набережной, я спрыгнул на мостовую и темными задними улицами добрался до тетиного дома. Представляешь, какой крик они все подняли, увидев меня оборванного, взлохмаченного, вымазанного кровью и грязью... Слушай, а про Алешу Сванидзе ты ничего не знаешь?

— Нет, ничего. К нему-то я и иду.

— Ну так идем вместе.

Мы шли молча. Увидим ли мы Алешу, или нас с плачем встретят его сестры? Эта мысль мучила нас всю дорогу. И что тогда станет с его старенькой матерью, души не чаявшей в любимом сыне?

— Мы с Алешей вместе в семинарии учились, он чудесный парень! — заговорил я.

— Немного нос задирает.

— Нет, Камо, ошибаешься. Просто он очень застенчив.

— Сосо его очень любит и особенно внимателен к нему.

— Ты заметил? Да, это верно, — согласился я. — Сосо часто бывает у них дома, приносит нелегальную литературу алешиной сестре — Като.

— Знаю. Я тоже раза два был у них по поручению Сосо. Они очень славные люди.

— И живут неплохо. Обе сестры шьют и считаются довольно хорошими портнихами. Старшая, Саша, прекрасно знает французский язык.

— Где же она научилась?

— Да ведь обе они жили у модистки-француженки, обучались шитью. И французскому у нее научились. Модистка от них в восторге была, от их ума, такта, обаяния. Потом она умерла и всю мастерскую с клиентурой завещала им. Сестры не только старых клиентов удержали, но вообще поставили дело на более широкую ногу. Доход имеют хороший, сумели даже Алешу за границу учиться отправить.

Мы уже подошли к дому Алешы. С замирающим сердцем взбежали

по крутой лестнице, ожидая услышать плач и стоны. Но все было тихо, и мы немного успокоились. На наш стук в дверях появился сам Алеша.

— Ох, какие же вы молодцы, что пришли! — радостно воскликнул он, увидя нас. — А я все о вас думаю! Ну, входите же, входите!

Сестры его тоже нам обрадовались. Мы начали рассказывать о своих злоключениях. Они слушали, переживали, вздыхали.

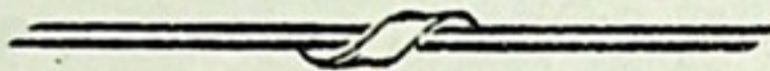
Алеша спасся удачнее, чем мы. Он каким-то чудом выбрался на улицу, проскользнул мимо полицейских и юркнул в ближайший двор. Там он постучался в чью-то квартиру, где его и приютили на ночь. А утром благополучно добрался до дому.

— А мы-то всю ночь глаз не сомкнули, плакали. Мы ведь знали, что он в этом аду был. А стреляли как! Словно враг ворвался в город! — широко раскрывая красивые темные глаза заговорила Саша.

— Боже мой, как мы обрадовались, когда на рассвете Алеша постучал! Я сегодня же должна разыскать эту семью и отблагодарить, — добавила голубоглазая, похожая на брата, Като.

Эта дружная семья очаровала нас. Не хотелось уходить от них, казалось, мы попали в другой мир, где все ясно, спокойно и чисто.

(Продолжение следует)

Г. Джомарджидзе,
заместитель председателя
Совнархоза Грузии.

Продолжаем разговор о чае

Ответ редакции «Литературной Грузии»

Хорошо, что на страницах журнала «Литературная Грузия» (№ 8, 1959 год, очерк И. Мухадзе) начат деловой и острый разговор о чае — о насущных проблемах, возникших на плантациях, чайных фабриках и в научных лабораториях. Мне хочется продолжить этот серьезный разговор, ответить на некоторые вопросы, поставленные автором очерка, поделиться своими соображениями.

Чай известен людям несколько тысячелетий. Много добрых слов о нем сказано еще в старину. Английский ученый Арвей, развивая мысль китайских и индийских философов, писал в 1660 году: «Чай укрепляет организм, при употреблении чая перестает кружиться голова, чай рассеивает тоску и угнетенное состояние, излечивает почечные камни, улучшает зрение...»

Да, чай нужен всем. Вот две телеграммы, наугад взятые из обычной почты треста «Чай-Грузия». «Для успеха хлопкоуборочной кампании, — телеграфируют из Ташкента, — просим отгрузить чай в счет следующего квартала». «Просим дополнительно срочно отправить возможно большее количество чая для рыбаков Астраханской области».

Просьбы вполне естественные, ведь Грузия дает 97 процентов чая — черного, зеленого, кирпичного, — производимого в Советском Союзе. Нашему молодому поколению, с детства привыкшему, что во всех уголках Имеретии, Гурии, Мегрелии, на солнечных холмах Аджарии и на Черноморском побережье Абхазии, — всюду раскинулись чайные кусты и белеют корпуса чайных фабрик, трудно представить, что до революции в Грузии было едва девятьсот гектаров чайных плантаций. Три небольшие кустарные фабрики в 1913 году выработали сто тридцать тонн чая (о качестве его умолчим). А из-за границы в том же году пришлось завезти 75 тысяч тонн чая и затратить на это шестьдесят миллионов рублей.

В наше время урожай чайного листа с 52 тысяч гектаров плантаций перерабатывают шестьдесят четыре фабрики. Любопытно, что в нынешнем году чаеводы продали фабрикам сверх плана столько листа, сколько было собрано с 1921 по 1923 год. И это далеко не вершина, взят лишь первый рубеж. Представители трудящихся Грузии, поблагодарив на недавнем митинге в Тбилиси Центральный Комитет партии и Советское правительство за приветствие, присланное в связи с успешным выполнением обя-

зательства по сбору 140 тысяч тонн чайного листа, заявили, что чаеводы «полны решимости с честью выполнить почетную задачу — довести к концу семилетки ежегодный сбор чайного листа до 200 тысяч тонн».

Богатый урожай, кроме большого удовлетворения и стремительного роста доходов, принесет и немало забот. По справедливому подсчету И. Мухадзе, урожай в 200 тысяч тонн листа потребует для сбора не менее восьми миллионов человеко-дней. Само собой разумеется, что единственно приемлемым выходом может быть механизация сбора листа. Дольше никак нельзя откладывать решение проблемы механизации. И в этом отношении упрек, высказанный в очерке «Поговорим о чае», вполне справедлив. Специальное конструкторское бюро по чайным машинам существует много лет, но надежной чаеуборочной машины все еще нет. Желаемое далеко не свершилось...

Минувшим летом чаеуборочная машина прошла еще одно испытание. Результат позволяет надеяться, что к сезону 1960 года будет создана более совершенная машина. Могу сказать: все, что зависит от Совнархоза, будет сделано.

Неотложно надо решить и проблему создания чайной фабрики нового типа, фабрики, где все производство было бы поставлено на поток и механизировано. Поточные линии — давнишняя мечта наших специалистов и ученых.

Производство байхового чая, безразлично — черного или зеленого, на потоке — это заметное повышение качества, увеличение производительности труда, снижение себестоимости продукции и, главное, значительное облегчение труда рабочих: все технологические процессы происходят без участия человеческих рук.

В текущем сезоне непрерывная поточная линия производства зеленого чая, сконструированная Анасеульским научно-исследовательским институтом и СКБ пищевой промышленности, испытывалась на Ланчхутской чайной фабрике. Автоматизация всех процессов была осуществлена Горийским научно-исследовательским институтом автоматики. Испытания снова дали положительные результаты. Так что нет никаких причин для дальнейшего промедления. Надо смело переводить на поток производство зеленого чая на всех фабриках.

Из испытаний, проведенных на Ланчхутской фабрике, напрашивается и один частный вывод. Непростительно, что Анасеульский институт возится уже девять лет над созданием фиксационной машины. Шесть опытных машин, созданных по последнему образцу, разработанному СКБ пищевой промышленности в 1959 году, оказались неработоспособными из-за конструктивных недостатков. Это тем более досадно, что фиксационная машина при полном усовершенствовании могла бы дать несколько миллионов рублей экономии, ощутимо повысить качество чая, а мощность чайных фабрик в этом случае увеличилась бы не менее, чем на четыре — пять миллионов тонн за сезон.

Сейчас на Самтредском механическом заводе трест «Чай-Грузия» дорабатывает конструкцию фиксационной машины, дефекты устраняются. К сезону будущего года почти на всех фабриках, вырабатывающих зеленый байховый чай, давно устаревшие пропарочные агрегаты будут заменены фиксационными машинами.

Теперь о поточной линии для черного байхового чая. Опытный образец такой линии, созданный Анасеульским институтом, — немалый успех коллектива. Однако в этой поточной линии роллер непрерывного действия системы Шарковского должен быть заменен роллером системы А. Какалашвили.

Последнее испытание роллера Какалашвили, проведенное на чайной фабрике в Дранда, полностью подтверждает предположение, высказанное на страницах журнала «Литературная Грузия». Увлекательные расчеты Какалашвили оказались даже превзойденными. Роллер его оригинальной конструкции оказывается намного производительнее, лучше всех, ранее известных. Естественно, что роллер Какалашвили должен занять свое место на поточной линии для производства черного чая. Одному из

предприятий Управления машиностроения Совнархоза на этих днях будет поручено изготовить первые семь комплектов роллера Александра Какалашвили.

Надо сказать, что над совершенствованием опытных экземпляров машины доцента Какалашвили работали и научные сотрудники Горийского института автоматики А. Мамачейшвили, Г. Жвания, Н. Кочугов и другие товарищи. Созданная их коллективными усилиями поточная линия скручивания и сортировки чайного листа, помимо всех других достоинств, очень компактна, она высвобождает примерно тридцать пять процентов производственной площади. Три машины Какалашвили заменяют двенадцать роллеров старой системы и полностью освобождают человека от участия в процессе скручивания чайного листа.

Недавно Совнархоз Грузии рассмотрел и одобрил один из проектов чайной фабрики нового типа, где была бы предусмотрена максимальная механизация процессов переработки. Проект фабрики разработан Грузгипропищепромом. На фабрике нового типа предусмотрена механическая загрузка роллеров второго и третьего скручивания, а также сортировочной машины зеленого чая с помощью подвесной дороги. Первая попытка механизировать загрузку была сделана в 1959 году на новой Махарадзевской фабрике и увенчалась успехом.

В нынешнем году проведена еще одна интересная работа. В Институте биохимии имени А. Баха Академии наук СССР профессором Михаилом Бокучава была разработана новая технология производства черного байхового чая.

Процесс завяливания остается обычным, но сокращается продолжительность скручивания, а вторая фаза ферментации исключается вовсе и заменяется термической обработкой. Это обеспечивает более быстрое (в два раза) проведение всего технологического процесса. И, что особенно важно, чай, приготовленный по новому способу, содержит значительно больше растворимых экстрактивных веществ, обладает лучшим вкусом и ароматом. Увеличивается и содержание растворимого танина. Это, как нетрудно догадаться, повышает физиологическую ценность чая.

Новая технология, предложенная профессором Бокучава, впервые была испытана в 1957 году в Грузии. В следующем году такие же опыты велись в Грузии, Азербайджане и в Краснодарском крае, то есть во всех местах, где производится чай. Испытания с успехом прошли и в нынешнем сезоне на Киндгской чайной фабрике у нас в республике. В 1960 году одна из чайных фабрик будет полностью переведена на технологию, предложенную Михаилом Бокучава.

Хочется рассказать и о ряде других интересных исследований, связанных с разработкой «чайных» проблем.

Наблюдения многих лет подсказали кандидату технических наук М. Сарджвеладзе, что если при более интенсивном завяливании чая доводить содержание влаги в листе до пятидесяти восьми — пятидесяти девяти процентов вместо принятых обычно шестидесяти одного — шестидесяти двух процентов и скручивать четырехкратно по тридцать — тридцать пять минут вместо трех раз по сорок пять минут, то качество чая значительно повышается.

На Ткибульской чайной фабрике произведено испытание вибрирующих транспортеров конструкции технолога Мардалейшвили из СКБ пищевой промышленности. При помощи этих транспортеров чайный лист после первого скручивания подается на зеленую сортировку, — а затем поступает в роллеры для второго и третьего скручивания. Таким образом, с помощью вибрирующих транспортеров полностью механизмуется загрузка и выгрузка роллеров. Первое испытание обнадеживает. Вибрирующие транспортеры будут окончательно испытаны в более широком масштабе летом следующего года.

Наконец, созданы аппараты для объективного определения качества зеленого чайного листа. Это очень важно, ибо до сих пор качество определялось попросту нажимом ногтя; ну, и всякое бывало...

Положительные результаты дали опыты по однократной сушке чая.

проведенные специалистами треста «Чай-Грузия». К сезону 1960 года большинство фабрик будет переведено на однократную сушку. Это полезное начинание должно ощутимо повысить производительность фабрик, дать экономию рабочей силы и топлива.

Мы приступаем к внедрению и предложения технолога Григория Джоджуа. Путем замены сеток при зеленой сортировке чайного листа, а также на плоских сортировках, удастся вовсе отказаться от некоторых операций, на сорок процентов высвободить рабочую силу в сортировочном цехе и улучшить качество чая. Качество заметно улучшается потому, что новые сетки позволяют более строго отбирать нежные побеги при первичной или, как говорят специалисты, зеленой сортировке. На плоских сортировках опять-таки удастся более строго, тщательно отобрать чай, приготовленный из более высококачественного сырья.

В начале октября в Самтредиа состоялось республиканское совещание директоров и технологов всех чайных фабрик. Участники совещания единодушно одобрили переход на однократную сушку чая и внедрение новой технологии сортировки чая по предложению Г. Джоджуа.

Специалистами треста «Чай-Грузия» были проведены широкие и очень полезные опыты по увеличению производительности действующих чаескручивающих машин, которые дали положительные результаты.

Так, повышение производительности роллеров почти в 1,5 раза достигается путем увеличения единовременной загрузки их чайным листом на 20 % (на закрытых роллерах скручивание производится без прессов — собственным весом чая), а также увеличением числа оборотов роллеров с 60 до 80 оборотов в минуту.

Известно, что, кроме черного и зеленого байхового — рассыпчатого чая, на наших фабриках готовят также кирпичный чай. И в этом случае многое предстоит изменить в технологии. Уже закончен монтаж, и в ближайшие дни на Зугдидской чаепрессовочной фабрике вступят в эксплуатацию автоматические прессы с механизированной загрузкой плиток зеленого кирпичного чая (предложение инженера М. Кодуа). До сих пор на чаепрессовочных фабриках все делалось вручную. Естественно, что полная автоматизация даст значительную экономию расходов и снизит себестоимость продукции. Возможно, надо объяснить, что, в отличие от старого способа прессования, автоматические прессы не требуют предварительной пропарки материалов, отпадает нужда и в большом числе рабочих рук и в значительном количестве топлива.

Новая технология, повторяю, нужна во всем и на всех фабриках. Казалось бы, чего проще готовить лао-ча — продукт, к которому не предъявляют особенно высоких требований. Но и здесь оказалось возможным произвести «переворот». С появлением обжарочно-скручивающего агрегата системы Л. Барбакадзе производство лао-ча удалось перевести на механизированную линию. При новой технологии весь процесс отнимает всего-навсего шестнадцать — двадцать часов вместо восемнадцати — двадцати суток, исключается тяжелый ручной труд.

Многие наши чайные фабрики уже подвергаются реконструкции. По предварительным подсчетам, реконструкция лишь тридцати девяти чайных фабрик позволит увеличить их мощность на двадцать тысяч тонн. Затраты по реконструкции составят не более тридцати миллионов рублей. Строительство же новых чайных фабрик такой мощности потребовало бы не менее восьмидесяти миллионов.

Сейчас Совнархозу предстоит решить еще одну проблему: как рациональнее использовать производственные площади чайных фабрик, которые обычно бездействуют не менее трех месяцев в году. Трудно не согласиться с решением, подсказанным журналом, — обратиться в свободные от производства чая месяцы к переработке плодов. Но необходимо тщательно продумать организацию этого дела.

Л. Каландадзе

Роман о суровой юности

Описывать, рассказывать, даже живописать и искусно подражать природе, жизни — это еще не значит, мне кажется, быть писателем — творцом. Настоящий писатель начинается тогда, когда он открывает свой мир, особый и неповторимый, находит свои краски, свои образы, свое и только свое отношение к миру. Слава богу, есть что бесконечно открывать в вечно развивающемся мире человеческих отношений и человеческих чувствований.

Вот передо мной две книги — сборник повестей и рассказов «Мзеона», изданный в 1955 году, и роман «Совершеннолетие», изданный в 1958 году. Я с интересом прочел эти книги Эммануила Фейгина, русского писателя, живущего в Грузии и работающего рука об руку с грузинскими писателями, и почувствовал в его книгах особый, своеобразный мир художника, пронизанный и освещенный изнутри духом времени. Пусть этот мир скромнен по масштабу и не так уж многогранен, но он есть, и, значит, — есть писатель.

Фейгин не пишет романтически сверкающими, исключительно яркими красками, он будничен в своих изобразительных средствах, стремится к простоте, строгости и точности речи. В повествовании главный упор делает на смысл, на точность рисунка, а не на цветовые и световые эффекты, на декоративность и орнаментальность. Не очень склонен к подтекстам, стремится все досказать, все объяснить до конца. Это его способ, его орудие художественного познания действительности.

Рассказы Фейгина не отличаются необычными и броскими сюжетами, но в них есть живые люди, интересные куски человеческих судеб — как частицы большой судьбы Советской Родины и советского народа. В них, в этих рассказах, есть такое, с чем можно спорить, но нельзя не видеть в них добротную писательскую работу. Мы не собираемся подробно разбирать все произведения

писателя. Тем более, что заглянуть в мир его художественных образов — лучше всего через пока что самое зрелое произведение писателя, а именно через роман «Совершеннолетие», тем более, что почти половину сборника повестей и рассказов писателя занимает повесть «В добрый путь», являющаяся как бы первым рабочим вариантом его первой части.

Роман этот — о героическом подвиге советского народа в Великую Отечественную войну, он охватывает жизнь советского общества в предвоенные и военные годы. Действие его происходит главным образом в одном из причерноморских городов, впоследствии испытывавшем тяжелые дни фашистской оккупации. Роман довольно протяжен во времени и сужен в пространстве. Главными действующими лицами его являются простые советские люди, главным образом, подростки, становящиеся совершеннолетними — и духовно и по возрасту — в годы страшных испытаний.

Да, автор пристрастен, тенденциозен в хорошем смысле этого слова. Он очень любит своих героев — этих чистых и светлых парней и девушек — и, что самое главное, умеет заражать этой любовью. Нет, он не идеализирует их, но и не выискивает в них родимые пятна, душевные изъяны. Вообще он рисует людей такими, какими их видит. Он не делает секрета из того, что стремится показать своих любимых героев — советских патриотов — с лучшей стороны, даже рисуя их человеческие слабости, а врагов — фашистских захватчиков, предателей Родины и подобных им людей — уродливыми не только по внутреннему содержанию, но порой даже и по внешности. Иные критики могут усмотреть в этом односторонность в художественном восприятии писателем действительности. Но это будет неверно. Есть, конечно, писатели, которые, рисуя и разоблачая, например, злодея, могут заметить, что у него красивое лицо, стройная фигура

или же какое-нибудь другое достоинство. Но есть и такие писатели, которые никак не могут воспринять и признать красивыми точеные руки или голубые глаза убийцы, душившего ребенка, если даже эти руки и эти глаза, взятые сами по себе, очень красивы. Тут все дело сводится к особенностям художественно-эстетического видения мира. А художественная правда — в силе и в глубине выражения увиденного и пережитого.

С простой, добродушной улыбкой, с легким юмором начинает писатель рассказывать о маленьком советском приморском курортном городе, описывать стиль его довоенной жизни. Воробьи прыгают с минутной стрелки на часовую, с часовой — на минутную на башне рыбного базара, и городские часы то спешат, то отстают. Но город все же живет своим точным временем, своей ровной жизнью, «порт и корабли отбивают склянки отчетливо и одновременно», «едва лишь умолкают склянки, поднимает свой голос гонг в санаторном парке», «наступает удивительный час — мертвый час». «Городок засыпает мгновенно и, кажется, что не спят здесь только море и древние сторожевые башни на берегу». Атмосфера спокойствия и безмятежности. Но это только внешние признаки. А внутри бурлит, кипит большая, целеустремленная и напряженная жизнь. Самый главный показатель стиля жизни — это люди, в особенности молодежь. Вот в санатории, в бывшей княжеской спальне безмятежно спит молоденькая ивановская ткачиха Варя — Варвара Семеновна Ермакова. Она сегодня утром приехала автобусом и сразу вошла в ритм жизни городка, жизни светлой и привольной, наполненной каким-то хорошим человеческим содержанием. Она то купается в море и радостно шепчет: «Мое море, мое море», то страстно и задорно убеждает добрую, заботливую пожилую няню, что человек все может, что мы обязательно полетим к звездам... И именно эта жизнерадостная девушка-работница — со своим, пусть немножечко наивным, чувством хозяина всей Родины, непреклонной верой в могущество человека — и есть верная выразительница духа времени.

Вот Варя осторожно будит заснувшего в неудобном положении у ворот санаторного парка, в тени каштана, мальчика — чистильщика обуви. Она легко, как со сверстником, завязывает знакомство, а впоследствии и дружбу с этим умным, веселым и довольно острым на язык мальчиком. Это Алеша Коваль. И оказывается, он не только чистильщик (этим делом Алеша занимается лишь летом), он — ученик седьмого класса, мечтает поступить в морскую школу и стать

капитаном дальнего плавания, мечтает о героических подвигах. У Алеши довольно горькая судьба. Еще в раннем детстве лишился он матери, а позже — в семь лет — отца, которого зарубили топором кулаки. Оставшегося сиротой Алешу колхозники отвезли к одинокой бабушке в город. И внук и бабушка очень любят друг друга, но из-за разности характеров и взглядов иногда ссорятся между собой. Сейчас Алеша накопил деньги, чтобы вместе со своим задушевым другом Павликом Глебовским тайком купить старую лодку и заранее готовиться к будущим дальним плаваниям. Ведь Павлик тоже «твердо и безоговорочно решил стать капитаном дальнего плавания». Но сейчас, по настоянию дяди, он работает в типографии учеником наборщика, и работа эта ему очень нравится. Тем более, что там он познакомился с хорошими и интересными людьми — с редактором газеты Кочетковым, оказавшимся близким другом его родителей — комсомольцев, а затем коммунистов, погибших на боевом посту в горах Кавказа, с молодым журналистом Поморским, художественные очерки которого так захватывают Павлика, с метранпажем Васильным и т. д. Павлику, оказывается, было всего полтора года, когда погибли его родители, и с тех пор Павлик живет у дяди — дворника и сторожа картинной галереи, где выставлены полотна замечательного художника Зарубина. Сейчас Павлику пятнадцать лет, он на год старше Алеши; дядя его, Никодим Сергеевич, старый холостяк, простодушный и странноватый, но хороший и добросовестный труженик, влюблен и собирается жениться на Марии Никитичне — вдове матроса-коммуниста, вероломно убитого где-то в греческом порту американскими матросами-хулиганами за то, что он заступился за больного поляка-эмигранта, которого избивали хулиганы. Веселой, красивой, насмешливой, по-девичьи слегка ветренно-кокетливой, отличнице и умнице Рине — единственной дочери Марии Никитичны, родившейся за пять месяцев до гибели отца, сейчас пятнадцать лет, она сверстница Павлика.

Позже в эту цепь основных образов романа включается и старый, испытанный большевик, кузнец Максим Трофимович Палий. Если к этому добавить довольно многочисленных второстепенных и эпизодических персонажей и персонажей, несущих в развитии сюжета лишь служебные функции, то станет ясным, что роман чрезмерно перенаселен. Это вносит некоторую рыхлость в интересно задуманное спиральное построение композиции романа и известным образом нарушает его. Автору на этот раз изменило умение организовать материал. Многоплановости не получилось, а намеченная определен-

ность композиции была отчасти утеряна. И все же писатель сумел показать интересные судьбы основных героев, в особенности Алеши Коваля и Павла Глебовского, судьбы большого драматического и, пожалуй, трагического напряжения. Не случайно, что выбор писателя пал на поколение, биография которого с самого начала не радужна. Жизнь этих людей и до войны характеризуется определенной неустроенностью, явным налетом обездоленности. В этом — одна из существенных примет эпохи, ее суровая правда. Ведь это — дети отцов и матерей, прошедших огонь и бурю больших исторических потрясений, сопровождавших рождение нового мира. Да и кого из людей довоенного поколения так или иначе не задела те великие исторические события?! Но известно, что кто больше вкладывает в дело, тот больше предан делу. Новый мир особенно дорог людям, многим пожертвовавшим ради него, отдавшим много крови, труда, духовной и физической энергии борьбе за его торжество. И часто детям родителей, пожертвовавших собой в борьбе за великое народное дело, перепадает и тяжелая доля, и дерзновенный дух своих отцов; им особенно дорого то, что завоевано ценой многих лишений в их жизни и жизни их отцов и матерей. Таковы Алеша Коваль, Павлик Глебовский.

Самую значительную часть романа составляет повествование о поведении советских людей, попавших во вражескую оккупацию. Пожалуй, это и является основным тематическим стержнем произведения. Тут и показывается духовная мощь и красота его героев. Все они проявляют самоотверженность и совершают разные подвиги в борьбе с коварным и безжалостным врагом. В этом находит верное художественное обобщение массовый героизм советского народа в трудные дни войны. Даже чудаковатый дворник Никодим Сергеевич оказался таким морально цельным и глубоко убежденным советским патриотом, что в первую же ночь захвата фашистами города убил предателя Родины — садовника Сидора Сидоровича Власова, человека, долго скрывавшего под своим добродушным, похожим на спелый помидор, лицом звериную злобу против Советской власти.

Характерно, что автор не прибегает к резким поворотам характеров, как способу срывания масок, раскрытия истинной сущности людей. Верный своему принципу видения мира, он с самого начала настраивает читателя неприязненно по отношению к тем, кто впоследствии окажется изменником, он рисует их какими-то ущербными и надорванными личностями, тактично, как, например, Юзка — слободской забияка и бездельник,

футболист Максаков — грубиян и склочник. И от этого образы эти никак не делаются менее убедительными.

Для художественной индивидуализации образов писатель находит довольно удачные средства, свежие краски; по всему чувствуется, что он располагает довольно богатым запасом жизненных наблюдений и впечатлений. Далеко не все образы удались автору с одинаковой силой, не избежал он в раскрытии характеров некоторых из них облегченности и плакатности. Наиболее удачны, на мой взгляд, образы Алеши Коваля и Павла Глебовского. Писатель ясно представляет как индивидуальные, так и общие черты их характеров и в основном верно раскрывает их в тех или иных жизненных обстоятельствах. Алеша — это мягкий и порывистый характер, он живет светлыми, хорошими человеческими чувствами, пожалуй, не всегда контролируемые ясной мыслью, ясным взглядом. При всей остроте ума, он еще ребенок и остается им почти до конца. Окончилось его детство, кончилась и его жизнь, блеснув возмужалой силой героического духа. Однажды Алеша, всецело отдавшись мечте о большом счастье, уверился в том, что какая-то сказочная жар-птица приносит людям счастье и радость. Он украл материю, на которой была нарисована жар-птица. Ею он хотел украсить лодку, принадлежащую ему и Павлику. Но за эту кражу Павлик порвал с ним, и Алеша был наказан в своем лучшем чувстве, чувстве дружбы. Да, может быть, тут верно показано движение наивной души, но это очень плоская наивность, думаю, что она не в характере Алеши. Ведь он сам порицал любимую бабушку за такие бредни, как гадание на картах, и не мог же он всерьез поверить в чудодейственность какой-то жар-птицы. Вообще история с жар-птицей — не из удачных находок писателя. Алеша более жизненен и более убедителен в своих отношениях к бабушке (вспомним хотя бы эпизод, где он обещает ей счастливую и обеспеченную жизнь, когда станет капитаном дальнего плавания), к Павлику, к Андрею, к Палию, в своей по-детски неясной и чистой любви к Варе, в своей хорошей зависти к умелым людям и, что самое главное, в своей лютой ненависти к врагам, осквернившим родную землю, где он был счастлив тем, что ощущал твердую почву для мечты о большом счастье, где цвели чудесные сады и где жили любимые люди, жило много людей, без которых Алеша не смог бы прожить и минуты.

По характеру Павел Глебовский — много склада, много темперамента. Он более собранный и волевой, всегда старается разобраться в своих чувствах. Так, например, ему очень нравятся фельетоны и очерки молодого, восторженного

журналиста Поморского, но случайно услышав замечания в его адрес деловитого, суховатого редактора Кочеткова Павлик, вопреки своим чувствам, признал справедливыми эти замечания. Павлик чувствует разницу характеров — своего и Алеши. И когда он в беседе с Поморским четко уясняет себе неотделимость счастья или горя отдельных советских людей от счастья или горя всей Советской Родины, то, укладываясь в ту ночь спать, думает: «Все это надо Алешке втолковать. И как можно скорее... Он у меня такой, Алешка. Западет ему что в голову, а он и не разберется, что правильно, что неправильно, лишь бы красиво было. А я все же как никак старше, ну и сознательней. Значит, я и за Алешку отвечаю». И в самом деле, Павлик берет в свои руки бразды правления в их хорошей и светлой дружбе. А дружба их протекает во многих злоключениях, в тяжелых условиях фашистской оккупации.

Читатель видит и чувствует, что дорогое свойство этих простых парней — стремление найти свое место в строю борцов за народное счастье — растет, крепнет и делается для них, по мере роста трудностей на их жизненном пути, все более органичным. И в дни самых страшных событий, в дни оккупации родного города фашистами, они не теряются, они находят свое место в строю... Они спасают и хранят где-то в тайнике, хранят для Родины, для советского народа шедевр искусства — знаменитое зарубинское полотно «Утро». Конечно, им далеко еще до глубокого понимания всего значения великих произведений искусства (и тут, мне кажется, читатель чувствует какую-то фальшь, какую-то натянутость, ибо, сделав предметом большого накала патриотических чувств Павла и Алеши произведение искусства, писатель, по существу, привнес мотив извне — не из мира непосредственных интересов этих простых парней). Им дорого все то, что дорого для Советской страны, для ее передовых людей — таких, как редактор Кочетков, секретарь горкома Вязников, дорого то, за что был расстрелян фашистами дядя Павлика — Никодим Сергеевич, не дрогнувший перед палачами и не давший им ни малейшей возможности почувствовать себя победителями, сломившими гордый дух советского гражданина.

Писатель довольно умело ведет читателя по путям жизни своих героев — Павла Глебовского и Алеши Ковалья. Мы верим их переживаниям, верим присяге, которую, по предложению Павлика, они произносят перед тайником, чтобы ни за что не выдать врагам тайны, верим той твердости и выдержке, с которой Павлик переносит гибель дяди, болезнь и все превратности судьбы, пока проби-

вается к партизанам, а потом и на Большой земле; волнуется судьба Алеши Ковалья. Его схватили гестаповцы, чтобы добиться от него выдачи Павлика и от открытия тайника, где хранится картина. Сначала старались его подкупить. Но, не добившись своего, начали бить его до потери ощущения боли, а потом выкололи ему глаза, и «он не сразу понял, что с ним сделали... потому что не раз угасал перед его глазами свет».

И мальчика, который раньше так отдавался чувствам, теперь не поглощает и не подавляет ни чувство боли, ни страх смерти. И это возмужание его духа, его характера — убеждает. Его презрение к смерти равно презрению к врагам. «Даже глаза не хочется открывать, так они мне опротивели, все эти морды», — так думает ослепленный Алеша о гестаповцах. Его расстреляли в реке, в которую он успел броситься раньше, чем раздались выстрелы. Он «инстинктивно поплыл против течения, пока не понял, что это его обманула слепота. Сколько раз, катаясь на лодке, он испытывал уже это чувство. Бывало, нарочно закроешь глаза и сразу потеряешь направление. Но стоит только открыть глаза, увидеть берег, как обман исчезает. Но теперь Алеша не сможет уже открыть глаза, и у темноты, которая окружила его, нет берегов».

В этом есть верное наблюдение, точный рисунок.

Да, писатель не скупится на картины смертей и ужасов. И эти картины — наиболее сильные и выразительные у него в романе. Вспомним хотя бы потрясающую сцену возвращения ночью случайно спасшейся пятилетней еврейской девочки с места расстрела ее матери и братьев, сцену расстрела Марии Никитичны.

Но ведь он рассказывает, и рассказывает довольно убедительно, о поколении, которое видело и пережило много ужасов и смертей, но от того, что оно воспитано и закалено новым, социалистическим миром, не разуверилось в идеалах прогресса, человечности, разума, истины и красоты. Это — не потерянное поколение, а поколение, укрепившееся в своем убеждении в необходимости борьбы за счастливую жизнь человечества. И те из этого поколения, которые погибли в бою, даже своей смертью, как Алеша Коваль, передают новым поколениям эстафету неразрушенной мечты о счастье, о несгибаемой воле, о штурме небесных просторов.

Однако роман имеет существенные художественные недостатки (и кроме тех, что уже упоминались). Мне кажется, много недоделано и недодумано в решении образа старого большевика Максима Трофимовича Палия. В первой части романа он неплохо показан, как твердый партизнец, воспитатель и настав-

ник молодежи, неплохо подготовлено движение образа к патетической фразе автора: «Рядом с Палием — испытанным солдатом партии — шли орлята, пока еще не опробовавшие своих крыльев, но уже всем своим существом устремленные, нацеленные в полет». Но когда Палий по заданию партии остается в оккупированном городе с тем, чтобы войти в доверие врага и, значит, стать предателем в глазах населения города — образ начинает обедняться и упрощаться. Ведь все это не могло не быть связанным со сложными внешними условиями и, что самое главное, со сложными и глубокими мыслями, чувствами и переживаниями самого героя. А автор со всеми этими сложностями справляется легко, поверхностно, плакатно. Поэтому читатель, начав любить этого человека и верить ему, быстро теряет интерес к образу.

Еще сильнее чувствуется отсутствие глубокой и правдивой психологической мотивировки в движении и развитии образа ивановской ткачихи Вари. Эта веселая, жизнерадостная девочка, так сильно влюбившаяся в журналиста Поморского, легко, да и без особой на то нужды, превращается в какую-то бездушную мнимую жену Палия, а потом так же легко добровольно едет в Германию вместе с угоняемой туда молодежью. Нет ни ясного смысла, ни суровой романтики в ее подвигах, они, эти подвиги, — надуманные.

Роман «Совершеннолетие» — произведение с недостатками, с пробелами, но роман этот — не скучный и не серый. В нем своеобразно, не без определенных художественных удач, решена тема много испытавшего, но не потерянного, а духовно окрепшего поколения — тема, являющаяся, впрочем, главной темой всего творчества писателя.

Удачи и упущения

За плечами большой путь — в жизни, в литературе. И на этом пути вехами — люди, встречи, впечатления. В основном, простые советские люди: те, кто сеет хлеб, разбивает виноградники, плавит металл. Их жизнь, работа, мысли и чувства, переживания и радости — такие же ясные и бесхитростные, как и окружающая их родная природа, — вот, что привлекает пристальное внимание писателя. Человек всегда в центре произведений Бориса Чхеидзе. Не мудрствуя лукаво, он рисует образы своих героев такими, какими их видит, какими, пожалуй, их знаем и мы.

В сборник рассказов Б. Чхеидзе «У фазаньего источника», выпущенного издательством «Заря Востока» на русском языке, вошло пять произведений. Пять рассказов — пять судеб. О чем говорят они? Что волнует писателя, что помогает он нам узнать, почувствовать, понять своими произведениями?

Читаешь рассказы Б. Чхеидзе, и грузинское советское село предстает перед внутренним взором достоверно и ярко. Человеческие взаимоотношения раскрываются на фоне обычной будничной жизни, и тем достовернее выписываются характеры, что показаны они в типических обстоятельствах, тесно связаны с окружающими их бытом, укладом жизни.

Комбайнер Сандро Додашвили увлеченно мастерит приспособление, которое должно помочь без потерь убрать полегшие хлеба. Но оно не было предусмотрено во время выпуска комбайна на заводе. И этого достаточно, чтобы директор МТС, заплывший жиром, равнодушный бюрократ, не разрешил испытать новшество. Внезапно возникшее чувство между молодым комбайнером и передовым бригадиром колхоза Элисо Алугишвили развивается, крепнет. Элисо верит в изобретение Сандро, всеми силами помогает ему, и не потому только, что приглянулся ей молодой комбайнер; нет, им обоим одинаково дорога судьба урожая, а любовь поддерживает, придает силы в борьбе. И радостно видеть, что молодость, правда, побеждают.

Казалось бы, этот сюжет вполне закономерен и имеет право на самостоя-

тельное существование. Больше того, написанный искренне и тепло, рассказ несомненно полюбили бы читателю. Но в том случае, если бы автору не изменило чувство меры. А вдруг покажется все слишком обыденным? А не будет ли скучно? — думает автор. И в хороший сюжет начинают добавляться ненужные, а подчас и просто досадные детали. Элисо не говорит Сандро своего настоящего имени, она, как добрая фея, помогает ему, оставаясь неизвестной. К комбайнерам она приезжает инкогнито...

И вот из правдивого рассказа постепенно улетучивается жизненная достоверность, и становится неловко за автора, любящего жизнь и знающего ее.

Или вот еще одна ненужная, фальшивая деталь. Рассказ «Возвращение» написан взволнованно и правдиво. Как чудесен образ Ника Мухлиашвили, искалеченного войной человека с мужественным сердцем, как обаятельна и тверда в своей верности, в чувстве его жена Цицино. Ника не хочет причинять страдания жене, быть обузой в семье, и уходит в горы. Здесь живет он бобылем, и сердце его истекает кровью от сознания, что недалеко в селе — его семья. Чутье не обманывает Цицино. Чувствуя, что появившийся в соседнем районе неизвестный калека — ее Ника, она отправляется за ним. Но зачем при этом автор заставляет ее надеть мужской костюм, прятаться от попутчиков и в этом маскарадном наряде появиться в Баралети? И опять: читаешь, и чувствуешь фальшь. Почему автору хочется обязательно развлечь тебя, а, по существу, отвлечь от главного, непонятно.

Не в сюжетном построении рассказов, не в повествовании, а в человеческих образах главное достоинство рассказов Б. Чхеидзе. Особенно хороши в этом небольшом сборнике образы женщин. Вспомним Маринэ Санеблидзе — изящного агронома, с твердой волей и совсем не «девической» напористостью из рассказа «У Фазаньего источника», знакомых уже нам Элисо Алугишвили и Цицино, рассудительную Кетеван и трудолюбивую горянку Дзидзило из рассказа

«В покинутой хижине» и, наконец, тетушку Майко («Весной прекрасной»).

Образ тетушки Майко Джапанашвили, несомненно, наиболее удачный в сборнике. Как живая, встает она со страниц рассказа. Умная, энергичная, живая, она всю жизнь печется о благополучии своей семьи, об осиротевших младшей сестре Нанито и племяннике мужа Ревазе. Вся жизнь, энергия, помыслы Майко направлены к процветанию родного очага. Полновластная хозяйка в доме, она сумела стать незаменимой подругой мужу, верным советчиком Нанито и Реваза, отличным бригадиром овощеводов.

Если задаться целью обязательно определить, какая тема является основной в рассказе «Весной прекрасной», чему отдает автор предпочтение — вопросам любви, труда или быта, испытаешь немалое затруднение. Да, это рассказ о любви, о сильном и нежном чувстве Реваза и Нанито, о всех перипетиях их любви, о том, как развивалось и крепло их чувство. И в то же время это рассказ о торебском колхозе, о его делах, успехах, о трудовых буднях колхозных механизаторов.

Как в жизни, в этом рассказе работа и любовь, огорчения и радости живут вместе, не заслоняя друг друга. Все в этом рассказе правдиво и искренне, ни в чем нет нарочитых подчеркиваний. Так и кажется, что ты приподнял завесу и оказался свидетелем жизни хороших советских людей, к тому же, кажется, давно знакомых тебе и любимых. Разве, бывая в грузинской деревне, не встречали вы тетушку Майко, проворно орудующую на огороде, слывшую «чародейкой урожаев овощей», решительно выступающую на колхозных собраниях, искренне огорчающуюся, что «нет у нее сотни рук и сотни глаз», или таких жизнерадостных и трудолюбивых парней как Реваз? А милые девушки Нанито и Пепело? Пепело во всем хочет походить на тетушку Майко — и голосом, и походкой, и манерой разговаривать, а главное, умением так хорошо и споро работать.

Рассказы Бориса Чхеидзе часто похожи на очерки. И не знаешь, беда это их или достоинство. Нет в них глубоких раздумий автора, ловких сюжетных поворотов, зато так и кажется, что стоит

приехать в Тореби, как выскочит с лаем тебе навстречу из первого же двора задиристая Татия, встретится на дороге Пепело, а прежде чем осмотреть колхоз, надо будет зайти в правление к Соломону Бериозе.

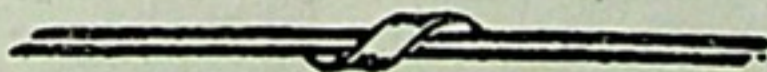
Очеркист и рассказчик в Борисе Чхеидзе — живут бок о бок. В рассказы его из очерков приходит достоверность, и это конечно, хорошо. Но есть в этом слиянии и то, от чего хотелось бы отказаться. В рассказы порой проникает газетный штамп и больно режет слух. Вот, например, как кончается рассказ «Девушка из Тамало». Партийный работник, приехавший из города, с ходу, за какие-нибудь два часа разбирается в обстановке, в спорных и достаточно запутанных отношениях людей и одной фразой разрешает все конфликты.

«Мотовило, которое вы изготовили, следует возможно шире использовать уже на нынешней жатве, — посоветовал приехавший из города товарищ. — А если вам удастся отыскать этого человека (речь идет о самом Додашвили, с которым разговаривает приезжий), который, как вы говорите, ушел от вас по своему желанию, то я попрошу, чтобы вы вместе с ним приехали ко мне в Тбилиси. Кстати, хотелось бы знать, как вы относитесь к тому, если вам будет предложено занять должность директора МТС.

Додашвили смутился, от волнения ничего не смог ответить».

Надо сказать, что смутились, прочитав эти строчки, и мы. Уж слишком примитивно и в лоб расставлены точки. Так и кажется, что написал это автор второпях, не зная как кончить рассказ, но помня, что идет он в очередной номер и должен вписаться в строго ограниченные рамки журнала. И никто не сказал ему при этом — в жизни так не бывает. Изменить правде жизни незаметно — нельзя. Читатель почувствует это.

Рассказы Бориса Чхеидзе, также, как и его очерки, с которыми он выступает на страницах газет и журналов, свидетельствуют, в первую очередь, о том, что это писатель, главной темой творчества которого прочно стала современность. Дыхание сегодняшнего дня — вот, что привлекает в сборнике «У Фазаньего источника».

Мудрость таланта

К празднованию 300-летия со дня рождения
Сулхана-Саба Орбелиани

Когда в 1714 году великий грузинский писатель и ученый Сулхан-Саба Орбелиани приехал в Европу с дипломатическим поручением от царя Вахтанга VI, то и в Париже и в Риме сразу поняли, что он был не простым дипломатом, не обыкновенным послом. Аббат Ришар, например, сообщает в своих записках: «Этот князь воспитал царя Вахтанга и его детей. Поэтому они его глубоко уважают и любят, как родного отца. И вся Грузия считает его отцом». Ришар писал и о глубоких патриотических чувствах своего гостя.

Кстати, в Италии, в архиве города Тосканы, имеется единственное дошедшее до нас описание наружности грузинского посла:

«Ему шестьдесят лет, он высок ростом, бодр и сильного телосложения, у него прекрасное лицо и длинная борода, которая ему очень идет».

Сулхан-Саба Орбелиани был принят Людовиком XIV и беседовал с ним с чисто придворным остроумием. Когда Людовик XIV пожаловался на старость, Саба дипломатично ответил ему: «Государь, ваше величество с такой грацией носит этот возраст, что каждому хотелось бы обладать им!»

Но Людовика тревожили свои заботы. И дипломатия Сулхана-Саба Орбелиани не достигла цели — напрасно просил он у французов материальной и политической помощи Грузии в ее борьбе против сефевидского Ирана.

Сулхан-Саба Орбелиани вошел в историю грузинской культуры как учитель своего народа и бескорыстный его опекун.

Сулхан-Саба Орбелиани родился 24 октября 1658 года в селе Тандзиа, близ Дманиси. Он происходил из старинного аристократического рода. Отец Сулхана был старшиной судебной палаты и любимцем царя Георгия XI.

Будущий писатель получил прекрасное образование, он блестяще знал духовную и светскую грузинскую литературу и, помимо родного, — греческий,

турецкий, армянский, латинский и итальянский языки. Сулхан-Саба Орбелиани был еще юношей, когда царь Георгий поручил ему, своему воспитаннику, составление грузинского словаря. Сулхан достойно справился с этой сложной работой, требовавшей от автора глубокой осведомленности в литературе, теологии, философии, естествознании... Будучи еще совсем молодым, он закончил свой знаменитый, прославивший его имя сборник басен, анекдотов, загадок и сентенций — «Мудрость вымысла».

Сулхан рано вступил на арену политической, общественной жизни. Деятельность его разворачивалась в эпоху царствований Георгия XI и Вахтанга VI. Первый был его воспитателем, второй — воспитанником.

Поборник национальной независимости и централизованной царской власти, автор «Мудрости вымысла» подвергался гонениям и притеснениям со стороны крупных грузинских феодалов-иранофилов. Особенно усложнилось его положение, когда Георгий XI был свергнут с престола принявшим мусульманство Ираклием I.

Некоторое время Сулхан-Саба Орбелиани был вынужден даже скрываться у своего тестя, ахалцихского атабага Салима-паши. Ахалцихе тогда был мусульманским владением. Возвратившись в Картли, писатель, придворный и дипломат, он постригается в монахи и поселяется в монастыре Иоанна Крестителя. С этого времени он известен под двумя именами — Сулхан-Саба.

«Знатный, погруженный когда-то в мирские дела», человек неукротимой энергии. Сулхан-Саба Орбелиани не предался религиозному аскетизму и в стенах монастыря. Отсюда выступал он с горячей проповедью против ренегатов, лицемеров и карьеристов, против угнетения крестьян, отсюда обличал он пороки, в которых погрязли высшие слои тогдашнего общества. Сулхан-Саба Орбелиани был величайшим гуманистом, тесно связан-

ным с простым народом, он глубоко скорбел о судьбах своей родины, находившейся под влиянием, или, скорее, властью двух агрессоров — Турции и Ирана. В этот период в Грузии все было неустойчиво, изменчиво. Поколеблены были традиции, национальное самосознание, государственное право. Путь наследников династии Багратидов к трону лежал через измену своему народу и религиозное отступничество. Сулхан-Саба Орбелиани хорошо видел нравственное вырождение высших кругов грузинского общества и остро переживал процесс денационализации, который постепенно охватывал эти круги. Но поистине ужасающим явлением считал он разорение крестьян, угнетавшихся своими же феодалами, продававшими их в рабство. Будучи одним из крупнейших магнатов тогдашней Грузии, Сулхан-Саба Орбелиани отказался от своего состояния и стал бедным монахом, и это в то время, когда каждый феодал и церковник стремились любым путем расширить свои владения и увеличить богатства. Благородный поступок Сулхана-Саба Орбелиани создал вокруг его имени в памяти грузинского народа немеркнущий ореол.

Слово и дело не противоречили друг другу в жизни этого замечательного человека. Об этом можно судить и по его «Поучениям».

В 1696 году иранский шах помирился с мятежным Георгием XI, который вскоре вошел к нему в доверие. Но Георгий XI был оставлен в Иране, а временно на престол был возведен Вахтанг VI (1703). В этот период Сулхан-Саба Орбелиани становится центральной фигурой в общественно-политической и культурной жизни Грузии.

Иранский шах пригласил в 1712 году Вахтанга VI в Иран для утверждения его царем Картли. Вахтанга сопровождал Саба. Прибыв в Иран, Вахтанг отказывается принять мусульманство, и шах лишает его свободы. Саба возвращается на родину и вскоре едет в Европу для дипломатических переговоров с европейскими государями. И Париж и Рим, как уже было сказано выше, отстранились от какого-либо участия в грузино-персидских делах. Вахтанг VI вынужден был помириться с шахом и только после этого он в 1719 году сумел возвратиться в Картли. Но в 1722 году, когда на Иран напали афганцы и шах попросил помощи у Вахтанга VI, последний отказал ему и вместе с Петром I стал готовиться к войне против Ирана. Сефевидский Иран терпит поражение от афганцев, но новый наследник шаха мстит Вахтангу: он передает грузинский престол незаконному сыну Ираклия I — Константину, который в 1723 году разоряет Тбилиси. Восточная Грузия вскоре становится

жертвой турецких набегов. В 1724 году Вахтанг VI отправляется с большой свитой в Петербург и вместе с ним «старый и болезненный человек» Сулхан-Саба Орбелиани.

26 января 1725 года в селе Всехсвятском, под Москвой, Сулхан-Саба Орбелиани скончался.

* * *

Перу Сулхана-Саба Орбелиани принадлежат: «Лексикон». «Врата рая» — сочинение теологического характера, замечательные проповеди — «Поучения», интересное «Путешествие в Европу»... Он же стилистически обработал переведенный Вахтангом VI сборник басен «Килила и Дамана», («Калила и Димна»), в котором ему принадлежат все стихотворения.

Но как ни велики заслуги Сулхан-Саба Орбелиани и в языкознании и в версификации, в грузинскую литературу он вошел, в основном, как крупнейший прозаик, автор бессмертного произведения «Мудрость вымысла». Это сочинение нередко характеризуют как дидактическое. Но значение его далеко выходит за рамки этого определения. Правда, «Мудрость вымысла» — это сборник басен, связанный единой композицией, правда, рассказывают их, в основном, с нравоучительной, назидательной целью. Но, по существу, эта книга воссоздает жизнь современной автору Грузии. И автор путем иносказаний высмеивает представителей почти всех общественных слоев тогдашних Ирана и Грузии. Тираны-цари, крупные феодалы, спаспеты и везири, моуравы и мдиванбеги, крестьяне и торговцы, ремесленники и купцы, евнухи, дервиши, разбойники, воры, нищие — все они живут и действуют на страницах книги так, как жили и действовали на самом деле, независимо от того, выводятся ли они под своими именами или в образе животных. Резко высмеивает автор духовенство, лживых взяточников-судей, алчных придворных, паломников по святым местам.

Присматриваясь к этим артистически исполненным картинам далекого прошлого, легко представляешь себе, какую горькую улыбку вызывало это прошлое у непосредственного его наблюдателя, благороднейшего человека своей эпохи — Сулхана-Саба Орбелиани.

В произведениях Орбелиани нарисована широкая картина жизни феодальных кругов, со всеми ее мрачными сторонами и пороками. Писатель клеймит корыстолюбие и высокомерие, малодушие и трусость, лицемерие и зависть, коварство, разврат и т. д. Резко высмеивает он заносчивость людей, мнящих себя превыше всего.

Царевич Джумбер говорит Рукхе:

«Почему у тебя, получеловека, тщеславия и гордыни на двадцать человек? Вот и крапивник — до того глуп, что, когда по небу прокатится гром, он ложится на спину. «Подпереть бы — думает, — лапкой небо, чтобы не обрушилось и не погиб бы под ним мир». И журавль из гордости никогда не поставит на землю обе ноги разом, бонтятся, как бы под его тяжестью не подломилась земля. Что же ты мнишь о нечистой своей особе, кто ты таков?» («Два богача»).

Книга «Мудрость вымысла» несет в себе вместе с тем и положительный идеал: воспитание нравственно и физически совершенной личности.

Добро и зло для Сулхана-Саба Орбелиани отнюдь не простые понятия, не ярлыки, которые можно приклеивать произвольно к тому или иному явлению или предмету. Поэтому «спор сторон» (царь Джумбер, Леон и Рукха) в его книге — это столкновение людей полярных понятий и взглядов. Автор видит зло мира, но любит человечество и верит в конечное торжество добра и справедливости. Показательно, что только фарисей Рукха представлен мизантропом, отрицающим победу светлого начала в человеке.

* * *

Сулхан-Саба Орбелиани — несравненный ювелир грузинского поэтического слова. «Мудрость вымысла» чарует простотой и ясностью мысли. Составитель первого грузинского словаря, Саба был блестящим знатоком грузинской лексики, идиом и пословиц. Он и прекрасный стилист. Народный язык получил в его

произведениях определенную художественную обработку. И именно взаимодействие форм народного и литературного грузинского языка составляет неповторимую индивидуальность стиля Сулхана-Саба Орбелиани.

Саба утвердил в грузинской прозе метод лаконичного выражения мысли. Диалоги героев состоят порой из кратких, похожих на формулы, выражений. Например:

«Рукха сказал:

— Хоть бы мне умереть!

Джумбер сказал:

— Смерть призывают:

тот, кто жил порочной жизнью;

тот, кто болен продолжительной и неизлечимой болезнью;

тот, кто наверняка рассчитывает
попасть в эдем».

(«Аистинный суд»).

Как мы видим, золотое перо Сулхана-Саба Орбелиани служило лишь глубокой мысли. Автор книги «Мудрость вымысла» был мудрым художником. А мудрость он разъясняет в своем словаре следующим образом:

«Мудрость — добро, коварство — не добро!»

Его портрет будет завершен, если мы вспомним объяснение улыбки в том же «Лексиконе»:

«Улыбка есть смех, спокойный, беззвучный, который выражается лишь легким движением губ».

Сулхан-Саба Орбелиани, человек большого ума и таланта, вот уже в течение трех столетий стоит перед нами именно с такой спокойной и доброй улыбкой.

Коста с гневом и болью писал о горькой доле своего народа и решительно требовал восстановления его человеческих прав. Наградой за это была ненависть властей, ссылки и, разумеется, материальная нужда. Поэт умер, когда ему не было и срока семи лет.

* * *

Сборник «Осетинская лира» — неоценимый вклад Коста Хетагурова в родную поэзию — открывает обычно стихотворение «Завещание». Оно невелико, я хочу привести его:

Прости, если отзвук рыданья
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страданья,
Тот пусть и поет веселей.
Но если б народу родному
Мне долг отплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез.

Из всех произведений Коста Хетагурова — а написано им, принимая во внимание его беспокойную, полную лишений жизнь, немало — я больше всего люблю поэму «Фатима». Эта поэма и ее героиня настолько популярны, что, как рассказывал мне один из моих осетинских друзей, Фатима теперь — чуть ли не самое распространенное женское имя. Приниженная старым бытом, жестокими законами Корана, женщина-мусульманка показана в поэме в неравной и нелегкой борьбе за свое человеческое достоинство. Чудесная, поэтичная Фатима видится мне сквозь дымку прошедших десятилетий — мне радостно думать о том, что сегодня осетинские девушки счастливы и свободны. И еще мне приятно вспомнить, что в старую дружбу, связывающую грузин и осетин, совсем недавно сделан еще один вклад — режиссер Сико Долидзе создал по прекрасной и печальной поэме Коста художественный фильм.

* * *

В 1891 году умер Михаил Кипиани — общественный деятель, хороший, сердечный человек. Коста Хетагуров, который знал и любил его, дважды посвятил ему стихотворения. Привожу одно из них так, как оно было написано, то есть по-русски:

Умер!.. О это холодное слово
Скорбью звучит беспредельной для нас.
Умер... и ты, обездоленный снова,

Плачешь и стонешь, родимый Кавказ!
Да, потерял ты достойного сына,
Все, что ты нашей семье завещал,
В образе скромном простого грузина
Все незабвенный наш брат совмещал.
Много ль их было, способных народу
Так же всецело отдаться, любя,
Так же бороться за нашу свободу,
Светоч познания в сакли внося!
Нет, их немного. И эту потерю
Наши потомки припомнят не раз...
Плачь... Я в грядущее снова поверю,
Слушая плач твой, родимый Кавказ!

Мне кажется, нет необходимости еще раз подчеркивать ни интернационализм Коста Хетагурова, ни его преданность идеям дружбы народов. Но некоторые факты, иллюстрирующие его близость к деятелям грузинской культуры, дружбу с ними, мне хочется все же привести. В частности, с Михаилом Кипиани он сдружился так... Михаил Кипиани, как известно, принадлежал к группе «тергдалеули», деятельность которой царское правительство считало, понятно, вредоносной. Кипиани вынужден был укрыться в Осетии. Здесь он близко узнал жизнь страны, о которой писал в своей книге «От Казбеги до Эльбруса», здесь познакомился с Коста. Не сомневаюсь, что дружба с Кипиани еще больше усилила уже существовавший тогда интерес к литературе, культуре, жизни грузинского народа. Он хорошо знал творчество Акакия Церетели и Александра Казбеги. До нас дошли сведения о той беседе, которую Хетагуров и Казбеги вели о судьбах своих народов, о пронизывавшей ее вере в их лучшее будущее. А когда тяжелобольной Казбеги умирал в одной из больниц Тифлиса, Коста, остро это переживавший, напечатал в газете «Северный Кавказ» статью, обличавшую бездушное отношение к писателю местных властей.

Надо ли говорить, что имя Коста Хетагурова, великого поэта братского осетинского народа пользовалось и пользуется в Грузии большим уважением. С сердечной болью встретила Грузия весть о смерти поэта.

«Вечная память тебе, наш дорогой друг и товарищ Коста! Память о тебе никогда не умрет в сердце твоего родного народа, в сердцах твоих друзей — которые видят в тебе са-

моотверженного апостола блестящего будущего народа». Так от лица передовой грузинской интеллигенции, от лица грузинского народа писала тогда тифлисская пресса.

Надо сказать, что произведения Коста давно популярны у нас в Грузии. Наши поэты переводили его стихи, наши композиторы писали к ним музыку. Дмитрий Аракишвили написал свой первый романс на стихотворение Хетагурова «Смерть горянки», потом создавал музыку на слова из поэмы «Фатима». О близких взаимоотношениях Хетагурова

и Аракишвили мы узнаем, в частности, из статьи «Музыка слов», написанной композитором в результате

его длительного путешествия с целью сбора грузинских и осетинских народных песен.

А. Пухаев

ПОРТРЕТ КОСТА

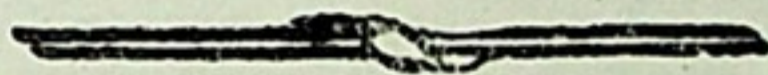
Перевод с осетинского
Ю. Виленчика

На стене, над ковром, —
твой знакомый портрет,
Я смотрю, не могу насмотреться...
Грустных глаз твоих тихий,
задумчивый свет
С юных лет полонил мое сердце.
На бешмете блестит серебром
рукоять
От меча, что в бессмертие вложен.
И враги не сумеют оружия
достать
Из твоих нержавеющей ножен.
Пусть сокрыто от взора его острие,
Пусть проносятся годы, как
птицы, —
Словно в ножнах, в груди моей
имя твоё,
И оно никогда не затмится.

В связи с юбилеем Государственное издательство Грузии «Сабчота Сакартвело» издало книгу избранных стихов Коста Хетагурова, куда входят и мои переводы.

Популярность Коста в Грузии все более растет. Его книги издаются и переиздаются, они читаются на литературных вечерах, изучаются школьниками и студентами... И когда сегодня я читаю или, вернее, перечи-

тываю стихи Коста, мне радостно думать о том, что вместе со мной это делают сотни и тысячи моих земляков.

Ш. Алхазшвили

Н А Ш З И Г А

17 апреля 1919 года. Зал Тбилисской консерватории переполнен. Сегодня здесь вечер поэзии Тициана Табидзе. Среди многочисленных слушателей — Ованес Туманян, Паоло Яшвили, Галактион Табидзе, Сергей Городецкий и другие. В первом отделении вечера Геронтий Кикодзе сделал доклад о новой грузинской поэзии.

В антракте я разговорился с литератором Али Арсенишвили. Арсенишвили со всеми знаком, его тоже все знают, — даже беседуя с тобой, он то и дело глядит по сторонам; вот, кому-то пожимая руку, кого-то приветствуя издали, он вдруг радостно позвал: «Зига!». К нам с улыбкой на лице подошел худощавый юноша чуть выше среднего роста, блондин с серовато-голубыми глазами. Я сразу догадался, что это Зигмунд Валишевский. Тогда ему было едва ли больше двадцати двух лет, но, несмотря на это, он был уже очень хорошо известен тбилисскому литературному и художественному миру. Лично я не раз слышал о Валишевском от художника Кирилла Зданевича, который всегда отзывался о нем, как о весьма талантливом художнике...

Арсенишвили познакомил нас и тот час — как это было вообще ему свойственно — заговорил со стоявшими рядом людьми и вскоре оставил меня с Зигмундом наедине. Мне о многом хотелось его расспросить, но я почему-то не решался. Зига оказался смелее и постепенно втянул меня в разговор о живописи. Он раскрыл передо мной свой блокнот, который и до этого держал в руке, и показал свои карандашные зарисовки. Оказывается, пока Г. Кикодзе произносил речь, Зига успел зарисовать Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Сергея Городецкого и других, незнакомых мне людей. Я удивился, как это художнику всего несколькими карандашными штрихами удавалось добиться такого поразительного сходства. И правда, Валишевский мог единым движением карандаша, не прерывая линии, сделать очень выразительный портрет. Впоследствии Зига сделался подлинным виртуозом карандаша. (На выставке, организованной в Му-

зее искусств Грузии совсем недавно, в 1957 году, было представлено много образцов его графического искусства: шаржи, эскизы, зарисовки и т. д.).

... Вечер Тициана Табидзе вызвал большой интерес. Особенно горячими овациями встретили выступление Ованеса Туманяна. Он на армянском языке прочел свое стихотворение, посвященное молодым грузинским поэтам. Это стихотворение тут же прочитал на русском языке Сергей Городецкий, а на грузинском — Паоло Яшвили.

Я знал, что Валишевский живет по соседству со мной на Бебутовской (теперь улица Энгельса), поэтому после окончания вечера предложил ему вместе отправиться домой. По дороге много беседовали. Меня очень интересовала его биография, его жизнь в Тбилиси.

— Да, я поляк, — с гордостью взглянув на меня, сказал Зига и начал рассказывать о судьбах польского народа, в особенности о судьбах ее интеллигенции после раздела Польши. — Достаточно привести два-три примера, — продолжал Зига, — великие поляки — Мицкевич, Словацкий, Шопен вынуждены были оставить родину и жить за границей. Затем, вам хорошо известно, что поляк Корженевский стал английским писателем Джозефом Конрадом, а поляк Костровецкий — французским поэтом Гийомом Аполлинером. Я назвал только всем известные имена. Я родился в Петербурге, где служил мой отец, потом мы выехали в Батуми, а оттуда в 1905 году мы переселились в Тбилиси. Не знаю, сколько времени мы еще будем здесь жить, но вот уже пятнадцать лет, как я живу в Грузии, и должен признаться, что Тбилиси стал для меня родным городом.

Позднее, когда наше знакомство стало более близким, я убедился в правоте его слов. Действительно, большую часть своей жизни Валишевский провел в Грузии (1903—1921 гг.). Здесь, в Тбилиси, он возмужал как человек и как художник, здесь развился его поразительный художественный талант, здесь впервые зазвучало его имя. В Тбилиси у Зиги было много друзей как среди грузин, так и

среди армян и русских. Валишевский и сам был горячим пропагандистом дружбы народов.

В 1919—20 годах в Тбилиси выступало много гастролеров: поэтов, музыкантов, певцов, актеров, художников. Мы, молодежь, почти каждый вечер посещали то оперный, то драматический театры, то концерты, устраиваемые в консерватории. Правда, цены на билеты не всегда были для нас доступны, но знакомые билетеры или актеры почти всегда помогали нам бесплатно подняться на галерку. Иногда без копейки в кармане мы приходили в кафе-чайную «Дзмури нугеши» («Братская отрада»), в которой, правда, никакой «отрады» не находили. Зато Зига часто зарисовывал здесь многочисленных посетителей. И если случайно в это время в кафе появлялся Паоло Яшвили, то он тут же устраивал аукцион, на котором продавались рисунки Зиги. Мы, друзья Зиги, сидевшие за разными столами, постепенно поднимали цену. Паоло знал, что у нас ни гроша, но ведь богатая посетительница кафе, которую Зига только что зарисовал, не захочет расстаться со своим портретом! Портрет, конечно, покупали, и Зига на несколько дней бывал обеспечен.

В те годы я часто встречал Зигу и в театрах. Как раз в это время главный художник оперного театра А. Зальцман предложил Зиге написать эскиз нового театрального занавеса. Зига приступил к работе со свойственным ему энтузиазмом и уже через несколько дней представил замечательный эскиз. Новый занавес, изготовленный по его эскизу, вызвал большие дискуссии. Это было нечто необыкновенное. Помню: на фоне синего неба к раскаленному золотому солнцу мчится сидящий на коне рыцарь в грузинском одеянии.

Биографы В. И. Качалова, быть может, не знают, что еще 7 мая 1920 года в «День поэзии» в Тбилисском оперном театре великий актер читал переведенные на русский язык бессмертные стихи Николоза Бараташвили. С безупречной дикцией, волшебным, в душу проникающим бархатным голосом читал Качалов «Мерани». Не помню, чей был перевод. Чтение Качаловым стихов Бараташвили большое впечатление произвело и на Валишевского. Когда мы вышли из театра, Зига мне признался, что во время работы над эскизом для нового занавеса ему постоянно вспоминались строки из гениального произведения Бараташвили.

— Я хотел выставить на первый план мотив поединка с судьбой, — говорил Зига, — мотив непокорности судьбе, а не «черного ворона» и «думу черную». Вспомните строки из стихотворения Николоза: «Несись, несись, мой конь кры-

латый, умчимся вместе за грань судьбы. Твой всадник не был пленником рока и с ним, как прежде, жаждет борьбы»¹.

Не знаю, где находится сейчас этот занавес, сохранился ли хотя бы эскиз? Надо сказать, что в отношении Валишевского судьба совершила еще одну несправедливость: погибла также роспись стен ресторана «Химериони» (сейчас вестибюль театра имени Руставели).

Валишевский очень интересовался грузинским искусством. С подлинным преклонением относился он к творчеству Нико Пиросманишвили. На выставке 1919 года его часто можно было увидеть перед такими полотнами Пиросманишвили, как «Дворник», «Торговец дровами» и др. Он долго и напряженно всматривался в эти картины. Зига вообще очень интересовался пиросмановским типажем.

Большим другом Валишевского был Ладло Гудиашвили. Картины Ладло — «Основание Тбилиси», «За городом», «Мерани», «Мой Тбилиси» были предметом постоянного восхищения Валишевского.

Но говорить о влияниях, анализируя живопись Валишевского тбилисского периода, было бы нецелесообразным. Просто Гудиашвили, Валишевский, Бажбеук-Меликов, Шалва Кикодзе, частично Елена Ахвледиани, в то время дышали почти одинаковой художественной атмосферой. Тематика, приемы выразительности, точность рисунка, поиски новых форм, увлечение творчеством Пиросманишвили — все это было у них во многом общим. Нельзя забывать и того, что Валишевский оставил Тбилиси, когда ему было всего двадцать четыре года и в его работах тбилисского периода многое еще не устоялось. Но среди них есть и такие замечательные произведения, как «Портрет матери» (1919 г., бумага, уголь), подлинно реалистическое произведение, где характер выявлен с предельной правдивостью, «Портрет Б. Фогеля» (1916 г., бумага, черный карандаш), фронтальные зарисовки (портреты солдат) и рисунки старого Тбилиси (Татарский майдан, харчевня и др.).

В последний раз я встретил Валишевского в оперном театре 3 января 1921 года на концерте известного пианиста Боровского и виолончелиста Белоусова. Это была наша последняя встреча.

В прошлом году случайно попал мне в руки журнал «Польша», откуда я узнал о последних годах жизни Валишевского (умер он в 1939 г.), о большой популярности его творчества: Валишевский по праву считается сейчас в Польше одним из зачинателей новой польской живописи.

Грузинский народ никогда не забудет «тбилисского Зигу», большого художника Польши — Зигмунда Валишевского.

¹ Стихи даны в переводе Мих. Лрзинского.

КНИГА ИДЕТ К ЧИТАТЕЛЮ

Могучий поток советской литературы образуется из множества впадающих в него рек и ручьев — литератур братских народов нашей страны. Писатели всех национальностей, каждой республики Советского Союза, все без исключения вносят свой вклад в многонациональную советскую литературу, обогащают ее.

Многомиллионной, многонациональной читательской аудитории нашей страны доступны почти все значительные произведения классиков и писателей-современников, лучшие образцы фольклора.

Одним из важнейших условий обмена культурными ценностями между народами является хорошо организованная пропаганда и популяризация литературы, выпускаемой местными издательствами, четко налаженная книжная торговля. Но несмотря на широко разветвленную сеть книжных магазинов и киосков, даже в Москве, подчас, очень трудно разыскать книжку, скажем, Иркутского издательства, не говоря уже о том, что книги из Прибалтики не попадают на Дальний Восток, а книги из Хабаровска — в Прибалтику. Этот вопрос не раз поднимался в печати. Однако, если не считать отдельных случайных связей между книготоргами, до последнего времени не существовало единого центра, основной задачей которого стали бы распространение и популяризация литературы, выходящей не только в центральных издательствах Москвы и Ленинграда, но и всех книжных новинок, выходящих в братских республиках.

Чем это объяснить? Может быть, местные издательства недостаточно мощны для того, чтобы выйти со своей продукцией на общесоюзный рынок? Отнюдь нет. Сейчас в стране работает более 320 книжных издательств, продукция их увеличивается с каждым годом. Только 70 издательств Российской Федерации выпустили в прошлом году около 8 тысяч книг и брошюр общим тиражом в 77 миллионов экземпляров. Бурно развивается книгоиздательство на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Грузии, Молдавии, Армении, Эстонии.

Может быть, вся эта литература це-

ликом расходится в пределах своих республик, областей? Тоже нет.

Многие издательства вынуждены искусственно занижать тиражи оригинальных книг местных авторов, хотя эти книги могли бы выйти значительным тиражом за пределы республики. В заботах о рентабельности и легком сбыте местные издательства часто переполняют свои тематические планы так называемой «ходовой» литературой. Например, киргизским издательством в 1956 — 1958 гг. тиражами в 150 — 200 тысяч экземпляров были выпущены «Записки о Шерлок Холмсе» Конан-Дойля, «Лунный камень» Уилки Коллинза, «Граф Монте-Кристо» А. Дюма и другие. Выпуск произведений национальных писателей, поднимающих острые проблемы современности, оказался отодвинутым на второй план. А ведь прошедшая Декада киргизского искусства и литературы в Москве показала, что республика не обижена оригинальными талантами.

Заставляет серьезно задуматься и тот факт, что пресловутые «ходовые» книги издаются огромными тиражами не только в Киргизии, но и в Узбекистане, Белоруссии, Молдавии, Казахстане и других республиках.

Правильно поступает издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока», не становясь на этот легкий путь, а отбирая для многотиражных изданий произведения из своей национальной литературы. Так, например, этим издательством были выпущены на русском языке тиражом 300 тысяч экземпляров «Грузинские народные сказки». В настоящее время выходят: «Мудрость вымысла» Сулхана-Саба Орбелиани тиражом 300 тысяч и «Мамлюк» Уиараго тиражом 400 тысяч экземпляров. Надо отметить, что эти массовые издания богато оформлены иллюстрациями местных художников. Обычное явление в практике издания грузинской переводной литературы как классической, так и современной, — тиражи в 50, 75 и 100 тысяч экземпляров.

Год назад в «Союзкниге» был создан специальный отдел по работе с республиканскими изданиями. Начался выпуск

аннотированного информационного бюллетеня «Книги республиканских издательств». О литературе, издаваемой в республиках, узнали самые широкие слои читателей в разных концах страны. В течение года вышло 20 номеров «Бюллетеня», в которых опубликованы сведения о тысяче с лишним книг, изданных в Российской Федерации, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Молдавии, Эстонии, Азербайджане, Грузии, Туркмении, Армении, Литве, Таджикистане и Киргизии. Результаты превзошли все ожидания: за год от книготоргов страны собраны заказы на 14 миллионов 800 тысяч экземпляров книг республиканских издательств! Не ясно ли, что при таком положении у республиканских издательств отпадает необходимость погони за «ходовой» литературой. Более того, выяснилось, что многие из них просто не в состоянии удовлетворить тот огромный взаимный интерес, который проявляется в нашей стране к национальным литературам. Заказы по «Бюллетеню» более чем вдвое превысили запланированные тиражи многих книг украинских и белорусских издательств. Такие же красноречивые примеры можно привести и по другим республикам.

Огромным спросом в стране пользуется не только художественная, но и политическая, техническая, сельскохозяйственная, научно-популярная, медицинская литература, издаваемая в республиках.

К сожалению, далеко не все книготорговые организации поняли важность этой работы.

Книги республиканских издательств уже перешагнули местные рубежи и получили самое широкое признание многомиллионного советского читателя. Но распространению этих книг очень мешает отсутствие специализированных магазинов местной книги в крупных промышленных и научных центрах.

Следовало бы серьезно подумать и о том, как лучше обеспечить литературой на родном языке проживающее в союзных республиках население других национальностей.

Можно перечислить еще ряд трудностей и недочетов в работе книготорговых организаций и республиканских издательств. Сейчас нужно серьезно подумать о том, чтобы все местные книготорги, издательства и отделения Союза писателей приняли активное участие в пропаганде областных и республиканских изданий в библиотеках и клубах, на промышленных предприятиях и в колхозах. Хотелось бы ближайшее время увидеть специализированные магазины местных изданий в крупных городах страны, в столицах союзных республик, посетить Всесоюзную выставку книг республиканских, областных и краевых издательств, развернуть самый широкий обмен опытом между книготоргами. Хорошее, нужное дело, впервые избавленное от самотека, нужно поддерживать и развивать.

Коротко об авторах

СТУРУА (Род. в 1928 г.) —
Мэлор Георгиевич журналист. С 1947 года, окончив Институт Международных отношений, М. Стуртуа работает литературным редактором иностранного отдела газеты «Известия». Его статьи систематически печатаются на страницах центральной и республиканской прессы.

БЕРУЛАВА (Род. в 1924 г.) —
Хута Михайлович грузинский поэт. Начал печататься с 1944 г. За пятнадцать лет издано несколько книг его стихов: «Любовь к Родине», «Дни», «Русское сердце», «Песни о звездах» и др. Сборники стихов Х. Берулава, в переводе на русский язык, также выпущены издательствами Москвы и Тбилиси.

ГРИШАШВИЛИ (Род. в 1889 г.) —
Иосиф Григорьевич народный поэт Грузии, академик. Писать стихи начал с 1904 г. За полвека творческой деятельности поэтом издано множество сборников стихов. И. Гришашвили ведет также большую работу в области детской литературы; ему принадлежит ряд историко-литературных исследований. Особенно велика заслуга поэта в деле культурного сближения братских народов Закавказья, этой же цели служит и переводческая деятельность И. Гришашвили.

В октябре этого года наша литературная общественность тепло отметила 70-летие со дня рождения Иосифа Гришашвили.

ИОСЕЛИАНИ (Род. в 1930 г.) —
Отня Шалвович грузинский писатель. Сотрудничает в республиканских газетах и журналах. В 1957 г. в издательстве «Саблитгами» вышла в свет первая книга «Близкие соседи».

ЗУРАБОВ (Род. в 1929 г.) —
Армен Арамович Окончил Тбилисский Институт инженеров железнодорожного транспорта. Ра-

ботая по своей специальности инженера, побывал на Урале, в Средней Азии и Казахстане. Рассказы А. Зурабова публикуются в центральной и республиканской печати. В 1958 г. издательство «Заря Востока» выпустило первый сборник его рассказов — «Маленькие новеллы».

ЭЛИОЗИШВИЛИ (Род. в 1934 г.) —
Мераб Авельевич В 1956 г. окончил факультет востоковедения Тбилисского государственного университета им. Сталина. Первые рассказы М. Элиозишвили напечатаны в 1958 г. в журнале «Цискари».

АДЖИНДЖАЛ (Род. в 1930 г.) —
Анатолий Тархунович Начал печататься в 1948 году, в газете «Апсны-Капш» и в абхазских журналах. Первый сборник стихов «Родные картины» вышел в 1957 г. Короткие рассказы А. Аджинджала печатались в журнале «Алашара» и в альманахе «Литературная Абхазия».

МИЦИШВИЛИ (1896—1937 гг.) —
Никола Иосифович грузинский поэт. Литературную деятельность начал с 1917 г. В 1926-27 гг. выходят его «Книга стихов» и «Тебервали», в 1929 г. — прозаическое произведение «Эпопея».

СУЛИАШВИЛИ (Род. в 1884 г.) —
Давид Сократович грузинский писатель. Еще будучи учеником Тифлисской духовной семинарии, принимал участие в революционном движении. В 1907 г. был арестован и после побега из тюрьмы десять лет прожил в эмиграции в Швейцарии. В 1917 г. Д. Сулиашвили возвращается в Грузию.

Литературную деятельность начал в 1912 г. Его перу принадлежат рассказы: «В волнах жизни», «Кровь друга», «Стена», «Родная земля» и др.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 18 октября 1959 г. 6 печ. лист. + 1 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 936

Тираж 4000.

УЭ 03599

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

18.4/65

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა